

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 9.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлеръ	575—601
Русская и нѣмецкая школа (продолженіе). Свящ. Т. Буткевича	602—624
Гимны Пруденція въ русскомъ переводѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи Петра Цвѣткова	625—641

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

О физиологическомъ методѣ въ психологіи (продолженіе). М. Остроумова	401—416
Отношеніе религіозно-философскихъ воззрѣній Огюста Канта къ католическому. К. Истомина	417—449

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Содержаніе. Списокъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои за службу по духовному ведомству, награждены Св. Синодомъ ко дню св. Пасхи въ 1888 году. Списокъ священниковъ Харьковской епархіи въ 19 день апрѣля н. г. награжденных Его Высокопреосвященствомъ, за усердную службу, набадренниками. — Программа зачатій съезда духовенства Купянскаго училищнаго округа, назначеннаго быть 7-го іюня 1888 года. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія липы; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστις νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 8.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Мая 15 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Сраженіе при Монтеро было со стороны союзниковъ безцѣльнымъ и безсмысленнымъ кровопролитіемъ. Еще утромъ 18 января Шварценбергъ порѣшилъ отвести всѣ свои войска въ окрестности Труа и вступить въ сообщеніе съ Блюхеромъ, которому послано было предписаніе примкнуть къ правому крылу главной арміи. Понятно, что вѣсть о несчастномъ сраженіи могла только ускорить исполненіе этого намѣренія. Въ теченіи двухъ дней союзныя колонны отступали передъ непріателемъ, слабѣйшимъ числомъ, гонимыя какъ будто какимъ то призракѣмъ. Глубокое уныніе распространилось въ рядахъ. Никто не могъ найти смысла въ этихъ ретроградныхъ маневрахъ, исполняемыхъ по мановенію австрійскаго генеральнаго штаба. Условія, въ которыхъ приходилось совершать эти марши и контръ-марши, дѣйствовали съ своей стороны на войска самымъ удручающимъ образомъ. Погода стояла холодная и сумрачная. Снѣжныя мятели чередовались съ морозами и внезапными оттепелями. Страна, по

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 7.

которой проходили войска, давно уже превратилась въ настоящую пустыню. Деревни, брошенные своими обитателями, были разграблены и опустошены. Невозможно было достать нигдѣ ни дровъ, ни соломы; нигдѣ нельзя было найти защиты отъ ледянаго вѣтра, гулявшаго беспрепятственно по голой, безлѣсной равнинѣ. О съѣстныхъ припасахъ не было и рѣчи, приходилось довольствоваться одними сухарями. Ощущался недостатокъ даже въ годной для питья водѣ. Люди и лошади изнывали отъ жажды. На бивуакахъ солдаты сползались въ кучи какъ муравьи и только этимъ способомъ спасались отъ замерзанія. ¹⁾

Никто не обнаружилъ при этихъ испытаніяхъ такой твердости и выносливости, какъ русскій солдатъ. „Несомнѣнно,“ говоритъ очевидецъ, „что русскіе солдаты испытывали при этомъ отступленіи особаго рода удручающее, нравственное чувство“. ²⁾ Недовольство ясно выражалось на ихъ лицахъ. Веселыя пѣсни, шутки, разговоры умолкли; они шли молча, сосредоточенно, но въ ихъ рядахъ не замѣтно было ни малѣйшаго беспорядка, не слышно было даже ропота.

20 января союзныя войска заняли назначенныя имъ позиціи. Русско-прусскіе резервы, подъ начальствомъ Баркляе-де-Толли, стали впереди Труа, корпуса кронъ-принца, Вреде и Витгенштейна расположились между Труа и Мери; всѣ австрійскія войска заняли позиціи между Труа и Саномъ. Главная квартира союзныхъ монарховъ и Шварценберга перенесена была въ Труа.

Австрійскій генералиссимусъ мотивировалъ свое отступленіе необходимостью сосредоточить силы, дабы дать отпоръ Наполеону. Онъ толковалъ о сраженіи, которое онъ намѣревался дать въ окрестностяхъ Труа; но достигнувъ этого мѣста, и соединивъ здѣсь на тѣсномъ пространствѣ около 90,000 отборнаго войска, онъ вдругъ объявилъ, что этихъ силъ недостаточно для противодѣйствія Наполеону и что онъ можетъ дать сраженіе съ надеждою на успѣхъ, лишь въ томъ слу-

¹⁾ Helldorf, Aus dem Leben. d. Prinzen Eugen v. Württemberg, 3 T., стр. 17.

²⁾ Helldorf, 3 T. стр. 18.

чаѣ, когда къ нему присоединится армія Блюхера. Александръ, желая отнять у Шварценберга этотъ новый предлогъ къ дальнѣйшему отступленію, побудилъ его написать письмо къ Блюхеру. Фельдмаршалъ изъявлялъ въ этомъ письмѣ свою готовность принять сраженіе, но лишь въ томъ случаѣ, если Блюхеръ придетъ къ нему на помощь съ 30,000 ч. Отвѣтъ Блюхера долженъ былъ изумить не только Шварценберга, но и самого Александра. Старый герой писалъ: „Я буду 21-го февраля у Мери съ 53,000 ч. и тремястами орудій, готовый къ бою“ ¹⁾. Австрійскіе стратеги пожимали плечами и говорили о новомъ сумасбродствѣ Блюхера, но старикъ сдержалъ свое слово. 21-го февраля онъ былъ уже въ Мери и войска его примкнули къ правому флангу главной арміи.

На сторонѣ союзниковъ было теперь громадное превосходство силъ. Они располагали полторастатысячною арміею; тогда какъ ихъ противникъ имѣлъ не болѣе 50,000 ч. Всѣ ожидали съ увѣренностью рѣшительнаго сраженія, но Шварценбергъ не былъ Блюхеромъ и не имѣлъ обыкновенія держать свое слово. Руководимый тайными предписаніями своего кабинета, онъ занялъ былъ измышленіемъ новыхъ предлоговъ къ дальнѣйшему отступленію. Такой предлогъ былъ вскорѣ найденъ. Уже французы появились въ окрестностяхъ Труа, уже союзная армія расположилась въ боевомъ порядкѣ въ ожиданіи непріятеля, когда Шварценбергъ, осмотрѣвъ еще разъ расположеніе войскъ, объявилъ, что онъ не можетъ дать сраженія въ этой позиціи. Фельдмаршалъ особенно напиралъ на то обстоятельство, что союзныя войска занимали позиціи по обоимъ берегамъ Сены, и что тѣ корпуса, которые стояли ближе къ непріятелю, имѣли въ тылу у себя большую рѣку. Такъ какъ это соображеніе не лишено было своего основанія, хотя подобное расположеніе войскъ было прямымъ послѣдствіемъ диспозицій самого Шварценберга, то императоръ Александръ счелъ необходимымъ согласиться съ мнѣніемъ главнокомандующаго. Въ ночь съ 22-го на 23 фев-

¹⁾ Бернгарди, Т. IV, стр. 45.

раля союзныя войска отступили за Сену, оставивъ на лѣвомъ берегу рѣки только небольшіе отряды. Въ Труа была оставлена австрійская бригада Фолькмана съ приказаніемъ: держаться въ городѣ въ теченіи слѣдующаго дня.

Преувеличенныя извѣстія о силахъ Наполеона усиливали съ каждою минутою тревожное настроеніе въ главной квартирѣ союзниковъ. Шварценбергъ дрожалъ съ одной стороны передъ мыслью о столкновеніи съ Наполеономъ, а съ другой придавалъ слишкомъ большое значеніе наступательнымъ движеніямъ Ожеро въ южной Франціи. Его мысли естественнo обратились къ спасительному лангрскому плато и онъ вознамѣрился отступить къ нему съ своею арміею. вмѣстѣ съ тѣмъ князь настаивалъ на необходимости попытаться еще разъ предложить перемиріе Наполеону. Ему удалось склонить въ пользу своихъ мнѣній союзныхъ государей. Императоръ Александръ, утомленный долгою бесплодною борьбою, введенный въ заблужденіе ложными донесеніями партизана Сеславина, доносившаго, что армія Наполеона состоитъ изъ 180,000 ч. ¹⁾, оставленный всѣми, такъ какъ даже многіе русскіе генералы толковали только о мирѣ, и опасаясь совершеннаго распаденія союза, далъ свое согласіе на отступленіе къ Баръ-Сюръ-Обу и Шомону (о Лангрѣ австрійцы пока благоразумно умалчивали), и на посылку новаго парламентаря къ Наполеону, но онъ потребовалъ въ то же время, чтобы союзныя войска отходили назадъ, какъ можно медленнѣе, чтобы они не избѣгали столкновеній съ непріятелемъ и тѣмъ самымъ показывали противнику, что ихъ отступленіе вызвано не страхомъ и преувеличеннымъ мнѣніемъ о силахъ врага, а единственно стратегическими соображеніями. Князь Шварценбергъ принужденъ былъ согласиться съ этими требованіями. Войска получили приказаніе отступать шагъ за шагомъ, а Фолькману предписано было держаться въ Труа до послѣдней возможности.

Парламентаремъ къ Наполеону посланъ былъ князь Вен-

¹⁾ Сеславинъ получилъ въ послѣдствіи за свои неправильныя донесенія строгій выговоръ отъ императора Александра.

цель Лихтенштейнъ. Выборъ во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудачный! Лихтенштейнъ былъ настоящій придворный кавалеръ. Ловкій, свѣтскій, но пустой и ограниченный, онъ не въ состояніи былъ исполнить возложенной на него серьезной миссіи. Явившись передъ императоромъ французовъ, онъ разсыпался въ любезностяхъ и комплиментахъ по адресу великаго императора и его непобѣдимой арміи. Онъ увѣрялъ, что французскія арміи произвели на союзниковъ импонирующее впечатлѣніе, что онѣ никогда еще не находились въ такомъ превосходномъ состояніи. Онъ заявлялъ, что союзные генералы поражены были изумленіемъ, встрѣчая повсюду отборныя войска заваленныхъ ветерановъ, прекрасную кавалерію. Лихтенштейнъ проболтался, что союзники считаютъ силы Наполеона не десятками, а сотнями тысячъ. Этого мало! Онъ былъ настолько наивенъ, что рассказалъ въ какомъ страхѣ находится главная квартира Шварценберга по поводу извѣстій о наступательныхъ дѣйствіяхъ Ожера въ южной Франціи. Наполеонъ, замѣтивъ болтливость австрийскаго генерала, бесѣдовалъ съ нимъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Вывѣдавъ отъ Лихтенштейна все, что было возможно, онъ пришелъ къ убѣжденію, что Шварценбергъ готовъ бѣжать не только на лангрское плато, но и за самый Рейнъ, и рѣшился воспользоваться этимъ настроеніемъ своего противника. Онъ порѣшилъ согласиться на перемиріе лишь подъ условіемъ, что союзники положить въ основу мирныхъ переговоровъ не предъявленные ими въ Шатильонѣ требованія, а условія, объявленные во Франкфуртѣ, т. е. естественныя границы Франціи. Отпуская Лихтенштейна, Наполеонъ сказалъ ему, что онъ пришлетъ отвѣтъ на предложенія Шварценберга съ своимъ адъютантомъ, генераломъ Флаго. О пріостановленіи военныхъ дѣйствій не было пока и рѣчи; напротивъ, Наполеонъ рѣшился, преслѣдуя свои выгоды, тѣснить съ возможно большею энергіею отступающаго непріателя ¹⁾.

¹⁾ Вотъ что дѣлаетъ страхъ (*Voilà ce que c'est que la terreur*), замѣтилъ Наполеонъ по поводу болтовни Лихтенштейна. Въ письмѣ къ Юсифу Бонапарте,

Рано утромъ 23 февраля французы возобновили наступленіе на союзниковъ тремя колоннами. Нигдѣ не встрѣтили они серьезнаго сопротивленія. Союзники повсемѣстно отступили передъ ними по дорогамъ на Вандевръ, Динвиль, Баръ на Сенъ и Баръ на Объ. Только австрійская бригада Фолькмана, оставленная въ Труа, оказала энергическое сопротивленіе. Наполеонъ, сгорая нетерпѣніемъ занять какъ можно скорѣе Труа и наказъ тамошнихъ измѣнниковъ, приказалъ штурмовать города, несмотря на наступившую ночную темноту. Три раза бросались французы на приступъ, но каждый разъ были отражаемы австрійцами съ большими потерями. Бригада Фолькмана очистила Труа только въ четыре часа утра, когда нападенія французовъ совершенно прекратились. Въ теченіи всего 24 февраля, союзники продолжали отступление, тѣснимые французами. Чтобы задержать хотя сколько нибудь наступленіе непріятели и облегчить положеніе своихъ войскъ, Шварценбергъ прибѣгнулъ къ не совсѣмъ достойной уловкѣ. Онъ увѣдомилъ ¹⁾ французскаго маршала Келлермана, находившагося ближе всѣхъ къ союзникамъ, что въ Люзиньи начались уже переговоры о перемиріи, и что въ виду этого слѣдуетъ остановить на-время военныя дѣйствія. Келлерманъ изъявилъ согласіе пріостановить преслѣдованіе до шести часовъ утра слѣдующаго дня.

Переговоры въ Люзиньи, деревушкѣ между Вандеромъ и Труа, были потомъ дѣйствительно открыты. Наполеонъ прислалъ туда элегантнаго генерала Флаго; со стороны Австріи велъ дѣло хорошо извѣстный намъ Дука, бывшій здѣсь какъ-разъ на своемъ мѣстѣ; уполномоченными со стороны Россіи и Пруссіи явились графъ Шуваловъ и генераль Раухъ. Швар-

Наполеонъ писалъ: „Le prince Liechtenstein, aide de camp du prince de Schwarzenberg, avec qui je viens de causer longmempms m'a lais se entrevoir q'уils etaient fort efrayès de ce mouvement de duce Castiglione. (Ожеро) Мемуары Іосифа Бонапарте Т. X, стр. 156.

¹⁾ Увѣдомленіе было сдѣлано, по распоряженію фельдмаршала, австрійскимъ генераломъ Гюлаемъ. Подобный-же приказъ посланъ былъ и Витгенштейну. Но русскій генераль не счелъ удобнымъ прибѣгать къ подобной уловкѣ. См. Бернгарди, Т. IV, 2-а пол. стр. 74—75.

ценбергъ былъ твердо убѣжденъ, что перемиріе будетъ заключено, онъ самъ оставался въ Лювиньи въ теченіи всего утра, въ ожиданіи результатовъ переговоровъ, но его надеждамъ не суждено было осуществиться. Уполномоченный Наполеона ¹⁾ объявилъ отъ имени своего императора, что о предварительномъ перемиріи не можетъ быть и рѣчи, что непріязненные дѣйствія могутъ быть приостановлены лишь въ томъ случаѣ, если союзники примутъ за основу будущаго мира франкфуртскія условія, т. е. признаютъ естественныя границы Франціи. Съ другой стороны, русскій уполномоченный, графъ Шуваловъ, заявилъ отъ имени своего государя, что Россія согласится на перемиріе лишь въ томъ случаѣ, когда за союзными войсками оставлены будутъ всѣ проходы черезъ Вогезы и вся восточная окраина Франціи. Въ виду такихъ противоположныхъ заявленій, переговоры были прерваны и военныя дѣйствія тотчасъ-же возобновились.

Императоръ Александръ не безъ намѣренія далъ ²⁾ графу Шувалову такія инструкціи. Онъ зналъ, что Наполеонъ ни за что не согласится на проведеніе требуемой имъ демар-

¹⁾ Наполеонъ далъ своему уполномоченному чрезвычайно оригинальныя инструкціи. Флаго долженъ былъ требовать, чтобы союзники признали основой мира Франкфуртскія условія, и въ случаѣ ихъ несогласія прекратить тотчасъ-же переговоры. Въ случаѣ ихъ согласія онъ долженъ былъ требовать, чтобы союзники отступили въ Франшъ-Комте, Эльзась и Лотарингію и очистили Бельгію. Помимо этого Флаго долженъ былъ хвастать передъ союзниками уполномоченными и рассказывать самыя невѣроятныя вещи о силахъ Наполеона. Онъ долженъ былъ говорить приблизительно такимъ образомъ: мы знаемъ силы нашихъ непріятелей, но наши силы вамъ недостаточно извѣстны. Каждый день мы получаемъ изъ Парижа 10,000 экипированныхъ и вооруженныхъ людей, въ томъ числѣ 2,000 конницы. Наша армія состоитъ изъ 300,000 челов. Старая гвардія, составленная изъ людей, прослужившихъ не менѣе 16 лѣтъ, утроена въ числѣ и раздѣлена на три дивизіи, въ каждой по 16 батальоновъ; общая численность ея доходитъ до 30,000 ч. Правда у насъ есть около 50,000 чел. не экипированныхъ; но всѣ экипировочныя предметы находятся въ пути и всѣ эти люди снабжены хорошими ружьями и служатъ отлично. Ужасныя злодѣянія, производимыя повсемѣстно казаками, взволновали до крайней степени населеніе Франціи и всѣ спѣшатъ къ оружію. Всѣ шансы успѣха на нашей сторонѣ. Мы взяли до сихъ поръ 50,000 плѣнныхъ, 80 орудій и 800 повозокъ". *Congrespandance de Napoleon*, 27 т. стр. 277—278.

²⁾ Инструкціи Шувалову см. у Богдановича, гдѣ ссылка на исходящій номеръ журнала, стр. 50 приложеній къ тому IV.

каціонной линіи. Императоръ понималъ, что перемиріе можетъ спасти Наполеона отъ гибели, и именно поэтому рѣшился воспрепятствовать во что бы то ни стало его заключенію. Теперь цѣль эта была достигнута. Война продолжалась вопреки Меттерниху, Шварценбергу и Кестльри,—вопреки всѣмъ коварнымъ и трусливымъ союзникамъ. Александру удалось въ этотъ-же самый моментъ дать совершенно иной оборотъ военнымъ дѣйствіямъ. Онъ освободилъ Блюхера и силезскую армію отъ парализующаго вліянія Шварценберга и двинулъ ихъ вновь въ долину Марны и на Парижъ. Толчекъ къ этому спасительному рѣшенію Александра поданъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, самимъ Блюхеромъ.

Негодованіе овладѣло старымъ фельдмаршаломъ, когда онъ убѣдился, что Шварценбергъ заманилъ его на Обу лишь для того, чтобы увлечь его въ свое отступленіе. Блюхеръ сознавалъ, что подобное отступленіе не остановится у Лангра и Шомона, что оно пойдетъ до Рейна и за Рейнъ, что оно окончательно деморализуетъ союзную армію и погубитъ въ конецъ правое дѣло ¹⁾. Неукротимый герой ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ принимать участіе въ подобныхъ маневрахъ. Онъ предпочиталъ отступленію все остальное въ мірѣ и готовъ былъ скорѣе броситься на самое отчаянное и рискованное предпріятіе. Сначала Блюхеръ пытался уладить дѣло тѣмъ-же способомъ какъ три недѣли тому назадъ при Ларотьерѣ. Онъ объявилъ, что готовъ атаковать Наполеона немедленно одними своими силами, подъ условіемъ, чтобы главная армія поддержала его лишь въ случаѣ крайности, но Шварценбергъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе. Тогда Блюхеръ отправилъ полковника Грольмана къ императору Александру съ письмомъ и устными порученіями. Въ письмѣ старый фельдмаршалъ просилъ дозволить ему от-

¹⁾ Совершенно подобное-же мнѣніе высказано было, впрочемъ, и въ главной квартирѣ союзниковъ лордомъ Бургершомъ. „Отступленіе къ Лангру, замѣтилъ онъ на военномъ совѣтѣ, поведетъ къ отступленію за Рейнъ. „Тѣмъ лучше возразилъ ему одинъ изъ приближенныхъ Шварценберга, тогда мы спустимся внизъ по рѣкѣ и приступимъ къ формальной осадѣ Майнца“. Беригарди, Т. IV, 2 пол. ст. 63.

дѣлиться отъ главной арміи, перейти вновь въ долину Марны и оперировать на Парижъ. Объясненія полковника Грольмана вполнѣ удовлетворили императора Александра. Онъ понималъ, что движеніе Блюхера освободитъ главную армію отъ Наполеона и дастъ совершенно иной оборотъ войнѣ. Но чтобы маневръ Блюхера не остался одною диверсією, Александръ рѣшилъ присоединить къ его войскамъ корпуса Винцингероде и Бюлова и довести, такимъ образомъ, его армію до 110,000 челов. Усиленная до такихъ размѣровъ, силезская армія могла уже принять на себя первенствующую роль и опредѣлять своими движеніями маневры главной арміи. Императоръ изложилъ эти соображенія своему другу Фридриху-Вильгельму и король прусскій, никогда не раздѣлявшій опасеній и недовѣрія своего министра Гарденберга, тотчасъ-же согласился съ нимъ. Друзья-монархи сообщили свои намѣренія князю Шварценбергу. Австрійскій генералиссимусъ тотчасъ-же догадался, что планъ Александра и Блюхера разстраиваетъ всѣ его собственные предположенія. Онъ пытался противорѣчить, но Монархи напомнили ему, что ихъ распоряженія касаются исключительно русскихъ и прусскихъ войскъ, и князь принужденъ былъ замолчать. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ отправили Грольмана съ желанными приказаніями къ Блюхеру. Старшій фельдмаршалъ былъ въ восторгѣ. Мосты на Обѣ у Вадемона наведены были уже заранѣе по его приказанію. Тотчасъ-же по возвращеніи Грольмана, силезская армія перешла черезъ рѣку и двинулась по направленію къ Сезанни.

Фельдмаршалъ написалъ благодарственное письмо императору Александру, гдѣ вновь повторилъ свою просьбу о присоединеніи къ его арміи корпусовъ Бюлова и Винцингероде. „Соединившись съ этими корпусами“, такъ оканчивалось его письмо, „я пойду на Парижъ. Я столь-же мало боюсь императора Наполеона, какъ и его маршаловъ“. Блюхеръ торопился, по возможности, движенія своихъ войскъ. Онъ видно хорошо изучилъ главную квартиру и опасался, чтобы только что отданныя приказанія не были отмѣнены. Его предчувствіе не замедлило оправдаться. Уже на другой

день его настигло письмо Шварценберга, убѣждавшее повернуть назадъ и идти на Лемонъ и Бриеннь. Но Блюхеръ не обратилъ вниманіе на это своевольное вмѣшательство австрійскаго генералиссимуса и поспѣшно продолжалъ свой походъ на Марну ¹⁾).

Въ то время, когда Блюхеръ началъ свое рѣшительное движеніе, долженствовавшее дать иной оборотъ всей войнѣ, императоръ Наполеонъ, во главѣ своей гвардіи, торжественно вступалъ въ Труа 24-го февраля, въ 11 часовъ утра. Жители привѣтствовали его шумными восклицаніями, но лице властелина было сумрачно и грозно. Чувства злобы и мести кипѣли въ его душѣ. Онъ не считалъ ниже своего достоинства подвергнуть строгой карѣ нѣсколькихъ несчастныхъ обывателей, осмѣлившихся заявить слишкомъ громко свои роялистскія чувства во время вступленія въ Труа императора Александра. Онъ не задумался отпраздновать свои военные успѣхи терроромъ и кровавыми экзекуціями. Одинъ изъ роялистовъ, кавалеръ Гюо, былъ схваченъ и разстрѣлянъ по его приказанію; другіе спаслись отъ подобной же участи только поспѣшнымъ бѣгствомъ. Въ своемъ гнѣвѣ и мстительности Наполеонъ доходилъ до смѣшнаго. Онъ осыпалъ упреками и бранью хозяина дома, въ которомъ квартировалъ Александръ; онъ отнялъ у него перстень, пожалованный ему русскимъ императоромъ и приказалъ отдать эту бездѣлушку въ пользу благотворительныхъ учрежденій ²⁾).

Само собою понятно, что Наполеонъ не былъ всецѣло поглощенъ этими недостойными мелочами. Его вниманіе было сосредоточено, главнымъ образомъ, на дальнѣйшемъ веденіи войны. Далѣе нежели когда нибудь былъ онъ отъ мысли о

¹⁾ Подробности о рѣшеніи Блюхера, о посылкѣ Грольмана, и о движеніяхъ силезской арміи. см. у Бернгарди, т. IV, стр. 67—72. Богдановичъ т. IV, стр. 415—416.

²⁾ Наполеонъ, замѣчаетъ Бернгарди, придавалъ большое значеніе подобнымъ расправамъ, этимъ *cours de vigueur*, какъ называлъ онъ ихъ. Они наводили, по его мнѣнію, страхъ и убивали всякое начинающееся движеніе. Такимъ образомъ, эти жестокости не были послѣдствіями вспыльчивости или гнѣва, а просто результатами холоднаго расчета.

миръ. Всѣми силами пытался онъ раздуть національный энтузіазмъ французовъ, собрать новыя войска, устроить сильныя диверсіи въ тылу и во флангъ непріятеля, найти новыхъ союзниковъ для Франціи и вернуть старыхъ друзей. Его энергическія старанія во всѣхъ этихъ отношеніяхъ не увѣнчались, однакоже, полнымъ успѣхомъ. Крестьяне въ мѣстностяхъ, опустошенныхъ войною, брались, правда, за оружіе и нападали на непріятельскихъ мародеровъ, курьеровъ и фуражировъ, но населеніе отдаленныхъ департаментовъ относилось совершенно апатично къ войнѣ и мечтало только о мирѣ. Въ Парижѣ настроеніе публики было по прежнему подавленное и тревожное. Прибытіе нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ не вызвало особеннаго энтузіазма, хотя по распоряженію императора ихъ торжественно водили по всѣмъ улицамъ города съ музыкою впереди. Только одни лавочники, торговки и уличные мальчишки выражали свою радость грубыми шутками и ругательствами надъ несчастными плѣнниками. Болѣе зажиточное и интеллигентное населеніе пожимало плечами при видѣ семи тысячъ плѣнныхъ и съ ироніею спрашивало: гдѣ же остальные 35,000, о которыхъ говорилось въ императорскихъ бюлетеняхъ? Национальная гвардія кричала на смотрахъ *Vive l'empereur!* но рѣшительно протестовала противъ всякаго попопзновенія воспользоваться ея энтузіазмомъ въ открытомъ полѣ. Бурбонская интрига продолжала работать въ салонахъ. Талейронъ былъ увѣренъ болѣе нежели когда-нибудь въ скоромъ и неизбѣжномъ паденіи имперіи.

Іосифъ Бонапарте увѣдомлялъ императора о всѣхъ этихъ грозныхъ симптомахъ, но Наполеонъ относился къ его предостереженіямъ съ пренебреженіемъ и насмѣшкою и жестоко пробиралъ его въ своихъ письмахъ. Увлекаемый несбыточными надеждами, Наполеонъ думалъ возвратитъ къ себѣ не только новаго измѣнника, Мюрата, но даже и стараго отщепенца Бернадотта. Онъ приказывалъ Іосифу завести тайныя сношенія съ тѣмъ и другимъ, напомнить Мюрату и Бернадотту, что пора имъ возвратиться къ единственно возможному и естественному союзу съ Франціею и представить имъ

всю глупость ихъ образа дѣйствія ¹⁾. Особенныя надежды возлагалъ Наполеонъ на дѣйствія Ожеро въ Южной Франціи. Введенный въ заблужденіе болтовнею Лихтенштейна, онъ вдругъ забылъ, что Ожеро былъ человѣкъ, вовсе не преданный ни ему, ни Франціи, пустой, развратный и неблагодарный. Онъ началъ ожидать геройскихъ подвиговъ отъ этого негодяя, приказывалъ императрицѣ ухаживать за его женою и выражалъ твердое убѣжденіе во всѣхъ своихъ письмахъ къ военному министру, что Ожеро не замедлитъ опрокинуть этого смѣшнаго Бубну и его жалкихъ солдатъ. Самому Ожеро Наполеонъ предписывалъ разбить Бубну, завоевать обратно Женеву, освободить отъ осады Безансонъ и прервать сообщенія союзниковъ съ Бургундіею ²⁾. Маршалъ читалъ всѣ эти приказы, но не только не думалъ исполнять ихъ, а напротивъ открыто глумился и ругался надъ императоромъ въ присутствіи многихъ лицъ.

Среди всѣхъ этихъ тревогъ и занятій, Наполеонъ вдругъ получилъ извѣстіе о переходѣ Блюхера обратно черезъ Обу, и его мысли тотчасъ-же приняли совершенно иное направленіе ³⁾. Тревожныя опасенія вдругъ овладѣли его душою.

¹⁾ Въ письмѣ къ Іосифу отъ 25-го ф. Наполеонъ говоритъ: „On dit que le prince royal de Suede est à Cologne. Estce que vous ne pourriez pas, de vo tre chef, lui en voyer quelqu' un qui lui fit sentir la folie de sa conduite et le porter, à changer? Essayet—le, mais sans que j' y sois pour rien.“ *Correspondance* T. 27, стр. 283. Въ письмѣ отъ 26-го ф. Наполеонъ пишетъ Іосифу: „Кажется, что союзники не утвердили еще договора съ неаполитанскимъ королемъ, я желаю, чтобы вы отправили когонибудь изъ вашихъ агентовъ къ королю. Напишите ему откровенно о всей несообразности его поведенія, предложите ему свое посредничество для возвращенія къ намъ и т. д. *Correspondance* T. 27, стр. 292—293.

²⁾ См. письма Наполеона къ Кларне отъ 26-го ф. *Correspondance* T. 27, стр. 289—290.

³⁾ Извѣстный Бонапартистскій писатель Фенъ утверждаетъ въ своемъ *Manuscrit de l' Annee 1814*, стр. 146., что Наполеонъ получилъ извѣстіе о переходѣ Блюхера черезъ Обу только ночью съ 26-го на 27-е февраля, но это извѣстіе, перешедшее въ позднѣйшую литературу, совершенно опровергается собственными свидѣтельствами Наполеона, заключающимися въ его письмахъ. Еще 25-го числа Наполеонъ писалъ брату своему Іосифу: „Генералъ Блюхеръ, перешедшій было черезъ Обу и расположившійся у Мери, перешелъ вчера, 24-го числа, обратно черезъ рѣку и двинулся на Омгоръ съ 8 или 10 тысячами человѣкъ (?!)“

Онъ догадался, что самый страшный и опасный изъ враговъ его, врагъ, котораго онъ считалъ совершенно истребленнымъ, собрался вновь съ силами и намѣревается нанести ему ударъ въ самое больное мѣсто. Правда, онъ старался скрыть отъ другихъ свои опасенія и толковалъ въ своихъ письмахъ о десяти тысячахъ солдатъ, съ которыми пустился въ походъ Блюхеръ, но его собственныя дѣйствія противорѣчили на этотъ разъ его словамъ. Опасность, казалось ему, была такъ велика и близка, что онъ не считалъ возможнымъ оставаться далѣе на Сенѣ и Обѣ. Преслѣдованіе Шварценберга сдѣлалось для него теперь дѣломъ второстепеннымъ. Оставивъ противъ главной арміи 40,000 челов. подъ начальствомъ маршаловъ Удино и Макдональда, онъ самъ съ 35,000 ч., въ томъ числѣ гвардія, покинулъ Труа уже 26 февраля и поспѣшилъ вслѣдъ за Блюхеромъ въ долину Марны.

Главная союзная армія продолжала, между тѣмъ, свое отступление, но съ каждымъ шагомъ назадъ возрастали недовольство и ропотъ не только въ рядахъ войскъ, но и въ средѣ самой главной квартирѣ. Послѣднія событія нанесли тяжелый ударъ партіи мира. Высокомѣріе, проявлявшееся во всѣхъ письмахъ и дѣйствіяхъ Наполеона, его неслыханныя требованія въ Люзиньи раскрыли наконецъ глаза даже самымъ ярымъ сторонникамъ мира. Извѣстія, получаемыя изъ Шатильона объ образѣ дѣйствія Коленкура, привели всѣхъ, не исключая даже Кестльри и Меттерниха, къ убѣжденію, что императоръ французовъ вовсе не желаетъ мира, что онъ ведетъ переговоры съ единственною цѣлью выиграть время, а если возможно, поссорить союзниковъ. Тщетно требовали уполномоченные союзныхъ державъ, чтобы Коленкуръ далъ имъ точный и опредѣленный отвѣтъ, чтобы онъ принялъ или отвергъ заявленныя ими требованія. Коленкуръ, не имѣя настоящихъ полномочій, сбиваемый съ толку противо-

остаткомъ своего прежняго корпуса. Герцогъ Рагузскій открылъ его вчера, но не счелъ себя достаточно сильнымъ, чтобы атаковать его. Какъ только я узнаю намѣренія Блюхера, я попытаюсь броситься ему въ тылъ и изолировать его". *Correspondance*, T. 27, стр. 288.

рѣчивыми приказаніями Наполеона, прибѣгалъ къ неизбѣжнымъ въ его положеніи дипломатическимъ уловкамъ. Онъ представлялъ подробныя и темныя замѣчанія на каждый пунктъ союзной программы, выражалъ различныя сомнѣнія, но тщательно избѣгалъ всякаго положительнаго и прямого отвѣта. То и дѣло говорилъ онъ о своей готовности подвергнуть всестороннему обсужденію каждое изъ требованій союзниковъ, но уклонялся сказать что либо рѣшительное о совокупности ихъ требованій. Не трудно было убѣдиться, что французскій уполномоченный стремится затянуть переговоры, наполнить время пустыми и безцѣльными препирательствами и выждать момента, когда обстоятельства сложатся болѣе благопріятно для Франціи и ея повелителя ¹⁾).

Англійскіе дипломаты пришли, наконецъ, къ убѣжденію въ совершенной бесплодности дальнѣйшихъ переговоровъ, они поняли, что императоръ Александръ стоялъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія, не придавая никакого значенія шатильонской комедіи и требуя энергическаго продолженія войны. Лордъ Кестльри вдругъ сообразилъ, что Наполеонъ никогда не согласится на такой миръ, который могъ-бы быть одобренъ англійскимъ парламентомъ. Благородный лордъ распрощался съ своими надеждами на миръ и объявилъ, что необходимо продолжать войну даже въ томъ случаѣ, если-бы пришлось отступить за Рейнъ и начинать кампанію вновь ²⁾).

Подобная-же метаморфоза и подъ вліяніемъ тѣхъ-же впечатлѣній совершилась въ эти дни съ Кнезебекомъ и Гарденбергомъ. И имъ пришлось сознаться, что ихъ прямой, честный и правдивый король былъ несравненно дальновиднѣе и проникательнѣе ихъ. Партія мира была совершенно разбита. Меттернихъ очутился въ положеніи изолированномъ. Наполеонъ, котораго онъ хотѣлъ спасти лишь для того, чтобы превратить его въ покорнаго зятя императора Франца и

¹⁾ О ходѣ переговоровъ въ Шатильонѣ см. въ особенности депеши Разумовскаго отъ 4-го, 5-го, 8-го, 25-го, 26-го февраля. (Семейство Разумовскихъ, Васильчикова, Т. IV, стр. 476 и слѣд. см. также Онкенъ, стр. 42 и слѣд.).

²⁾ См. Бернгарди Т. IV, 2-ая пол., стр. 90, гдѣ находится и ссылка на корреспонденцію Кестльри, Т. III, стр. 290.

послушное орудіе Австріи противъ Россіи, испортилъ своимъ высокоуміемъ и непреклонною гордостью его искусную дипломатическую игру. Волею или неволею, а австрійскій канцлеръ принужденъ былъ отказаться отъ Наполеона и представить его своей судьбѣ ¹⁾. Жатва созрѣла, и Александръ понялъ, что настало время пожать ее.

25 февраля, въ 8 часовъ утра собрался въ Барѣ на Общій военный совѣтъ, по предложенію императора Александра. Совѣщанія происходили на квартирѣ короля прусскаго, въ комнатахъ, занимаемыхъ больнымъ генераломъ Кнезебекомъ. Присутствовали: императоръ Александръ, король Фридрихъ Вильгельмъ, императоръ Францъ, князь Шварценбергъ, графъ Радецкій, князь Волконскій, Дибичъ, Ф. Кнезебекъ, Меттернихъ, лордъ Кестльри, Нессельроде, Гарденбергъ. Поставленъ былъ вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Никто изъ присутствующихъ не думалъ говорить о перемиріи; дипломатическія соображенія, игравшія до сихъ поръ такую важную роль, были совершенно устранены. Было постановлено, что союзные уполномоченные представляютъ въ Шатильонѣ такія общія и солидарныя заявленія, предъ которыми должна разсѣяться всякая надежда противника на разногласіе въ средѣ державъ.

Затѣмъ приступлено было къ рѣшенію вопросовъ военныхъ. Императоръ Александръ, энергически поддерживаемый королемъ прусскимъ, руководилъ совѣщаніями. Онъ самъ записалъ въ краткихъ словахъ постановленія совѣта. Постановленія эти были слѣдующія: 1) При Барѣ не будетъ дано сраженія; 2) Блюхеръ будетъ продолжать свое самостоятельное движеніе; 3) большая армія продолжаетъ свое отступленіе на Шомонъ и Лангръ; 4) продолженіе этого отступленія будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ; 5) Блюхеръ будетъ увѣдомленъ о движеніяхъ большой арміи и о подчиненіи его командѣ корпусовъ Винцингероде и Бюлова; 6) Винцингероде и Бюлову будутъ посла-

¹⁾ Отказъ этотъ былъ впрочемъ далеко не полный и не безусловный, какъ увидимъ мы это вскорѣ.

ны соотвѣтствующія распоряженія; 7) Блюхеру предоставляется свобода въ его дѣйствіяхъ, но подъ условіемъ соблюденія военной осторожности ¹⁾).

Формулированныя, такимъ образомъ, рѣшенія военнаго совѣта, имѣли чрезвычайно важное, принципиальное значеніе. Армія Блюхера, увеличенная до 100,000 чел., должна была дѣйствовать наступательно, тогда какъ армія Шварценберга должна была принять на себя второстепенную роль вспомогательной силы. Движенія этой силы опредѣлялись впродъ движеніями силезской арміи, а не наоборотъ, какъ было это до сихъ поръ. Князь Шварценбергъ обязанъ былъ остановить свое отступленіе и атаковать преслѣдующаго его непріятели съ того момента, когда Наполеонъ и большая часть его арміи вынуждены будутъ направиться противъ Блюхера.

Моментъ этотъ не замедлил наступить. Въ теченіи всего 26-го февраля большая союзная армія продолжала свое отступленіе. Французы заняли Вандевръ и Баръ на Обѣ, но ихъ преслѣдованіе становилось съ каждымъ часомъ все медленнѣе и нерѣшительнѣе. Союзники вскорѣ убѣдились въ отсутствіи могучей руки, управлявшей движеніями непріятели. Уже вечеромъ 26-го февраля, кронпринцъ виртембергскій донесъ главнокомандующему, что большая часть французскихъ войскъ, равно какъ и самъ Наполеонъ не принимаютъ участія въ наступленіи непріятели. Около этого-же времени король прусскій получилъ изъ главной квартиры силезской арміи донесеніе, что императоръ французовъ съ главными силами своей арміи двинулся къ Марнѣ. Король прусскій находился въ этотъ моментъ въ Коломбе, вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями ²⁾). Онъ тотчасъ-же рѣшился ос-

¹⁾ Подробности о военномъ совѣтѣ въ Баръ-Оюръ-Обѣ см. у Бернгарди, Т. IV, 2-ая полов. стр. 91—98; Богдановича, Т. IV, стр. 418—420; Онкена, *Geschichte der Revolution* и д. *Freiheits Krieg* Т. II, стр. 744.

²⁾ Кронпринцомъ, внослѣдствіи королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и принцомъ Вильгельмомъ, внослѣдствіи императоромъ Вильгельмомъ I. Принцъ Вильгельмъ былъ въ рядахъ Калужскаго полка подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятели; за свои подвиги въ этотъ день онъ получилъ орденъ Св. Георгія и назначенъ былъ внослѣдствіи шефомъ Калужскаго полка.

тановить отступающія союзныя колонны и направить ихъ на непріятеля. Шварценбергъ принужденъ былъ согласиться съ мнѣніемъ короля. Уже въ шесть часовъ вечера 26 февраля корпуса Вреде и Витгенштейна, получили приказанія двинуться впередъ на Вандевръ и атаковать стоящаго передъ ними непріятеля. Кронпринцу виртембергскому было предписано идти на Лаферте-Сюръ-Объ противъ маршала Макдональда. Вѣсть о наступленіи была встрѣчена въ рядахъ союзныхъ войскъ громкими радостными восклицаніями.

Диспозиція къ атакѣ, составленная австрійскимъ генеральнымъ штабомъ, отличалась, по обыкновенію, сложностью и искусственностью. Маршалъ Удино занялъ въ теченіи ночи позицію между Баромъ-на-Объ, Малепинскими высотами и селеніемъ Вернонь-Фе. Шварценбергъ рѣшилъ атаковать непріятеля съ фронта 20,000 корпусомъ Вреде, но эта атака должна была лишь отвлечь вниманіе противника, тогда какъ главный ударъ должна была нанести французамъ колонна Витгенштейна, двинутая въ обходъ лѣваго фланга позиціи Удино. Въ австрійской диспозиціи рассчитаны были и приняты во вниманіе всѣ правила военной стратегіи, но, по обыкновенію, опущены изъ виду два важнѣйшія обстоятельства: условія времени и мѣстности. Союзники потеряли много времени въ сложныхъ маневрахъ и обходныхъ движеніяхъ. Они раздробили свои силы и дали противнику возможность собраться съ силами и приготовиться въ энергическому отпору. Шварценбергъ, находившійся на мѣстѣ боя, потерялъ голову при первыхъ-же неудачахъ. Онъ то отдавалъ, то отменялъ приказанія и сбился подъ конецъ всѣхъ съ толку. Французы перешли въ наступленіе. Благодаря безтолковымъ и противорѣчивымъ распоряженіямъ Шварценберга, они имѣли возможность ударить на колонну Витгенштейна почти съ двойными силами. Сраженіе грозило принять самый неблагоприятный оборотъ для союзниковъ, но присутствіе короля прусскаго и геройская отвага Калужскаго полка спасли дѣло. Фридрихъ-Вильгельмъ и его юные сыновья подавали всѣмъ примѣръ неустрашимаго мужества. Они оставались нѣсколько часовъ среди солдатъ подъ градомъ непріятельскихъ снаря-

довъ. Когда два русскихъ полка были приведены въ разстройство французами, то Фридрихъ-Вильгельмъ ободрилъ ихъ, привелъ въ порядокъ и двинулъ вновь на непріятеля. Среди самого разгара боя, одинъ батальонъ Калужскаго полка бросился безъ всякаго приказанія на Маленинскія высоты, взобрался на крутизны подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля, и могучимъ натискомъ опрокинулъ цѣлую французскую дивизію генерала Беле ¹⁾. На помощь Калужцамъ были двинуты Могилевскій и Пермскій полки. Дивизія Беле, ошеломленная внезапнымъ ударомъ, была окончательно смята и разсѣяна. Союзники перешли повсюду въ наступленіе. Превосходство силъ дало наконецъ, чувствовать себя. Войска Удино обращены были въ бѣгство. 3000 французовъ легло на мѣстѣ, около 500 чел. было взято въ плѣнъ ²⁾.

На слѣдующій день, 28 февраля, корпусъ Макдональда былъ атакованъ у Лаферте-сюръ-Объ корпусомъ кронпринца виртембергскаго и отброшенъ къ Бару-на-Сенъ съ потерей 800 человекъ. Князь Шварценбергъ не спѣшилъ воспользоваться этими успѣхами своихъ войскъ. Медленно, методично, какъ-бы ощупью, подвигался онъ впередъ. Убѣдившись послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ, что оставшіяся противъ него французскія войска крайне слабы числомъ, фельдмаршалъ двинулъ, наконецъ, 3 марта свои корпуса на позиціи, занятія Удино и Макдональдомъ впереди Труа. Французы, атакованные съ фронта и обойденные съ обокъ фланговъ, оказали лишь слабое сопротивленіе. Они отступили по всей линіи, потерявъ около полутора-тысячи человекъ и оставивъ въ рукахъ союзниковъ 9 орудій. Макдональдъ направился съ главными силами къ Ножану и Мери, Удино остался съ небольшимъ отрядомъ въ Труа. Союзники продолжали свое наступленіе. 4-го марта, принцъ Евгений

¹⁾ О подвигѣ Калужцевъ см. Плото, Т. III, стр. 242. Командиръ батальона умеръ смертью героя.

²⁾ Подробности о сраженіи при Баръ-Сюръ-Объ у Бернгарди, Т. IV, 2-я полов., стр. 102—110; Богдановича, Т. IV, стр. 420—422, Плото, Т. III, стр. 233—244.

виртембергскій выбилъ французовъ изъ Труа, захвативъ у нихъ въ плѣнъ около 3,000 челов. ¹⁾ Еще большіе успѣхи сулило союзникамъ дальнѣйшее энергическое наступленіе. Ничто не мѣшало теперь князю Шварценбергу двинуться съ своею 90,000 арміею на Парижъ. Его должны были побуждать къ этому самыя важныя военныя и политическія соображенія. Въ долину Марны начался отчаянный поединокъ между Наполеономъ и Блюхеромъ и постановленія военнаго совѣта въ Баръ-на-Обѣ облыжали князя Шварценберга оказать самую энергическую поддержку силезской арміи. Политическія соображенія, тормозившія каждый шагъ фельдмаршала, были, повидимому, окончательно устранены. 1 марта министры союзныхъ державъ подписали въ Шомонѣ договоръ, скрѣпявшій, казалось, коалицію неразрывными узами. По этому договору ²⁾ Россія, Австрія, Пруссія и Англія заключили между собою союзъ на 20 лѣтъ. Договаривающіяся державы обязались содѣйствовать всѣми силами возстановленію спокойствія и порядка въ Европѣ и выставить противъ общаго врага по 150,000 челов. Англія обязалась сверхъ того уплачивать ежегодно другимъ союзнымъ державамъ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Постановлено было, наконецъ, что переговоры съ Франціею могутъ быть ведены не иначе, какъ всѣми союзными державами сообща.

Въ виду такого формальнаго, торжественнаго акта должны были, казалось, умолкнуть всѣ распри между державами. На дѣлѣ было, однако-же, не совсѣмъ такъ. Австрійскій кабинетъ не думалъ отказываться отъ своей коварной и двусмысленной политики. Императоръ Францъ и его вѣрный Меттернихъ хотѣли во чтобы то ни стало спасти. Наполеона, вопреки ему самому, вопреки самой судьбѣ. Меттернихъ

¹⁾ О занятіи Труа см. Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen Eugen V. Württemberg, T. III, стр. 21—22.

²⁾ О шомонскомъ договорѣ см. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 544; Бордановичъ, T. IV, стр. 423; Васильчиковъ, T. IV, стр. 482; Тьеръ, Histoire du consulat et de l'Empire, T. XV, стр. 433.

продолжалъ сноситься въ тайнѣ съ Коленкурромъ и другими агентами французскаго правительства. Секретное предписаніе, обязывавшее Шварценберга не тѣснить Наполеона и не переходить на правый берегъ Сены, оставалось въ своей силѣ и послѣ вторичнаго занятія Труа. Подъ разными предлогами князь Шварценбергъ, достигнувъ этого пункта, остановилъ наступленіе на цѣлую недѣлю и далъ тѣмъ Макдональду время не только перейти на правый берегъ Сены, но и принять мѣры къ оборонѣ переправъ черезъ эту рѣку.

Императоръ Александръ давно уже пришелъ къ убѣжденію, что Шварценбергъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ не столько военными, сколько политическими соображеніями, но онъ не имѣлъ еще до сихъ поръ въ рукахъ документальныхъ доказательствъ вѣроломства австрійскаго двора. Теперь, по вторичномъ прибытіи въ Труа, императору доставлены были, наконецъ, эти доказательства. Ему врученъ былъ рескриптъ императора Франца, предписывавшій Шварценбергу не переводить главной массы союзныхъ войскъ на правый берегъ Сены и вообще не переходить за линію Ножана-Понъ-Сюръ-Сены и Монтеро. Глубоко возмущенный этимъ открытіемъ, Александръ рѣшился сообщить его всѣмъ союзнымъ кабинетамъ. Въ мемуарѣ, составленномъ отъ его имени, говорилось по этому поводу слѣдующее: ¹⁾

„Его Величество приписываетъ всѣ препятствія, задержавшія быстрый успѣхъ союзнаго оружія, прежде всего австрійскому кабинету. Онъ можетъ выразить лишь сожалѣніе, что лордъ Кестльри не сдѣлалъ съ своей стороны ничего, чтобы побудить австрійское правительство къ большей дѣятельности и энергіи. Склоняясь на миролюбивые виды сего кабинета, лордъ Кестльри поощрялъ его въ намѣреніи замедлить, по возможности, ходъ военныхъ операцій. Такъ какъ его воз-

¹⁾ Несомнѣнность приводимыхъ въ текстѣ фактовъ засвидѣтельствована слишкомъ хорошо и не можетъ быть опровергнута никакими завѣреніями австрійскихъ писателей. Слова императора Александра заимствованы изъ официального письма барона Ф. Штейна къ русскому послу графу Ливену въ Лондонѣ, письма, написаннаго по приказанію самого императора, см. Перцъ, *Stein's Leben*, Т. III, стр. 563—564.

зрѣнія пользовались рѣшительнымъ вѣсомъ, то ему удалось увлечь за собою прусское правительство, а все это повело въ концѣ-концовъ къ тѣмъ печальнымъ результатамъ, о которыхъ сожалѣть Его Величество. Императоръ получилъ безспорное доказательство образа дѣйствія австрійскаго кабинета, въ доставленномъ ему рескриптѣ императора Франца, отдающемъ повелѣніе князю Шварценбергу не переходить Сену у Ножана. Рескриптъ этотъ былъ сообщенъ императору, только по возвращеніи его въ Труа“.

Разоблаченіе, сдѣланное императоромъ Александромъ, вызвало сильную сенсацію въ кругу союзной дипломатіи, но австрійцы остались вѣрны и послѣ этого своей системѣ. Ни императоръ Францъ, ни Меттернихъ не попытались отвергнуть подлинность рескрипта, они отдѣлались молчаніемъ и постарались загладить различными способами невыгодное впечатлѣніе, произведенное мемуаромъ русскаго правительства.

Именно въ это время императоръ Францъ сообщилъ своимъ союзникамъ отвѣтъ, составленный имъ на посланіе Наполеона, отвѣтъ долженствовавшій разсѣять всѣ сомнѣнія на счетъ вѣрности австрійскаго кабинета. Наполеонъ обратился съ письмомъ къ своему тестю; еще 21-го февраля, въ тотъ моментъ, когда его оружіе торжествовало, повидимому, всемѣстно надъ союзниками. ¹⁾

„Сраженіе, котораго я старался избѣгнуть“, писалъ въ своемъ обычномъ высокопарномъ тонѣ, „произошло.“ Фортуна улыбнулась мнѣ. Я уничтожилъ русскую и прусскую армію подъ начальствомъ Блюхера, а затѣмъ разбилъ прусскую армію подъ предводительствомъ генерала Клейста. При такомъ положеніи дѣлъ, каковы бы ни были мнѣнія, господствующія въ вашей главной квартирѣ, я могу завѣрить Ваше Величество, что мои арміи многочисленнѣе арміи Вашего Величества и пѣхотою, и кавалеріею и артиллеріею. Если мои слова нуждаются въ доказательствахъ, то я готовъ дать ихъ каждому человѣку, способному къ здравому сужденію; напримѣръ: князю Шварценбергу, графу Бубнѣ или князю

¹⁾ См. Correspondance de Napoleon, T. 27, стр. 262—266.

Меттерниху. Я рѣшаюсь писать это Вашему Величеству лишь потому, что борьба между арміями французскими и австрійскими противорѣчитъ нашимъ обоюднымъ интересамъ. Если счастье обманетъ мои надежды, то положеніе Вашего Величества вслѣдствіе этого лишь затруднится. Если же я разобью вашу армію, то какимъ образомъ уйдетъ она изъ Франціи, населеніе коей раздражено до крайней степени страшными злодѣяніями, совершаемыми казаками и русскими?

Въ виду такого положенія дѣлъ, я предлагаю Вашему Величеству подписать миръ на условіяхъ, предложенныхъ Вами самими во Франкфуртѣ и принятыхъ вами и французскою націею, какъ нашъ ультиматумъ. Скажу болѣе, только эти условія могутъ возстановить равновѣсіе въ Европѣ. Если на Францію наложены будутъ иныя, болѣе тяжелыя условія, то миръ не можетъ быть продолжителенъ.

Если нота, представленная союзными уполномоченными въ Шатильонѣ, будетъ опубликована, то раздраженіе и негодованіе во Франціи достигнутъ до высочайшей степени. Вѣдь это значитъ осуществлять мечтанія Бёрка, хотѣвшаго стереть Францію съ карты Европы! Нѣтъ того французца, который не предпочелъ-бы смерть условіямъ, превращающимъ насъ въ рабовъ Англіи, вычеркивающимъ Францію изъ числа державъ. Подобныя условія не могутъ истекать изъ воли Вашего Величества, да онѣ и не соотвѣтствуютъ интересамъ Вашей монархіи, Англія стремится разрушить Антверпенъ и поставить вѣчную преграду возстановленію французскаго флота, но развѣ Вашъ интересъ заключается въ такомъ уничтоженіи? Ваше Величество, удерживая франкфуртскія условія, дѣлаетесь морскою державою; неужели-же Вы желаете, чтобы Вашъ флагъ подвергался и впредь постояннымъ оскорбленіямъ и насиліямъ, со стороны Англіи? Какой интересъ можетъ побуждать Ваше Величество отдавать Бельгію подъ иго протестантскаго князя, сынъ котораго взойдетъ впоследствии на престолъ Англіи?

Какъ-бы то ни было, но таковыя надежды и проекты не находятся во власти союзныхъ державъ. Если битва противъ арміи Вашего Величества будетъ потеряна мною, то у меня

найдутся средства дать двѣ другихъ прежде, нежели вы достигнете Парижа; а если падеть и Парижъ, то остальная Франція ни за что не подчинится игу, которое предлагаютъ ей въ формѣ договора, внушеннаго политикою Англіи. Отчаяніе націи учетверитъ ея энергію и ея силы.

Никогда не уступлю я Антверпена и Бельгіи. Если Ваше Величество будете настаивать на условіяхъ, внушенныхъ политикою Англіи и мстительностью Россіи, то геній Франціи и Провидѣніе будутъ за насъ.

Жажда мести Императора Александра лишена всякаго основанія. Передъ вступленіемъ въ Москву, я предлагалъ ему миръ; въ Москвѣ я старался потушить пожаръ, зажженный по его приказанію.

200,000 чел. стоятъ подъ оружіемъ въ Парижѣ; изъ дѣяній, совершенныхъ русскими, они могли убѣдиться, какъ ложны были обѣщанія; они знаютъ, какая участь ожидаетъ ихъ.

Прошу Ваше Величество избѣгнуть случайностей битвы; предлагаю миръ, основанный на прокламаціяхъ князя Шварценберга, на деклараціи союзниковъ отъ 1-го декабря помѣщенной въ Journal de Francfort, на условіяхъ, предложенныхъ барону С. Эльяну княземъ Меттернихомъ, графомъ Нессельроде и лордомъ Эбердиномъ, условіяхъ, которыя я принялъ и принимаю еще и теперь, хотя положеніе союзниковъ далеко измѣнилось противъ прежняго и хотя, по мнѣнію каждаго безпристрастнаго человека, всѣ шансы успѣха нынѣ на моей сторонѣ.

Да будетъ позволено мнѣ сказать Вашему Величеству, что не смотря на все сдѣланное вами противъ меня, не смотря на слабое воспоминаніе, сохраненное Вами объ узахъ, связывающихъ насъ, я съ своей стороны сохранилъ прежнія чувства по отношенію къ Вамъ. Не могу смотрѣть равнодушно, что отвергая миръ, Ваше Величество навлекаете несчастіе на себя и столько бѣдствій на всѣ народы, тогда какъ одно слово Ваше могло-бы остановить все, примирить все, и возвратить міру продолжительное спокойствіе. Если-бы я былъ настолько низокъ, что соглашался-бы принять условія англійскихъ и русскихъ министровъ, то Вы сами

должны-бы были отвратить меня отъ этого, ибо Ваше Величество знаете, что то, что унижаетъ тридцать милліоновъ людей, не можетъ быть продолжительно.

Ваше Величество можете окончить однимъ словомъ войну, обезпечить спокойствіе своихъ народовъ и Европы, поставить самого себя внѣ непостоянства судьбы и положить предѣлъ бѣдствіямъ націи, бѣдствіямъ не обычнымъ, а злодѣяніямъ Татаръ пустыни, не заслуживающихъ даже имени человѣка.

Я полагаю, что Ваше Величество не станете вопрошать меня, почему я обращаюсь, именно, къ вамъ. Я не могу обратиться къ англичанамъ, ибо ихъ политика есть политика истребленія моихъ морскихъ силъ; я не могу обратиться къ императору Александру, ибо страсть и месть одушевляютъ всѣ его дѣйствія. Я могу адресоваться, слѣдовательно, только къ Вашему Величеству, когда-то моему союзнику и тому, сила арміи коего и размѣръ владѣній дѣлаютъ его первою силою коалиціи. Наконецъ, обращаюсь къ Вашему Величеству еще и потому, что каковы бы ни были ваши теперешнія чувства, но все же въ жилахъ вашихъ течетъ французская кровь“ ¹⁾.

Письмо Наполеона попало въ руки Франца въ такое время, когда онъ самъ и его Меттернихъ съ удовольствіемъ подписали бы миръ на франкфуртскихъ условіяхъ. Но они не могли сдѣлать этого въ виду настроенія другихъ союзниковъ, готовыхъ на миръ только на основаніи шатильонскихъ условій. Въ виду этого обстоятельства, императоръ австрійскій и его министръ сочли за лучшее отложить отвѣтъ Наполеону до болѣе удобнаго момента. Теперь этотъ моментъ наступилъ, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ ожидали они его. Военныя операціи приняли такой оборотъ, что ни одна изъ союзныхъ державъ не могла согласиться на предложенія Наполеона. Теперь возможно было отвѣчать императору французовъ лишь въ отрицательномъ смыслѣ. Такимъ отвѣтомъ можно было достигнуть разомъ двухъ цѣлей: убѣдить союз-

¹⁾ Этими послѣдними словами Наполеонъ намекалъ на лотарингское происхожденіе Габсбурговъ. Намекъ во всякомъ случаѣ крайне неудачный: Наполеонъ самъ не терпѣлъ, чтобы кто-либо говорилъ о его итальянскомъ происхожденіи.

никовъ въ искренности и прямотѣ австрійской политики и въ ея полной солидарности съ общими интересами и попытаться еще разъ вывести Наполеона изъ его ослѣпленія.

Отвѣтъ Франца составленъ былъ, дѣйствительно, такимъ образомъ, что долженъ былъ разрушить послѣднія надежды на несогласіе въ средѣ коалиціи. Миръ можетъ быть только общій, писалъ Францъ своему зятю. Франція должна возвратиться въ свои старыя границы, союзники будутъ стоять на требованіяхъ, предъявленныхъ въ Шатильонѣ. Англія вовсе не препятствуетъ миру; она готова возвратить Франціи ея колоніи. Англія не стремится къ безусловному господству на морѣ, она хочетъ возстановить Голландію болѣе могущественною, нежели была она прежде. Если принцъ Оранскій, будущій король Голландскій, женится на принцессѣ Уэльской, то будутъ приняты мѣры, чтобы короны Великобританіи и Нидерландовъ не соединялись на одной главѣ. Письмо оканчивалось слѣдующими знаменательными словами: „Опытъ всѣхъ вѣковъ показалъ, въ какомъ подчиненіи находятся въ династическихъ кружкахъ фамиліныя связи относительно великихъ интересовъ государствъ. Ваше Величество должны слишкомъ хорошо знать ходъ моей политики, чтобы не сомнѣваться какъ мало подчиняется она влеченіямъ, чуждымъ интересамъ моихъ народовъ“¹⁾.

Письмо Франца предъявлено было всѣмъ союзнымъ кабинетамъ. Этого мало. Союзнымъ уполномоченнымъ въ Шатильонѣ предписано было потребовать отъ Коленкура или окончательнаго отвѣта на предъявленные ему требованія, или представленія контръ-проекта. Предписаніе было исполнено немедленно. Съ трудомъ добился Коленкуръ, чтобы ему дана была отсрочка до 10 марта. Австрійскій уполномоченный Стадіонъ, соглашаясь на эту отсрочку, объявилъ представителю Франціи, что конгрессъ тотчасъ-же будетъ закрытъ, если проектъ, представленный имъ, уклонится въ чемъ либо существенномъ отъ требованій союзниковъ.

¹⁾ Мы пользуемся извлеченіемъ изъ отвѣта Франца у Бернгарди, Т. IV, 2-я полов. стр. 141—142.

Можно-ли было сомнѣваться послѣ этого въ искренности и прямотѣ австрійскаго кабинета? И однако-же, не смотря на всѣ письма и дипломатическія заявленія, Шварценбергъ оставался, по прежнему, упорно въ окрестностяхъ Труа, а Меттернихъ предпринялъ въ глубочайшей тайнѣ еще одну послѣднюю попытку спасти Наполеона. Онъ отправилъ въ Шатильонъ одного изъ своихъ секретныхъ политическихъ агентовъ, князя Эстергази. Эстергази имѣлъ тайное свиданіе съ Коленкуръ. Онъ объявилъ ему, что если-бы не Австрія и не ея постоянныя старанія въ пользу Наполеона, то союзники давно-бы приступили къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Если и теперь миръ не будетъ подписанъ въ скорѣйшемъ времени, то и Австрія вынуждена будетъ прекратить свои усилія. Это предостереженіе дѣлается императору французовъ въ виду того, чтобы избѣгнуть въ послѣдствіе возможныхъ упрековъ и нареканій. „Неужели нѣтъ средства“ спросилъ между прочимъ Эстергази, „уяснить императору его настоящее положеніе? Неужели онъ хочетъ поставить свою судьбу и судьбу своего сына на лафетъ своего послѣдняго орудія“¹⁾.

Мы не знаемъ, что отвѣчалъ Коленкуръ своему собесѣднику, но самъ онъ понималъ отлично, что никакая сила міра не въ состояніи разсвѣять ослѣпленіе его повелителя. Онъ увѣдомилъ Наполеона и объ ультиматумѣ союзниковъ и о

¹⁾ Беригарди, Т. IV, стр. 143. Что Наполеонъ дѣйствительно поставилъ свою судьбу на лафетъ послѣдняго своего орудія, что онъ не былъ доступенъ никакимъ доводамъ здраваго смысла, это видно лучше всего изъ слѣдующаго отрывка письма его къ Коленкуру отъ 19-го февраля: „Je rends grâce au ciel d'avoir cette note; car il n'y aura pas un Français dont elle ne fasse bouillir le sang d'indignation. C'est pour cela que je veux faire moi même mon ultimatum. Je préférerais cent fois la perte de Paris au déshonneur et à l'anéantissement de la France“: Je suis si ému de l'infame proposition que vous m'envoyez que je me crois deshonoré, rien que de m'être mis dans le cas qu' on vous l'ait proposée“.

Интересно, что всѣ эти изліянія негодованія вызваны были давно и хорошо извѣстнымъ Наполеону требованіемъ союзниковъ, возвратитъ Францію въ ея прежнія границы. Послѣ битвы при Ла-Ротьерѣ Наполеонъ не только не негодовалъ на эти требованія, но даже готовъ былъ принять ихъ.

предостереженіяхъ Эстергази, но властелинъ полуміра, обреченный на гибель самимъ Провидѣніемъ, не давалъ ему ни отвѣта, ни инструкцій. Еще разъ поставилъ онъ на карту военнаго счастья свою судьбу и судьбу Франціи. Побѣда надъ Блюхеромъ должна была проложить ему путь къ выгодному и почетному миру.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *).

III. Университеты.

Высшую ступень въ системѣ *общихъ* школъ занимаютъ, конечно, *университеты*. Этимъ-то учебнымъ заведеніямъ должно принадлежать и самое важное значеніе въ исторіи развитія народной жизни, такъ какъ въ нихъ именно получаютъ свое образованіе почти всѣ наши общественные дѣятели: наставники высшеучебныхъ и среднеучебныхъ заведеній, юристы, врачи, администраторы, представители печати, даже въ акцизное вѣдомство и полицейское управленіе нынѣ мало по-малу начинаетъ проникать свѣтъ университетской науки. Этимъ объясняется и то всеобщее вниманіе, которымъ пользуются университеты среди всѣхъ классовъ нашего общества. Вышелъ-ли новый университетскій уставъ, состоялось-ли назначеніе новаго университетскаго ректора, празднуется-ли юбилей профессора, получается-ли какое-либо министерское распоряженіе,—объ этомъ говорятъ всѣ, одни—*за*, другіе—*противъ*; одобреніе и порицаніе, ропотъ и сочувствіе идутъ рука объ руку. Вотъ почему весьма важно остановить свое вниманіе на этомъ типѣ высшаго образованія, которое находится въ такомъ близкомъ отношеніи къ духу и направленію общественной жизни.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 6.

Упрекъ, дѣлаемый нашей школѣ за ея рабскую подражательность школѣ нѣмецкой, справедливѣе всего, кажется, отнести къ нашему университетскому образованію. Что наша университетская наука поставлена на началахъ нѣмецкихъ,—это доказать будетъ не трудно; но какова эта постановка или что тоже—какъ далеко идетъ здѣсь наша подражательность? Есть-ли какая-нибудь развѣца между оригиналомъ, т. е. нѣмецкою постановкою университетской науки, и ея подражаніемъ,—нашею университетскою наукою? Есть,—и не только *есть*, но и *должна быть*, потому что она вытекаетъ изъ разности самыхъ существенныхъ и характеристическихъ свойствъ національныхъ. Явились-ли эти свойства у нѣмецкаго народа какъ результатъ географическихъ, климатическихъ, этнографическихъ или историческихъ причинъ,—мы этого разбирать здѣсь не будемъ; но что такія свойства существуютъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Главнѣйшее изъ этихъ свойствъ *систематичность*. Нѣмецъ строго систематиченъ во всемъ, если онъ ставитъ себѣ какую-либо цѣль, онъ будетъ достигать ея *систематически*, послѣдовательно и постепенно, испытывая всѣ возможныя для того средства и избирая изъ нихъ самыя дѣйствительныя. Даже ошибки нѣмецъ не можетъ сдѣлать иначе, какъ только систематически. Съ этимъ свойствомъ находится въ самой тѣсной связи нѣмецкая аккуратность, осторожность, осмотрительность и т. д. Какъ на другое характеристическое свойство нѣмецкаго народа, мы должны здѣсь указать на то, что въ нѣмецкомъ мозгу есть *какая-то „точка благоразумія“*, переступить которую нѣмецъ не заставитъ никакая сила—ни логика самыхъ строгихъ умозаключеній, ни логика фактовъ. Если нѣмецъ избралъ путь и, дошедъ до „точки благоразумія“, увидѣлъ, что этотъ путь не приведетъ его къ постановленной цѣли, онъ тотчасъ-же броситъ его, остановится,—и вы никакими силами не заставите его идти далѣе. „Ich kann nicht!“—и кончено! Онъ не пожалѣетъ ни затраченныхъ средствъ, ни попусту потеряннаго времени; онъ тотъ часъ начнетъ лишь искать новаго пути. У насъ эти два свойства представляются большою рѣдкостію. Системы мы не любимъ почти по принципу. Она насъ стѣсняетъ, связы-

ваетъ намъ руки. Она намъ кажется смѣшною даже на нѣмцахъ. Мы большею частію, такъ сказать, любимъ „рубить съ плеча“, на „авось“. Въ самомъ дѣлѣ, спросите кого-либо изъ нашихъ школьныхъ дѣятелей,—какая система или какая идея положена въ основу нашего школьнаго образованія,—и вы едва-ли добьетесь удовлетворительнаго отвѣта. „Какая—тамъ—система?—Нѣмецкая!“—вотъ что могутъ намъ отвѣтить на наше любопытство. „Работать нужно, а не разсуждать!“ Также точно не можемъ мы похвалиться и богатствомъ благоразумной осмотрительности въ выборѣ средствъ и преслѣдованіи цѣли. Мы большею частью идемъ „на проломъ“, побѣждаемъ всевозможныя препятствія и затрудненія, не обращаемъ никакого вниманія на то, что избранныя нами средства вовсе не ведутъ насъ къ постановленной нами цѣли („Послѣ разберемъ!“) и лишь спѣшимъ добраться поскорѣе непременно до самаго конца, надѣясь искренно, что „конецъ скраситъ все наше дѣло“. Что намъ часто приходится разочаровываться въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, что конецъ не всегда выходитъ для насъ желательнымъ и что „послѣ разбирать“ часто бываетъ тяжело, непоправимо и слишкомъ поздно,—это истины общеизвѣстныя.

Отъ такого-то различнаго отношенія къ дѣлу зависитъ и разница между нашею школьною подражательностію и нѣмецкою оригинальнію. Вообще слѣдовало-бы полагать, что подражательность должна стоять ниже самостоятельности, какъ копія всегда должна быть ниже оригинала и никогда не въ силахъ достигать его совершенства. Но наше школьное дѣло противорѣчитъ этому апріорному положенію. Наша школьная подражательность всегда является, такъ сказать, подражательностію въ квадратѣ и далеко оставляетъ за собою самый оригиналь. А это отъ того, что мы любимъ всегда идти *прямо* и доводимъ дѣло до конца. Это имѣетъ ту выгоду, что мы раньше нѣмцевъ можемъ узнавать и испытывать на себѣ всѣ тѣ гибельныя послѣдствія, къ которымъ долженъ привести указанный намъ нѣмцами ложный путь. Мы слишкомъ послѣдовательно, слишкомъ энергично и размахисто примѣняемъ къ практикѣ нѣмецкія теоріи. Если-бы мы не были знакомы съ

историческимъ ходомъ развитія школьнаго дѣла у насъ и у нѣмцевъ и судили о немъ лишь на основаніи его теперешняго состоянія, то по-истинѣ слѣдовало-бы сдѣлать заключеніе, что не мы заимствуемъ у нѣмцевъ, а нѣмцы—у насъ. Нечего удивляться и тому, что одна и та-же теорія, взятая нами у нѣмцевъ,—у насъ влечетъ за собою самыя гибельныя послѣдствія, а у нѣмцевъ оказывается еще сносною, терпимою и даже возбуждающею насъ къ дальнѣйшимъ подражаніямъ тѣмъ же самымъ нѣмцамъ. Кто будетъ спорить противъ того, что постановка нашего школьнаго дѣла всецѣло обязана нѣмецкимъ педагогическимъ теоріямъ? Но посмотрите—самъ Бисмаркъ съ ужасомъ указываетъ на нашу школу какъ на страшилище, разрѣшившееся выродками нигилизма... Въ этомъ-то смыслѣ мы и называемъ нашу школу болѣе нѣмецкою, чѣмъ сама нѣмецкая школа.

Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи даже наши университеты не представляютъ собою пріятнаго исключенія; нѣмецкую идею о высшемъ университетскомъ образованіи мы также поняли и истолковали *по своему*; продолжая неумолимо-послѣдовательно идти по нѣмецкой дорожкѣ, мы дошли до той черты, за которою находится уже непроходимая зіяющая пропасть... Въ самомъ дѣлѣ,—въ чемъ нѣмцы полагаютъ характеристическое свойство, самый существенный признакъ университетскаго образованія?—Въ свободѣ. Но какой свободѣ?—На этотъ вопросъ мы находимъ самый точный отвѣтъ у Карла Шмидта. Вотъ что читаемъ мы въ его „Исторіи педагогики“¹⁾: „Нѣмецкіе протестантскіе университеты, которые полнѣе всего представляютъ свойство высшей школы (производя изученіе менѣе механическимъ образомъ и предоставляя учителямъ и учащимся большую свободу, тогда какъ въ католическихъ университетахъ изученіе философіи предшествуетъ вступленію въ особенный факультетъ, а англійскіе придаютъ мало значенія лекціямъ, обращая болѣе вниманія на непрерывный процессъ самодѣятельности), имѣютъ въ виду и должны быть средоточіями научнаго познанія, и какъ таковыя обнять всѣ отрасли науки

¹⁾ Т. IV, ч. 2-я, 1881. Стр. 181.

и установить между учителями и студентами свободныя духовныя сношенія. А потому одно изъ самыхъ существенныхъ жизненныхъ условій для нихъ — *свобода преподаванія*, выступающая съ требованіемъ, чтобы всякое научное направленіе и убѣжденіе имѣло право заявлять о себѣ. Но свобода преподаванія можетъ вполнѣ достичь своей цѣли единственно чрезъ *свободу слушанія*, такъ чтобы студенту предоставлялся выборъ, въ какомъ изъ университетовъ, какія лекціи и въ какой послѣдовательности желаетъ онъ слушать. А свобода слушанія въ свою очередь должна обратиться къ *свободѣ общественной жизни студентовъ*, съ тѣмъ, чтобы въ предѣлахъ законности и благонаравія они сами могли устроить свой бытъ какъ относительно образа жизни и обычаевъ, такъ и относительно ихъ общественныхъ сношеній, и этимъ путемъ образовать свойственный имъ характеръ“.

Какъ ни мудро описываютъ нѣмцы свою университетскую свободу, но имъ еще далеко до того, чтобы понять эту свободу такъ, какъ поняли ее у насъ: свобода—это полный просторъ дѣятельности, отсутствіе всякаго рода стѣсненій; положительная черта этой свободы это—„что хочу, то и дѣлаю“, отрицательная—„нраву моему не препятствуй!“ Такое безграничное понятіе объ университетской свободѣ у насъ усвоили какъ профессоры, такъ и студенты. *Свобода преподаванія* у насъ отнесена была какъ къ *способу* преподаванія, такъ и къ самому *содержанію* преподаваемаго. Профессоръ воленъ былъ дѣлать съ своею наукою, что ему угодно. Хочетъ онъ усердно трудиться надъ разработкою своего предмета,—его воля; будетъ-ли онъ изъ года въ годъ прочитывать свои записочки и повторять давнымъ давно уже отжившія теоріи и потерявшія всякій кредитъ quasi—научныя положенія,—въ его дѣло никто вмѣшиваться не долженъ, такъ какъ такого рода вмѣшательство уничтожало-бы свойственную университетамъ свободу преподаванія. Надоѣла аудиторія съ ежегоднымъ повтореніемъ въ ней одного и того-же, профессоръ воленъ записаться въ гласныя и, сколько угодно, можетъ спорить съ думцами о предметахъ, не имѣющихъ къ его наукѣ ровно никакого отношенія, или же можетъ изготовлять для провинціаль-

ной прессы самыя рѣзкія статьи противъ своихъ сотоварищей, чѣмъ либо задѣвшихъ его ученое самолюбіе. Еще шире понятая у насъ нѣмецкая рѣчь о свободѣ преподаванія въ отношеніи къ содержанію преподаваемаго. Эта свобода всецѣло отождествлена съ научнымъ своеволіемъ или даже съ интеллектуальнымъ развратомъ юношескихъ умовъ. Говори что хочешь, проповѣдуй какую угодно сумасбродную теорію (лишь-бы она считалась модною),—мѣшать тебѣ никто не долженъ. И не подумайте, читатель, что такое искаженное понятіе о свободѣ университетскаго преподаванія составлено у насъ недавно; нѣтъ, оно господствовало у насъ около полувѣка, до послѣдняго времени,—мы любуемся теперь уже на его плоды. Вотъ одинъ фактъ изъ жизни харьковскаго университета прошлаго времени. 14-го сентября 1856 года, по случаю коронаціи покойнаго государя, въ университетѣ было устроено торжественное собраніе съ произнесеніемъ публичныхъ рѣчей. Профессоръ Станиславскій произнесъ рѣчь „о происхожденіи положительнаго права“. Девизу Николаевскаго царствованія,—„православіе, самодержавіе и народность“—профессоръ въ своей рѣчи не выразилъ одобренія; вмѣсто него онъ съ сочувствіемъ и воодушевленіемъ указалъ на новыя начала предстоявшаго царствованія—„въ тройственномъ союзѣ правды, труда и науки“. Главное содержаніе рѣчи составляло изложеніе ученія такъ называемой исторической школы, соглашаясь съ которымъ „въ силу его неотразимыхъ доказательствъ“, профессоръ Станиславскій особенно настаивалъ на томъ, чтобы законодательная власть была отнята у правительства и передана народному представительству. Это-ли не свобода преподаванія? При этомъ обратите, читатель, вниманіе на то, что свою рѣчь профессоръ Станиславскій произнесъ въ публичномъ собраніи, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія, ректора и всѣхъ профессоровъ, многочисленной публики, и въ томъ числѣ знаменитаго архіепископа Иннокентія Борисова. Въ какихъ-же размѣрахъ этотъ профессоръ пользовался свободою преподаванія въ стѣнахъ университетской аудиторіи? Нѣмецкую идею о свободѣ преподаванія у насъ примѣнили и къ объему преподаванія, т. е. профессеры считали себя въ правѣ читать свой пред-

метъ и не въ полномъ объемѣ, ограничивая свой курсъ лишь одною частью его. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи наши профессора далеко не превзошли своихъ нѣмецкихъ коллегъ. Въ Вѣнѣ, наприм., былъ одинъ профессоръ (Гассельбахъ), который въ теченіи 22-хъ лѣтъ все читалъ объ одной и той-же первой главѣ книги пророка Исаи и все-таки не окончилъ ея,—такъ и умеръ!...

Свободу слушанія студенты поняли еще шире, чѣмъ профессора—свободу преподаванія. Такъ какъ у насъ никто никогда не стѣснялъ студенческой свободы выбора университетовъ и факультетскихъ чтеній, то нѣмецкую идею о свободѣ слушанія наша молодежь издавна привыкла примѣнять къ себѣ въ смыслѣ фактическаго посѣщенія профессорскихъ чтеній: „хочу—иду на лекцію, хочу—дома сижу; никому до этого дѣла нѣтъ“. Отсюда-то и вышло престранное для *учащейся* молодежи убѣжденіе, будто-бы посѣщеніе лекцій, т. е. *ученье*, для студента необязательно. Студентъ могъ быть студентомъ, не заглядывая цѣлый годъ въ университетъ и готовясь къ экзаменамъ по записочкамъ, неизвѣстно кѣмъ и когда составленнымъ, или же пользуясь записями болѣе усердныхъ своихъ товарищей. У нѣмцевъ, впрочемъ, происходили еще и не такія вещи. Тамъ нѣкоторые изъ богачей-студентовъ посылали прямо своихъ лакеевъ записывать профессорскія чтенія. Это, конечно, былъ уже идеалъ свободы слушанія,—идеалъ, не достигнутый однакоже нашею молодежью.

Что касается свободы общественной жизни студентовъ,—то эта идея нашла у насъ прекрасно подготовительную для себя почву. Изъ нея вышли и сходки, и читальни, и столовыя, и все прочее тому подобное; эта идея у насъ развилась, можно сказать, до мысли объ учрежденіи государства въ государствѣ. Не обратили лишь вниманія на выставляемые нѣмцами ограниченія этой „симпатичной“ свободы—„на предѣлы законности и благонравія“, что во всякомъ случаѣ никакъ не гармонируетъ съ „битьемъ оконныхъ стеколъ“ и другими всѣмъ извѣстными выходками нашихъ студентовъ.

Что нѣмецкая идея объ университетской свободѣ, нашедшая для себя у насъ столь широкое примѣненіе, ложна по самому

существо своему,—это очевидно и доказано самыми неопровержимыми, хотя часто и весьма прискорбными фактами. Свобода преподаванія, отождественная съ произволомъ и своеволиемъ, выражающаяся въ требованіи, чтобы „всякое направленіе и убѣжденіе имѣло право заявлять о себѣ“,—есть въ сущности интеллектуальный деспотизмъ и порабощеніе науки всякому личному произволу въ направленіи и возрожденіи. Эта свобода можетъ сдѣлать только одно: совершенно убить науку и обратить ее въ ремесло. Знаніе первой главы книги пророка Исаи, какъ-бы оно ни было основательно и всесторонне, далеко не ручается за знаніе Св. Писанія всего Ветхаго Завѣта. Еще болѣе способны ополить науку свобода слушанія и свобода общественной жизни студентовъ. Студентамъ, которымъ предоставляется право заниматься устройствомъ своего общественнаго быта и которымъ предоставленъ безконтрольный выборъ, „какія лекціи и въ какой послѣдовательности они желаютъ ихъ слушать“,—такимъ студентамъ до науки нѣтъ ровно никакого дѣла; съ самаго начала поступленія въ университетъ они являются уже „общественными дѣятелями“; имъ не достаетъ только формальныхъ правъ, соединенныхъ съ дипломомъ объ окончаніи курса въ университетѣ. Для такихъ студентовъ—наука—дѣло стороннее.

Нѣмецкая идея объ университетской свободѣ не есть, впрочемъ, дѣло послѣднихъ „вѣяній“; она выросла и развилась на почвѣ исторической, хотя исторія даетъ и лучшій, безпристрастный урокъ относительно того, что такое эта университетская свобода, когда изъ области теоретическихъ сужденій она достигаетъ практическихъ примѣненій, и какія она влечетъ за собою послѣдствія.

Первоначально нѣмецкіе университеты имѣли видъ свободныхъ корпорацій, преслѣдовавшихъ цѣли исключительно научныя. Правительство не имѣло никакого отношенія къ этимъ корпораціямъ, не вмѣшивалось въ ихъ жизнь, не интересовалось ихъ дѣятельностію. Только въ 16-мъ вѣкѣ правительство беретъ эти корпораціи подъ свое покровительство и опеку въ качествѣ земскихъ учрежденій. Это покровительство прежде всего выразилось въ правительственной ассигновкѣ жалованья

университетскимъ профессорамъ, которые съ этихъ поръ перестаютъ быть свободными провозвѣстниками научныхъ истинъ и превращаются въ государственныхъ чиновниковъ. Студенты пользовались полною, безграничною свободою какъ въ отноше- нии къ слушанію лекцій, такъ и въ отношеніи къ своей жиз- ни, къ устройству студенческаго быта. Но къ чему привела эта свобода? Къ тому, что изъ общества молодыхъ людей, ко- торымъ съ юношескимъ пыломъ слѣдовало-бы придаваться изу- ченію наукъ, развился вертепъ разбойниковъ, скопище разврата и грубаго невѣжества; наука потеряла всякое значеніе. Порядочные люди меньше боялись встрѣчи съ разбойникомъ гдѣ- либо въ темномъ лѣсу, чѣмъ встрѣчи со студентомъ на город- ской улицѣ среди бѣлаго дня. Отъ разгульнаго и распутнаго студента всякій могъ ожидать всевозможныхъ неприяностей и оскорбленій. А нѣмецкаго студента XV—VII вѣковъ всегда можно было узнать по его костюму и внѣшности: „онъ отпу- скалъ козлиную бородку и длинные волосы, бойко накинувъ на лобъ широкополую шляпу съ перомъ; широкій воротникъ сверху покрывалъ распахнутый камзолъ, на который навиды- вался легкій плащъ; широкіе шаровары, сапоги со шпорами, съ широкими обнажающими икры отворотами, альбомъ за поя- сомъ, шпага или рапира съ огромною чашею, чрезвычайной длины трубка и здоровая суковатая палка—таковы атрибуты, отличавшіе по наружности разгульнаго студента“ ¹⁾. Мы останавливаемъ особенное вниманіе на этомъ внѣшнемъ видѣ нѣмецкихъ студентовъ. Это тотъ „высокій“ идеалъ изъ мрач- наго вѣка невѣжества, къ достиженію котораго съ энергіей, достойной лучшаго назначенія, въ прежнее время, до введенія форменной одежды, стремились и студенты нашихъ универси- тетовъ съ ихъ длинными волосами, эспаньолками, широкополыми шляпами, пледями, ботфортами, толстыми суковатыми палками и т. п. Нѣтъ надобности разсуждать здѣсь о томъ, насколько благоразумно въ „просвѣщенный“ девятнадцатый вѣкъ подра- жать тому, что считалось гадкимъ еще въ XVI вѣкѣ.

„Свобода слушанія“ и „свобода общественной жизни сту-

¹⁾ К. Шмидтъ, Ист. Педаг. т. III. 1880. стр. 196.

дентовъ“ имѣли своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ полную нравственную распущенность. Между студентами въ ужасныхъ размѣрахъ было развито буйство, нахальство, страсть къ дуэлямъ, драки. Толпами они, незванные, вривались нерѣдко въ дома мирныхъ гражданъ и, если не встрѣчали радужнаго пріема, производили настоящее опустошеніе: били стекла, ломали вещи, наносили всевозможныя оскорбленія хозяевамъ. Но „пуще всякихъ буйствъ, говоритъ историкъ нѣмецкихъ университетовъ ¹⁾); вездѣ въ Германіи развились еще пьянство и обжорство. Самымъ явнымъ тому доказательствомъ служить эпикурейская, исполненная грубости поэзія, господствовавшая тогда среди этихъ странныхъ питомцевъ музъ. Таково между прочимъ содержаніе многоизлюбленной въ началѣ 17 столѣтія „пѣсни кутежнаго цеха“:

Станемъ кутить, пировать до утра!
 Станемъ веселою жизнью играть;
 Долгъ свой мы завтра уплатимъ!
 И безъ того не долга наша жизнь,—
 Сократимъ-же ее и полюбимъ.
 Мертвый изъ гроба во вѣки не встанетъ;
 Жизни его и утѣхамъ конецъ.
 Вѣдь ни кому не случилось слышать,
 Чтобы изъ ада душа возвратилась
 Поразсказать, какъ тамъ живется.
 Намъ не грѣшно веселиться съ друзьями:
 Ну, напивайся, покуда не свалишься!
 Выспавшись, пей и опять напивайся!

Въ какой степени студенты пользовались свободой своей жизни и къ какимъ прискорбнымъ результатамъ приводила эта свобода университетскую молодежь, — объ этомъ можно судить по рассказамъ *Гейдера*, бывшего около сорока лѣтъ (1587—1626 г.) профессоромъ іенскаго университета. „Шористъ ²⁾), — рассказываетъ Гейдеръ, — почти никогда не бываетъ

¹⁾ Карль Шмидтъ. Ист. Педаг. 1880. т. III. стр. 196.

²⁾ Въ старину нѣмецкіе студенты раздѣлялись на двѣ группы—старшихъ и младшихъ; первые назывались *шористами*, послѣдніе—*пеналами*; пеналомъ каждый студентъ долженъ былъ считаться годъ, шесть мѣсяцевъ, шесть сутокъ, шесть часовъ и шесть минутъ.

на публичныхъ лекціяхъ (свобода слушанія!), онъ ихъ вовсе не слушаетъ. Иногда, впрочемъ, подслушиваетъ у дверей, но отнюдь не съ тѣмъ, чтобы научиться чему нибудь полезному, а чтобы подхватить нѣсколько изреченій и потомъ сообщить ихъ бурсакамъ своей роты и своимъ собутыльникамъ, поднимая на смѣхъ профессора, подражая его голосу, рѣчамъ и жестамъ. Иногда, рассказывая дома по комнатѣ, онъ мелетъ всякій вздоръ съ своими товарищами... По утрамъ изнѣженный и милый мальчикъ нашъ спитъ до девяти часовъ, а потомъ все остальное время до обѣда, онъ чешетъ, завиваетъ, убираетъ и натираетъ волосы... или выжимаетъ угри и нарывы на лицѣ. Садясь за столъ, этотъ уродъ мало ѣстъ (оттого, что вчерашній безобразный хмѣль отбилъ у него всякій аппетитъ, и такъ какъ всѣ чувства поражены, то натура его и не выносить пищи), мало также шутитъ (да и какой вѣжливости ждать отъ свинскаго тѣла и отъ такой-же души?) А между тѣмъ онъ изрыгаетъ изъ себя цѣлый ворохъ нелѣпыхъ пошлостей, гнусныхъ скверностей, такъ что ему стоитъ лишь открыть зловонную пасть, — и всѣ мальчики и дѣвочки бѣгутъ прочь отъ него, чтобы не заразиться духомъ чумнаго недуга... Послѣ обѣда лѣнивый байбакъ, этотъ тюлень, либо спитъ, либо бродитъ съ своими молодцами въ сосѣднемъ кустарникѣ, либо сидитъ за обычною попойкой и такимъ образомъ готовится къ приближающейся ночной стычкѣ, чтобы всѣ видѣли, какой онъ храбрецъ. Затѣмъ, промывъ вдоволь свою клоаку виномъ и пивомъ, когда на улицахъ и въ домахъ все притихло, онъ съ ужаснымъ грохотомъ растворяетъ ворота и двери и, куда ни попало, вламывается вооруженный, въ сопровожденіи своихъ молодцовъ. Вотъ тутъ-то разыгрывается безобразная драма, и трагедія брани, шума, крика, битья и бросанья камней, и многихъ тому подобныхъ продѣлокъ... Если въ теченіи дня ему не посчастливилось въ волокитствѣ, — если между нимъ и его собутыльниками завязалась ссора, — если, отвѣчая другому на брань, онъ споткнулся о камень на мостовой, то раздражается потокомъ ругательства. Завидѣвъ врага, онъ толкаетъ ногами въ ворота, швыряетъ камнями въ окна и рассыпается разнаго рода бранью и ругательствами. Вотъ въ какомъ видѣ

были ихъ комнаты: книгъ тамъ было немного, да и тѣ валялись подъ лавкой, или то были магическія и Амадисовскія каррикатуры. На стѣнѣ висѣло нѣсколько кинжаловъ и рапиръ, впрочемъ, никуда почти негодныхъ, которые не жалъ въ случаѣ нужды выдать ректору; нѣсколько ружей, латы и желѣзныя перчатки; камзолы, подбитые паклей, хлопкомъ, волосомъ и проложенные внутри китовымъ усомъ, такъ чтобы въ случаѣ боя они могли выдержать ударъ. Тамъ были большія чаши и стаканы, карты, пашки и кости. Потомъ еще нѣсколько памятныхъ записокъ, гдѣ отмѣчалось, что такогото тутъ виномъ свалили съ ногъ, что другой, имѣя въ рукахъ четыре туза, все-таки проигралъ партію, — и все это было скрѣплено ихъ собственноручною подписью... Наконецъ, шористъ покидаетъ университетъ, почти всегда пожелтѣвшій какъ мертвецъ, худой, полуслѣпой, хромой, изнуренный, весь покрытый рубцами и волдырями¹⁾. На кутежи и пьянство студенты истрачивали всѣ свои деньги, вещи и книги. Мало того, „свобода общественной жизни студентовъ“, въ силу которой имъ было предоставлено право „самимъ устроить свой бытъ“, произвела самыя неестественныя отношенія между старшими и младшими студентами или, какъ говорили въ то время, между *шористами* и *пеналами*. Послѣдніе были въ самомъ безграничномъ рабствѣ у первыхъ, были болѣе, чѣмъ ихъ слугами или лакеями. Старшіе студенты (шористы) обращались съ младшими крайне грубо и безчеловѣчно, требовали отъ нихъ всевозможныхъ услугъ, бранили, колотили ихъ, пропивали ихъ вещи. И пеналы (младшіе студенты) не имѣли права жаловаться начальству на эти безобразія. Извѣстный нѣмецкій ученый *Шуппін* рассказываетъ, напр., о слѣдующемъ фактѣ изъ своей студенческой жизни. Однажды въ первый годъ послѣ поступленія его въ университетъ, онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и держалъ въ рукахъ книгу Камерарія—*Notae subsecivae*. Вдругъ къ нему врывается толпа пьяныхъ шористовъ. Наругавшись надъ нимъ за то, что онъ „высокомѣрный пенальъ дерзаетъ читать большія книги“, они стали требовать у него

¹⁾ У Карла Шуппта, Ист. Педаг. 1830. т. III. стр. 198—199.

денегъ, угрожая ему побоями. Но такъ какъ денегъ у Шуппіа не было, то его заставили „послать Камерарія въ винный погребокъ“. И книга дѣйствительно была пропита; виноторговецъ далъ за нее двѣ четверти вина ¹⁾).

Ко времени тридцатилѣтней войны нравственная распущенность и грубость нѣмецкихъ студентовъ усилились еще болѣе. Не хочется вѣрить рассказамъ современниковъ (напр., Филандера фонъ Зиттевальда) о безобразной жизни студентовъ того мрачнаго времени. Но что-же дѣлало университетское начальство? Что дѣлали профессора?—Они считали себя не вправѣ стѣснять „свободы общественной жизни студентовъ“ и—говоримъ словами современника—„соучаствовали въ студенческомъ развратѣ“. Итакъ, вотъ безпристрастное свидѣтельство объективнаго историческаго суда о томъ, къ чему можетъ привести предоставленная студентамъ „свобода слушанія“ и „свобода общественной жизни“...

Въ XVIII и XIX столѣтіяхъ направленіе и характеръ студенческой жизни въ Германіи въ ихъ существенныхъ чертахъ остались почти одни и тѣ-же; они приняли, правда, нѣсколько утонченный характеръ, гуманность вѣка нѣсколько облагородила нравы студентовъ, но существеннаго измѣненія не произвела. Къ нимъ присоединилась только новая черта: среди студентовъ стали образовываться тайныя противуправительственныя сборища; отъ буйства, пьянства и разгрома частныхъ домовъ студенты стали протягивать руки къ перевороту государственному; съ свободой *своей* „общественной жизни“, они рѣшились соединить и свободу дѣятельности политической, подготовивъ такимъ образомъ самую удобную почву для пропаганды злонамѣренныхъ людей. Время отъ времени нѣмецкіе студенты стали пятнать свои руки политическими убійствами, участіемъ въ соціалъ-демократическихъ движеніяхъ, преступныхъ заговорахъ... Но тутъ-то именно они и натолкнулись на нѣмецкую „точку благоразумія“: раздался голосъ Бисмарка...

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что нѣмецкое правительство никогда не считало естественнымъ явленіемъ ту

¹⁾ Срав. Шмидта, Ист. Педаг. 1880. т. III. стр. 197.

свободу или своеволие, которыя хотѣли удержать за собою университетскіе профессора и студенты; оно издавна хотѣло взять университеты въ свои руки; но, къ сожалѣнію, долгое время, въ теченіи цѣлыхъ трехъ столѣтій (XVI—XVIII в.) дѣйствовало слишкомъ вяло, нерѣшительно и неопредѣленно. А такое поведеніе правительства внушало университетамъ лишь большую смѣлость пренебрегать его распоряженіями и не обращать на нихъ никакого вниманія. Ошибка правительства состояла въ томъ, что, вмѣсто категорическаго и безусловнаго подчиненія себѣ университетовъ, оно лишь вступило съ ними въ борьбу, ограничилось только полумѣрами... Такія полумѣры, имѣвшія своею цѣлію ограничить распушенность студентовъ, правительство начало принимать уже въ XVI вѣкѣ, хотя онѣ такъ и остались полумѣрами, не достигнувъ предназначенной имъ цѣли. Чтобы судить о воззрѣніяхъ правительства того времени и о тѣхъ мѣрахъ, которыя были принимаемы для упрядоченія студенческой жизни, извращаемой ложно понятою свободою, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ устава Кенигсбергскаго университета отъ 1546 года. Вотъ эти выдержки. „Учащіеся обязаны чтить религію и добродѣтель и избѣгать всякаго рода нечестій и пороковъ“. „Слѣдуетъ вести себя скромно и пристойно какъ относительно поступи, такъ и платья, которое должно доходить по волѣно. Легкомысленныя поступь и платье служатъ признакомъ легкомысленнаго нрава и оскорбляютъ взоры степенныхъ людей“. „Не слѣдуетъ забираться на свадьбы безъ приглашенія, ни танцовать подобно сатиру“. „Никто не смѣетъ носить при себѣ оружіе, ни грабить по садамъ. Высшія школы существуютъ для того, чтобы учиться полезнымъ искусствамъ, а не для того, чтобы совершать грабежи и насилія“¹⁾. Есть основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ университетахъ (какъ, напр., въ Тюбингенскомъ) эти мѣры иногда и были примѣняемы университетскимъ начальствомъ для ограниченія студенческой распушенности и своеволия. Такъ, въ Тюбингенѣ въ 1500 году одного изъ студентовъ соглашались принять въ университетъ лишь съ тѣмъ

¹⁾ Ibid. стр. 195.

условіемъ, чтобы онъ „одѣлся въ приличное платье“; но студентъ рѣшился лучше быть непринятымъ въ университетъ, чѣмъ подчиниться этому требованію. Въ томъ-же Тюбингевѣ одного изъ студентовъ выгнали за то, что онъ „во время проповѣди стоялъ на хорахъ одѣтый въ позорный короткополый кафтанъ“. Вотъ какъ, читатель, недалеко отъ нѣмецкихъ студентовъ XV—XVI вѣка ушла и наша учащая молодежь съ ея страстью къ ботфортамъ, изъ-за которыхъ молодые люди даже рѣшаются оставлять высшеучебныя заведенія! А мы все мечтаемъ о прогрессѣ нашего „просвѣщеннаго вѣка“, о нравственномъ и умственномъ усовершенствованіи...

Кромѣ правительства, на безобразіе и распущенность студенческой жизни обращали вниманіе и лучшіе люди того времени, посвятившіе себя педагогической дѣятельности. Таковъ былъ, напр., извѣстный педагогъ *Генрихъ Стефани* (1761—1851 г.); самымъ рѣшительнымъ образомъ онъ возсталъ противъ студенческихъ дуэлей, считая ихъ позоромъ своего вѣка, и дѣйствовалъ въ Іенѣ противъ этого зла съ такимъ успѣхомъ, что тамъ, вслѣдствіе установленнаго суда чести, въ теченіи года не было ни одной дуэли, тогда какъ прежде въ тотъ же періодъ времени бывало ихъ до 300 ¹⁾. Но все это были лишь частные случаи, „пріятныя исключенія“. Въ общемъ мѣры правительства и заботы частныхъ лицъ не имѣли существеннаго вліянія на устраниenie тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, которыя влекли за собою „свобода слушанія“ и „свобода общественной жизни студентовъ“. Глубоко укоренившееся зло для своего уничтоженія нуждалось въ радикальныхъ и болѣе рѣшительныхъ мѣрахъ. На помощь правительству должно было придти еще общество. Такъ и случилось.

Но, къ сожалѣнію, это случилось уже въ концѣ первой четверти текущаго столѣтія, когда общество увидѣло изъ политическихъ процессовъ, до какого нравственнаго развращенія довела студентовъ университетская свобода преподаванія, слушанія и общественной жизни. Мы говоримъ о такъ называемыхъ *карлсбадскихъ постановленіяхъ*, составленныхъ франкфуртскимъ

¹⁾ Ibid. Т. IV, ч. 1, стр. 189.

союзнымъ сеймомъ, которыя ограничили нѣсколько самостоятельность университетовъ, подчинивъ ихъ въ политическомъ отношеніи строгому надзору и опеку правительства. Эти постановленія, обнародованныя 20 сентября 1819 года, за незначительными измѣненіями, не утратили своей силы еще и въ настоящее время, а потому мы и приводимъ ихъ здѣсь полностью: 1) „При каждомъ университетѣ назначается надѣленный цѣлесообразными инструкціями и обширными правами чрезвычайный уполномоченный отъ правительства, имѣющій свое мѣстопробываніе въ университетскомъ городѣ. Онъ обязанъ наблюдать за строжайшимъ исполненіемъ существующихъ законовъ и дисциплинарныхъ предписаній, тщательно слѣдить за духомъ, въ какомъ университетскіе профессора читаютъ публичныя и частныя лекціи и, не вмѣшиваясь, впрочемъ, въ научное содержаніе и учебныя методы, давать имъ благотворное, вліяющее на будущее назначеніе учащейся молодежи направленіе; наконецъ, обращать неуклонное вниманіе на все, что можетъ способствовать преуспѣянію нравственности, добраго порядка и наружнаго благочинія въ средѣ студентовъ. Отношеніе этого чрезвычайнаго уполномоченнаго къ академическимъ сенатамъ въ сообщенныхъ ему отъ высшаго вѣдомства инструкціяхъ по поводу вызвавшихъ его назначеніе обстоятельствъ должно быть установлено по возможности точнѣе, также какъ и все, что находится въ связи съ непосредственнымъ назначеніемъ его круга дѣятельности и дѣлопроизводства“. 2) „Союзныя правительства взаимно обязуются устранять изъ университетовъ и отъ всякихъ другихъ учительскихъ должностей какъ университетскихъ, такъ и вообще публичныхъ учителей, которые, явно нарушая свои обязанности, выходя изъ предѣловъ своего призванія, злоупотребляя своимъ вліяніемъ на умы молодыхъ людей, распространяя пагубныя ученія, враждебныя для общественнаго порядка и спокойствія, или подкапывающія основы существующаго государственнаго строя, несомнѣнно обнаружили свою неспособность къ отправленію поручаемой имъ важной должности; причемъ правительства не должны останавливаться ни передъ какимъ препятствіемъ, пока настоящее постановленіе находится въ силѣ и пока не за-

явлены окончательныя постановленія касательно этого пункта. Но эта мѣра да приводится въ исполненіе не иначе, какъ по исполнѣ доказанному донесенію назначеннаго при университетѣ государственнаго уполномоченнаго, или по предварительно вытребованному отъ него докладу. Уволенный такимъ образомъ учитель ни въ какомъ изъ остальныхъ союзныхъ государствъ не можетъ быть назначаема ни при одномъ общественномъ учебномъ заведеніи“. 3) „Существующіе съ давнихъ поръ законы противъ тайныхъ и недозволенныхъ союзовъ въ университетахъ должны поддерживаться во всей своей силѣ и строгости, и особенно слѣдуетъ распространить ихъ на основанное нѣсколько лѣтъ тому назадъ товарищество, извѣстное подъ именемъ всеобщаго буршеншафта ¹⁾, и тѣмъ болѣе, что въ основѣ этого общества лежитъ непозволительное условіе постоянныхъ связей и сношеній между разными университетами. Въ отношеніи этого пункта правительственнымъ уполномоченнымъ вмѣняется въ обязанность чрезвычайная бдительность. Правительства обязуются взаимно, чтобы личности, явно пребывающія, по обнародованіи настоящаго постановленія, въ тайныхъ или недозволенныхъ союзахъ или вступившія въ нихъ, не были допускаемы ни къ какой общественной должности“. 4) „Ни одинъ изъ студентовъ, исключенныхъ изъ университета по утвержденному правительственнымъ уполномоченнымъ, или вслѣдствіе его донесенія послѣдовавшему приговору академическаго сената, ни одинъ также изъ удалившихся отсюда съ цѣлью избѣжать такого приговора не долженъ быть допускаемъ ни въ какой изъ другихъ университетовъ, и вообще ни въ одинъ изъ нихъ не слѣдуетъ принимать студента безъ удовлетворительнаго свидѣтельства о благонаправномъ поведеніи изъ покинутаго имъ заведенія“ ²⁾. Такимъ образомъ ложно понятая „свобода преподаванія“ обратила университеты въ орудія распространенія ложныхъ идей,—а это обстоятельство повлекло за собою строгое подчиненіе университетовъ особымъ пра-

¹⁾ Это товарищество исключительно съ политическими цѣлями было учреждено, 18 октября 1817 г., депутатами *четырнадцати* нѣмецкихъ университетовъ.

²⁾ У Карла Шмидта, Ист. Педаг., 1881, т. IV, ч. 2, стр. 183—184.

вительственнымъ комиссарамъ, лишеніе ихъ большей части юрисдикціи надъ учащимися, введеніе программъ преподаванія и надзоръ за благонамѣренностію читаемыхъ курсовъ, ограниченіе студенческихъ собраній и приѣма учащихся въ университетъ, постановленіе въ совѣтѣ университетскомъ юрисконсульта и прокурора съ правомъ протеста противъ всѣхъ вообще рѣшеній совѣта. „Благодаря этимъ (карлсбадскимъ) декретамъ,—говоритъ Карль Шмидтъ ¹⁾, самый ярый защитникъ университетской свободы,—съ тѣхъ самыхъ поръ начали процвѣтать преслѣдованія „демагогическихъ происковъ“, а со стороны студентовъ возникли ожесточеніе и оппозиція вытѣсняемаго изъ публичности тайнаго буршеншафта противъ правительствъ; а вслѣдствіе этого на общественную самостоятельность университетовъ налагались все новые и новые путы“. Но эти „путы“, должно быть, были не особенно крѣпки, ибо „ожесточеніе и оппозиція“ студентовъ рѣзко проявляются еще и въ настоящее время, какъ это случилось, напр., въ Вѣнѣ въ январѣ текущаго года: въ палату делегацій внесенъ законопроектъ объ отнятїи у студентовъ права частныхъ сходокъ; студенты силою вторглись въ самую залу засѣданій и, произведши грубое буйство, явно доказали свою неблаговоспитанность и потеряли симпатїи даже сторонниковъ университетской свободы.

Послѣдствія ложно понятой университетской свободы, къ сожалѣнію, нельзя ограничить только нравственною распущенностію студентовъ и обращеніемъ профессоровъ изъ труженниковъ науки въ злонамѣренныхъ политическихъ агитаторовъ и заговорщиковъ, хотя и этихъ двухъ золь болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы видѣть всю непригодность принятаго принципа въ дѣлѣ университетскаго „образованія“. Въ непосредственной зависимости отъ „свободы преподаванія“ и „свободы слушанія“ находилось, да отчасти находится еще и теперь совершенное паденіе университетской науки. Профессоры поняли эту свободу въ смыслѣ произвольнаго, халатнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ. Они увлекались многими

¹⁾ Ibid.

посторонними занятіями, какъ напр., охотою, коммерческими предпріятіями, картежною игрою, кутежами, и не обращали никакого вниманія *только* на свою науку. Наукою интересовались лишь частныя лица въ своихъ ученыхъ кабинетахъ; что же касается коронныхъ университетскихъ профессоровъ, исправно и аккуратно получавшихъ отъ правительства свое не слишкомъ, впрочемъ, щедрое жалованье, то они были больше похожи на тѣхъ столоначальниковъ правительственныхъ канцелярій, которые изъ году въ годъ съ полнѣйшимъ безучастіемъ переписываютъ канцелярскія бумаги *по установленной формѣ*. Затихло въ аудиторіяхъ живое увлекательное слово чистой науки. Его мѣсто заняло даже не *чтеніе* пожелтѣвшей тетрадки, написанной профессоромъ въ первые годы его юношескаго увлеченія своею наукою, а простой *диктантъ*. Профессоръ диктовалъ по своей тетрадкѣ, студенты писали,—и въ этомъ состояла вся „разработка“ университетской науки. Такое веденіе дѣла никому не казалось страннымъ; всѣ въ нему привыкли, всѣ находили его „въ порядкѣ вещей“, явленіемъ совершенно естественнымъ, никому не бросавшимся въ глаза; его признало и само правительство, которое, для правильной постановки этого дѣла, вмѣняло лишь въ обязанность „каждому читающему лекціи, чтобы онъ диктовалъ правильно и безошибочно, тихо и внятно, обозначая параграфы, прописныя буквы, запятые и точки, какъ то требуется по смыслу, съ тѣмъ, чтобы облегчить записываніе“¹⁾. Этотъ обычай диктовки настолько укоренился въ практикѣ нѣмецкихъ университетовъ, что когда въ послѣднее время правительство потребовало его отмѣны,—профессора энергично протестовали противъ этого требованія, доказывая ту мысль, что отъ такого способа преподаванія зависитъ правильное посѣщеніе лекцій. О паденіи науки ясно говоритъ и то, что нѣкоторые изъ профессоровъ тайкомъ пользовались тетрадями своихъ предшественниковъ и даже товарищей. Въ настоящее время въ нѣмецкихъ университетахъ профессора также читаютъ свои лекціи по тетрадямъ

¹⁾ Такое требованіе было внесено даже въ уставъ Вѣнскаго университета. Срв. Карла Шмидта Ист. Педаг. т. IV. ч. II. стр. 196.

и только нѣкоторые изъ нихъ—передовые и болѣе способные—дозволяютъ себѣ вольность—читать лекціи по конспектамъ. Скромные нѣмцы, впрочемъ, вполне довольны такимъ веденіемъ дѣла, они называютъ его даже „лучшимъ способомъ преподаванія“ и превозносятъ своихъ университетскихъ профессоровъ за то, что такое чтеніе по тетради... у одного болѣе или мевѣе приближается къ свободному изложенію, а у другого—къ чтенію“ ¹⁾).

Наконецъ, ложно понятая университетская свобода имѣла своимъ слѣдствіемъ и *опошленіе* науки; наука низошла на степень простого ремесла; въ университетахъ стало царить грубое матеріалистическое направленіе; въ университетъ стали поступать молодые люди не ради полученія научнаго, систематическаго образованія, а только ради приобрѣтенія большихъ правъ и преимуществъ, ради лучшаго матеріальнаго обезпеченія себя въ жизни, ради университетскихъ дипломовъ, по страсти къ наживѣ. Трудно, конечно, винить за это молодыхъ людей; чѣмъ они виноваты, что, за упадкомъ науки, въ университетахъ только и можно было получать одни дипломы? Тѣмъ не менѣе зло это слишкомъ тяжело отражалось на общественной жизни,—и на него лучшіе люди уже давно начали обращать свое вниманіе. Таковъ былъ, напр., извѣстный геніальный мыслитель, основатель науки о древности и современныхъ гуманистическихъ гимназій *Фридрихъ Августъ Вольфъ* (1759—1824 г.), ставившій это зло въ самую тѣсную и непосредственную связь съ неправильною постановкою университетскаго образованія вообще. Мнѣніе Вольфа, не потерявшее своего значенія еще и для нашего времени, заслуживаетъ того, чтобы обратить на него серьезное вниманіе. „Я предлагаю, говоритъ Вольфъ, улучшенія, касающіяся всеобщей жалобы на упадокъ доброй дисциплины въ университетахъ. Прежде всего необходимо мужественно возстать противъ *господствующаго духа*, въ настоящее время все болѣе проникающаго въ систему научныхъ занятій. Пусть этотъ дурной духъ изгоняется съ кротостію и постепенно; но да исполняется это съ настойчивымъ рвеніемъ,

¹⁾ Ibid. стр. 197.

тогда неминуемо послѣдуетъ благсй успѣхъ для всего истиннаго образованія въ отечествѣ. Я того мнѣнія, что не слѣдуетъ приступать къ значительнымъ и нарушающимъ общій порядокъ измѣненіямъ въ протестантскихъ университетахъ... Для того, чтобы судить о лучшемъ возможномъ устройствѣ, намъ сперва пришлось-бы испытать его, а такой опытъ во многихъ отношеніяхъ можетъ обойтись очень дорого. *Важнѣйшее зло, которое-бы слѣдовало пресѣчь, это недостатокъ влеченія къ истинно основательнымъ знаніямъ. Большинство смотритъ на занятіе науками точно такъ-же, какъ на ремесло, и имѣетъ въ виду одну только цѣль, какъ-бы путемъ обычнаго экзамена добиться казеннаго мѣста, а затѣмъ возникаетъ еще попользованіе по возможности веселье провести остающееся отъ переписки тетрадей время.* Зло это тотчасъ-же пресѣклось-бы, еслибъ экзаменъ на должности былъ строже, нежели до сихъ поръ, и устроенъ такъ, чтобы онъ стоялъ въ связи съ лекціями въ университетѣ... Академическіе преподаватели должны обратить свое вниманіе главнымъ образомъ на то, чтобы возбуждать въ слушателяхъ истинную склонность къ преподаваемымъ предметамъ и такимъ образомъ побудить ихъ къ личному труду: безъ этого даже лучшая, самая ученая лекція только на половину полезна. Еслибъ все это исполнилось мало помалу, то безъ всякаго сомнѣнія *улучшились-бы и нравы и образъ жизни студентовъ...* Замѣчено, что народныя буйства и смуты почти всегда производятся людьми, поступающими въ университетъ *изъ-за хлѣба съ масломъ*" ¹⁾.

На этотъ „хлѣбъ съ масломъ“, который исключительно имѣетъ въ виду большинство университетской молодежи, съ прискорбіемъ указывали и многіе другіе лучшіе люди, стоявшіе цѣлою головою выше своихъ современниковъ, какъ напр., Шлейермахеръ, Шейдлеръ, Титманъ; а Гофманъ фонъ Фаллерслебенъ даже воспѣлъ его въ стихахъ, изъ которыхъ приводимъ здѣсь слѣдующій отрывокъ:

„Хлѣбъ и деньги, деньги и хлѣбъ!
Такъ взываетъ весь свѣтъ;

¹⁾ Карль Шмидтъ, Ист. Педаг. т. IV, ч. 2, стр. 46—47.

Это единственное развлеченье
 Въ скучныхъ пѣсняхъ нашей эпохи.
 Хлѣбъ—единственно универсальное
 Въ нашихъ университетахъ—
 Оно хотя и не отрадно, но вѣрно,
 А кто намъ не вѣрить,
 Тотъ скоро убѣдится и самъ! 1).

Это грубо-матеріалистическое направленіе царить въ нѣмецкихъ университетахъ во всей своей силѣ еще и въ настоящее время и въ свою очередь убиваетъ всякое честное и безкорыстное стремленіе къ истинно-научному образованію. „Въ новѣйшее время, говоритъ Шмидтъ 2), вслѣдствіе жадной погони за наживой въ студентахъ потухъ вольволюбивый духъ научныхъ занятій, и теперь, для того, чтобы вновь освободить учащихъ отъ ремесленнической рутины, необходимо сообщить озооченѣвшей въ текущемъ десятилѣтіи наукѣ свѣжій толчекъ въ новомъ направленіи“.

Итакъ, нѣмецкіе университеты далеко не такъ симпатичны, какъ рисуютъ ихъ намъ наши поклонники западнаго просвѣщенія. Конечно, какъ среди нѣмецкихъ профессоровъ, такъ и среди нѣмецкихъ студентовъ есть личности свѣтлыя, безкорыстно посвятившія себя высокому служенію наукъ и этимъ именно личностямъ наука обязана своимъ развитіемъ, Европа—своимъ просвѣщеніемъ. Но что касается университетовъ вообще, то они способны навѣять лишь одно мрачное настроеніе; тяжело видѣть храмъ науки обращеннымъ въ вертепъ юношеской распущенности, систематически губящей молодая силы. А такая гибель неминуема тамъ, гдѣ школа прекратила свою воспитательную дѣятельность, гдѣ она отворила широкія двери всевозможнымъ моднымъ „бреднямъ“, всякому новоиспеченному философскому міровоззрѣнію, открытому богохульству, безосновательному отрицанію, гдѣ профессоръ исторіи права на кафедрѣ своей науки всѣ силы напрягаетъ на доказательство миѣческаго характера евангельскихъ повѣствованій 3),

1) Ibid. стр. 202—203.

2) Ibid. стр. 184.

3) Salz. Kirchenblatt, 1886, стр. 537, 548, 563.

профессоръ медицины публично богохульничаетъ и нагло издѣвается надъ вѣрою въ безсмертіе души, загробную жизнь ¹⁾, профессоръ философіи ставитъ своею цѣлію проповѣдь невѣрія, разрушеніе здравыхъ нравственныхъ понятій, безграничное отрицаніе ²⁾.

Говорятъ, что недостатки виднѣе со стороны. Одна Россія, кажется, только не подтвердила этой истины. Недостатки западно-европейскаго университетскаго образованія такъ очевидны, гибельныя послѣдствія ложной постановки дѣла въ нѣмецкихъ университетахъ такъ наглядны и осязательны, что приходится только удивляться тому, какимъ образомъ въ этомъ отношеніи мы могли слѣдовать за нѣмцами, почему мы не старались избѣжать ихъ ошибокъ, что заставило насъ еще на себѣ повторить то, противъ чего энергично возставали уже болѣе благоразумные люди и среди самыхъ нѣмцевъ. А что дѣйствительно наши университеты всегда стояли на одной и той-же почвѣ съ университетами нѣмецкими и въ этомъ отношеніи мы непозволительно повторяли ошибки нѣмцевъ,—это мы увидимъ ясно, если бросимъ хотя бѣглый взглядъ на судьбу нашего университетскаго образованія.

Свящ. М. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Salz. Kirchenblatt, 1885, № 4, стр. 42.

²⁾ Ibid. стр. 289, 303, 316.

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

II.

Страданіе мученика Лаврентія.

1. Римъ, въ древности устроитель капищъ,¹⁾ а нынѣ преданный Христу и торжествующій побѣду надъ грубымъ идолослуженіемъ, (одержанную) подъ предводительствомъ Лаврентія!

5. (Нѣкогда) ты побѣждалъ гордыхъ царей; обуздывалъ народы, а нынѣ налагаешь иго власти на чудовищныхъ идоловъ²⁾:

9. Недоставало для украшенія города облеченныхъ въ тогу³⁾ одной лишь той славы, дабы онъ, сокрушившій лютость народовъ, обуздалъ гнусаго Юпитера,

13. (Обуздалъ) не яростно-стремительными воинствами Косса,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г. № 17.

1) Извѣстно, что Римляне, вообще отличавшіеся вѣротерпимостію, нерѣдко даже переносили въ Римъ чествованіе боговъ побѣжденных ими народовъ. Вслѣдствіе этого, въ Римѣ было чрезвычайное множество капищъ разнымъ божествамъ.

2) Поэтъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ странную форму, въ какой представляемы были нѣкоторые боги, напримѣръ Анубисъ, въ Perist. X, 258 называемый отъ своего вѣшняго вида собакою (Canis).

3) Т. е. города Рима. Подобнымъ образомъ называется онъ въ Perist. XII, 56.

Камилла или Цезаря ⁴⁾, но не безкровной битвой, данной мученикомъ Лаврентіемъ.

17. Вооруженная вѣра вступила (тогда) въ бой и не пощадила собственной крови; ибо (она) своею смертію сокрушила смерть и себѣ принесла въ жертву саму себя ⁵⁾.

21. Это предсказалъ святитель Ксистъ ⁶⁾, уже пригвожденный ко кресту, видя Лаврентія плачущаго при самомъ крестѣ.

25. „Перестань печалиться и проливать слезы о моей кончинѣ; чрезъ три дня и ты, братъ, послѣдуешь за мною“.

29. Предсмертныя слова епископа, возвѣщавшія славу (Лаврентію), сбылись вполнѣ; ибо предсказанный день, дѣйствительно, принесъ пальму Лаврентію ⁷⁾.

33. Какимъ словомъ, какими похвалами я прослаблю (сію) кончину? Какою пѣснію достойно воспую страданія (Лаврентія)?

37. Онъ былъ первый изъ семи мужей, находящихся въ особенной близости къ престолу (Господню), превышавшій другихъ левитовъ левитъ ⁸⁾.

41. Ему было поручено—завѣдывать имуществомъ церковнымъ; какъ вѣрный приставникъ, держалъ онъ въ рукахъ ключи отъ сокрытаго въ домѣ Божіемъ и раздавалъ ввѣренныя богатства.

45. (Вотъ) префектъ царственнаго города ⁹⁾, слуга нечестиваго владыки ¹⁰⁾, вымогатель золота и крови, одержимый сребролюбіемъ, изыскиваетъ способы,

49. Какими могъ бы добыть деньги, сокрытыя въ кладовыхъ церковныхъ, думая, что тамъ заключены груды золота.

⁴⁾ Корн. Коссъ, Камиллъ и Юлій Цезарь—знаменитые римскіе полководцы.

⁵⁾ Разумѣется, какъ видно изъ послѣдующихъ стиховъ, страданіе и мученическая кончина Лаврентія.

⁶⁾ Ксистъ или Сикстъ II былъ епископомъ Рима при императорѣ Валеріанѣ (ум. 258 г.).

⁷⁾ Пальмовыя вѣтви (palmae) въ греко-римской древности вручались побѣдителямъ въ знакъ ихъ побѣды, въ христіанской-же церкви сдѣлались символомъ мученичества.

⁸⁾ Лаврентій былъ одинъ изъ семи діаконовъ Римской церкви.

⁹⁾ Т. е. города Рима.

¹⁰⁾ Т. е. императора Валеріана.

53. Онъ повелѣваетъ привести Лаврентія и допрашиваетъ (его) объ ящикѣ церковномъ, наполненномъ благороднымъ металломъ, и о скрытыхъ горахъ блестящей монеты.

57. „Вы“—говоритъ онъ (Лаврентію)—„имѣете обычай жаловаться, будто мы съ (вами) христіанами несправедливо жестоки и истязаемъ (васъ) слишкомъ тяжко.

61. „Я теперь—не суровый судья; я благосклонно и спокойно требую (теперь) того, что ты долженъ былъ бы безъ понужденія исполнить.

65. „Молва гласитъ, что въ вашихъ священнодѣйствіяхъ наблюдается такой, предписанный уставами вашего общества, обычай, что предстоятели дѣлаютъ возліянія (въ честь Божества) изъ золотыхъ чашъ ¹¹⁾.

69. „Говорятъ, что жертвенная кровь (у васъ) дымится ¹²⁾ въ серебряныхъ сосудахъ, а при ночныхъ священнодѣйствіяхъ восковые свѣчи ставятся въ золотыхъ подсвѣчникахъ.

73. „Поэтому у братьевъ ¹³⁾, какъ свидѣтельствуется болтливая

¹¹ Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ.

Hunc esse vestris orgiis
moremque et artem proditum est,
hanc disciplinam foederis,
libent ut auro antistites.

Здѣсь заслуживаетъ вниманія слово „orgia“, обозначавшее (собственно) различные обряды или таинства въ честь Вакха, а затѣмъ вообще богослужебные обряды и перенесенное здѣсь на богослуженіе христіанъ, или потому, что это богослуженіе совершалось ночью (ср. ст. 71 и Минуція Феликса: Octav. VIII, гдѣ христіане называются latebrosa et lucifugaх patio), или потому что при этомъ богослуженіи совершались, какъ думали язычники, разныя нечестивости и жестокости (ср. ст. 70 и Минуція Феликса: Octav. IX). Выраженіемъ „дѣлаютъ возліянія“ префектъ приравнивалъ христіанскія священнодѣйствія къ языческимъ религіознымъ обрядамъ.

¹²⁾ Префектъ намекаетъ на ходячее въ средѣ язычниковъ обвиненіе христіанъ, будто они причащаются крови только что убитаго младенца, о каковомъ обвиненіи говорятъ Тертуліанъ (Apolog. VII: dicimur sceleratissimi de sacramento infanticidii) и Минуцій Феликсъ (Octav. IX: hujus t. e. infantis occisi)... sitienter sanguinem lambunt, hujus certatim membra dispertiunt).

¹³⁾ Названіе „братья“, съ которымъ обращались древніе христіане другъ къ другу, ставилось язычниками въ укоризну послѣдователямъ Христа, принималось за доказательство ихъ безнравственности (ср. Минуція Феликса: Octav. IX).

„молва, самая главная забота состоитъ въ томъ, чтобы, продавая
„имѣнія, вносить большія деньги (въ сокровищницу церковную).

77. „Вздыхаетъ о дѣдовскихъ помѣстьяхъ, присужденныхъ къ
„гнусной продажѣ (съ этою цѣлю), лишенный наслѣдства на-
„слѣдникъ, ввергнутый въ нищету (своими) святыми¹⁴⁾ родителями.

81. „Эти деньги скрываются въ тайныхъ отдѣленіяхъ при
„церквахъ и считается высшимъ благочестіемъ обездоливать ми-
„лыхъ дѣтей¹⁵⁾.

85. „Выдай хранимая тобою сокровища, которыя ты приобрѣлъ
„злыми чарами совѣтовъ и держишь подъ замкомъ въ темной
„кладовой.

89. „Польза общественная, равно казна императора и казна
„государственная требуютъ того, чтобы эти деньги помогли им-
„ператору для (удовлетворенія) государственныхъ нуждъ.

93. „Ученіе ваше—передавали мнѣ—таково: воздай каждому
„свое¹⁶⁾; но изображеніе, сдѣланное на монетахъ, есть изображе-
„ніе императора.

97. „Отдай-же императору то, что—какъ тебѣ извѣстно—при-
„надлежитъ императору; я вѣдь требую справедливаго; если не
„ошибаюсь, изображеніе твоего Бога не находится ни на одной
„монетѣ.

101. „Равно и въ то время, когда приходилъ Онъ, (то) не при-
„носилъ (съ Собою) золота¹⁷⁾, а давалъ словесныя наставленія,
„оставаясь въ бѣдности.

105. „Пребудьте вѣрны ученію (вашему), которое вы повсюду
„распространяете; съ готовностію выдайте деньги, а сами будьте
„богаты словами“.

¹⁴⁾ Выраженіе это въ устахъ префекта имѣетъ ироническій смыслъ.

¹⁵⁾ И здѣсь, также, иронія.

¹⁶⁾ Префектъ имѣетъ въ виду слова Іисуса Христа въ Матѣ. XXII, 21; ср. Римл. XIII, 7.

¹⁷⁾ Въ подлинникѣ: *pec... aureos secum philippos detulit*. „Филиппами на-
„зывались почти всѣ золотыя и серебряныя монеты, равныя по стоимости тѣмъ,
„которыя чеканилъ Филиппъ, царь Македонскій“ (Дрессель).

109. Лаврентій не отвѣтствуетъ на это грубо или гнѣвно, но какъ-бы готовый повиноваться, послушно выражаетъ согласіе.

113. „Не отрицаю“—говоритъ—„наша Церковь богата и имѣетъ „очень много сокровищъ и золота и никто въ мірѣ не богаче ея.

117. „Не имѣетъ столько серебряной монеты и самъ владыка „Рима ¹⁸⁾, котораго изображеніе и имя отмѣчается на всѣхъ „деньгахъ.

121. „И я не отказываюсь выдать сокровища Богатаго Боже- „ства; я представлю и принесу все то драгоцѣнное, чѣмъ обла- „даетъ Христосъ.

125. „Но молю и прошу объ одномъ, именно о небольшомъ „срокѣ, дабы я могъ лучше исполнить обѣщаніе.

129. „Въ теченіе этого срока утварь Христова будетъ мною „въ порядкѣ описана; ибо все имѣющееся должно быть сосчитано „и внесено въ роспись“.

133. Префектъ исполняется великою радостію; онъ (уже) по- „жираетъ золото въ надеждѣ (его получить); восхищается, какъ „будто оно уже было скрыто у него въ домѣ.

137. Назначенъ былъ трехдневный срокъ; затѣмъ Лаврентій „съ похвалами отпускается, поручившись за себя самого и за ве- „ликія сокровища.

140. Въ продолженіи трехъ дней онъ поспѣшно посѣщаетъ въ „городѣ сонмы немощныхъ и собираетъ въ одно мѣсто нуждаю- „щихся въ подаяніи.

145. Тамъ направлялъ не твердый шагъ, осторожно испытуетъ „находящееся впереди посохомъ, слѣпой на-оба глаза.

149. Тамъ (виднѣлся) совсѣмъ безногій; тамъ хромалъ увѣч- „ный или имѣющій одну ногу длиннѣе другой.

153. У нѣкоторыхъ члены были покрыты струпьями и исто- „чали зловонный гной; у нѣкоторыхъ была скрючена изсохшая „десница.

157. Таковыхъ, питавшихся обыкновенно подаяніемъ отъ ма-

¹⁸⁾ Т. е. императоръ Валеріанъ (Дрессель).

теринскаго лона Церкви, отыскиваетъ на всѣхъ улицахъ Лаврентій; ему, какъ сокровищераздаятелю, они были хорошо извѣстны.

161. Потомъ записываетъ имена всѣхъ,—каждаго въ отдѣльности и приказываетъ расположиться въ длинномъ ряду предъ храмомъ.

165. Уже прошелъ назначенный день; неистовствуетъ въ гнѣвѣ жадный префектъ, требуя исполненія обѣщанія.

169. Тогда мученикъ говоритъ (ему): „предстань и подивись „великимъ сокровищемъ, которыя нашъ Пребогатый Богъ имѣетъ „въ своемъ святилищѣ.

173. „Ты увидишь огромный атриумъ, ¹⁹⁾, блистающій золотыми сосудами, и сложенные въ открытыхъ портикахъ груды „талантовъ“.

177. Тотъ ²⁰⁾ безъ стыда слѣдуетъ (за Лаврентіемъ для полученія сокровищъ): дошли до входа во святилище; (тамъ) стоятъ нищие невзрачной наружности.

181. Раздаются просьбы молящихъ. (о подаяніи); изумленный префектъ приходитъ въ ярость и съ грознымъ видомъ обращается къ Лаврентію.

185. А тотъ говоритъ: „что ты грозить, скрежеща зубами? „или: чтó тебѣ не нравится? считаешь ли ты это ²¹⁾ гнуснымъ „и малоцѣннымъ и не стóющимъ вниманія?

189. „Ты страстно жаждешь золота; но золото выкапывается „изъ земли и трудомъ каторжниковъ выковывается, (освобожденное) отъ нечистой примѣси.

193 „Равнымъ образомъ, доставляется ли оно въ мутныхъ струяхъ ручья или быстро катящейся рѣки,—необходимо, чтобы все „земляное и нечистое (въ немъ) было выварено пламенемъ.

197 „(Притомъ) золотомъ разрушается стыдливость; золотомъ „оскверняется чистота, разрывается миръ, губится вѣрность, пре- „ступаются самые законы.

¹⁹⁾ Атриумъ здѣсь значитъ то же, что храмъ. Ср. ст. 164. 178.

²⁰⁾ Т. е. префектъ.

²¹⁾ Разумѣются увѣчные и немощные, собранные Лаврентіемъ.

201. „Зачѣмъ же ты возвеличиваешь и признаешь важнымъ „этотъ ядъ доброй славы? Если ты ищешь болѣе истиннаго золота, то это есть—(духовный) свѣтъ и родъ человѣческой (имъ „обладаемый) ²²⁾).

205. „Вотъ (предъ тобою) питомцы свѣта ²³⁾; они угнетены „слабымъ тѣломъ, но (за то) ихъ умъ чуждъ гордости, что бываетъ при здравости тѣла.

209. „Когда болѣзнь разрушаетъ члены, тогда дѣлается крѣпче и цвѣтетъ умъ; наоборотъ, крѣпостію членовъ ослабляется „сила ума ²⁴⁾).

213. „Ибо кровь, распалаяющая ко грѣху, дѣйствуетъ съ меньшею силою, когда (ея) пламень, обезсиленный немощами (тѣлесными), уменьшить разслабляющій ядъ.

217. „Если бы дано было сдѣлать выборъ, то я желалъ бы болѣе терпѣть жесточайшую боль и имѣть увѣчные члены, но за „то сохранять внутреннюю красоту.

221. „Сопоставь виды язвъ и, сравнивь ту и другую нечистоту, разсуди: гнуснѣе ли болѣзни плоти или язвы ума и „нравовъ?

225. „Наши (собратія), имѣющіе увѣчные члены (тѣлесные), „сохраняютъ благолѣпіе внутреннее; они чужды разслабляющей „красоты, но имѣютъ здравый умъ.

229. „Вашихъ-же, крѣпкихъ тѣлесно, оснѣдаетъ внутренняя „проказа; пребывая въ заблужденіи, они хромаютъ, удаленные „отъ истины ничего не видятъ.

233. „Я докажу, что каждый изъ твоихъ богачей въ блистаю-

²²⁾ Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

Si quaeris aurum verius
lux est et humanum genus.

Хотя въ Cath. V, 151 Пруденцій замѣчаетъ, что нѣтъ ничего болѣе драгоценнаго, чѣмъ свѣтъ (физическій), но въ нашемъ мѣстѣ нужно разумѣть скорѣе свѣтъ духовный; право на это даетъ контекстъ (ср. ст. 205) и Regist. VI, 7.

²³⁾ Разумѣются увѣчные и немощные, собранные предъ храмомъ.

²⁴⁾ II Корине. XII, 10: *егда бо немощствую, тогда силенъ есмь.*

„ИХЪ ОДЕЖДАХЪ И СЪ СІЯЮЩИМЪ ЛИЦЕМЪ БОЛѢЕ УВѢЧЕНЪ, ЧѢМЪ
„КТО ЛИБО ИЗЪ МОИХЪ БѢДНЯКОВЪ.

237. „Этого, надмѣвающагося шелковою одеждою и горделиво
„развѣвжающаго въ колесницѣ, раздуваетъ внутри (своимъ) про-
„зрачнымъ ядомъ водянка.

241. „А этотъ скупецъ имѣетъ искривленныя руки²⁵⁾; сгибая
„ладонь съ крючковатыми ногтями, онъ не имѣетъ силы дать
„просторъ своимъ мускуламъ.

245. „Тотъ, одержимый гнусной похотливостью, пребываетъ въ
„сквернѣ и нечистотѣ.

249. „Тотъ, старающій отъ честолюбія, тревожимый жаждою
„отличій, не страдаетъ ли скрытою горячкою и не отъ огня ли
„въ жилахъ неистовствуетъ?...

253. „Болтунъ жаждетъ выдать (ввѣренную) тайну, мучится,
„терзаетъ свою печень, страдаетъ зудомъ сердца.

257. „Къ чему я буду говорить о вспухшемъ зобѣ завистни-
„ковъ, о гнойныхъ и имѣющихъ багровый цвѣтъ язвахъ ко-
„варства?...

261. „Ты самъ—владычествующій въ Римѣ презритель Вѣч-
„наго Бога, читатель демонской мерзости, одержимъ болѣзнію
„владыкъ²⁶⁾.

265. „А эти, которыхъ ты презираешь въ своей гордости, ко-
„торыхъ считаешь отвратительными, скоро совлекутъ покрывные
„струпьями члены и будутъ цвѣсти здоровьемъ.

269. „Отрѣшившись и освободившись, наконецъ, отъ разслаб-
„ленной плоти, они будутъ сіять въ чертогѣ Отца (Небеснаго)
„и наслаждаться прекраснѣйшею жизнію,

273. „Не грязные, не увѣчные, какими ихъ видятъ теперь, но
„блистая пурпуровыми одеждами и золотыми вѣнцами.

²⁵⁾ Подобнымъ образомъ въ Psuch. 454—456 усвоится скупости „ипса manus“.

²⁶⁾ Въ подлинникѣ: tute ipse, qui Romam regis... morbo laboras regio. Здѣсь, оче видно, игра словъ, которою поэтъ намекаетъ, повидимому, на властолюбіе префекта. „Morbus regius“ или „ictericus“ есть желтуха; такое названіе этой болѣзни усвоено, можетъ быть, потому что лечили ее такими лекарствами, которыми могли пользоваться лишь царя „gegez“ или, вообще, люди богатые.

277. „Желалъ бы я, дабы предстали тогда предъ тобою и тѣ
„славные міра сего.

281. „Ты увидѣлъ бы ихъ покрытыхъ лохмотьями и въ безо-
„бразномъ видѣ ²⁷⁾).

285. „Нѣтъ ничего гнуснѣе грѣшника, нѣтъ ничего прокажен-
„нѣе, нѣтъ ничего сквернѣе: никогда не заживаютъ язвы пре-
„ступленій и смердятъ, какъ адъ.

289. „Душамъ, которыя прежде въ тѣлѣ увеселялись изящнымъ
„видомъ, тогда приражается гнусный видъ.

293. „Вотъ (предъ тобою теперь) тѣ золотыя монеты, которыя
„я недавно обѣщалъ тебѣ (выдать), которыя не разрушаетъ тлѣ-
„ніе, (равно) не похищаетъ воръ ²⁸⁾).

297. „Теперь,—пусть не считаешь ты Христа бѣднымъ,—я по-
„кажу еще драгоцѣнные камни съ ослѣпляющимъ блескомъ, укра-
„шающіе сей храмъ.

301. „(Вотъ) ты видишь посвятившихъ себя Богу дѣвъ; поди-
„вись же (этимъ) чистымъ старицамъ ²⁹⁾), подивись и тѣмъ, кои,
„овдовѣвъ, не помышляли о второмъ супружествѣ.

305. „Вотъ драгоцѣнности Церкви: этими благородными кам-
„нями наряжается она; съ такимъ приданымъ угодна она Хри-
„сту ³⁰⁾); такъ украшаетъ (свою) высокую главу.

309. „Возьми эти таланты; ими ты украсишь городъ Ромула;
ими обогатишь, и владыку (своего), и самъ обогатишься“.

313. „Мы осмѣиваемся“—гнѣвно восклицаетъ префектъ— „надъ
„нами издѣвается, собравши столько лицъ ³¹⁾), (этотъ) негодяй,
„и онъ—живъ еще!

²⁷⁾ Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ:

Pannis videres obsitos
et muculentis naribus,
mentum salivis uvidum
lipposque palpebra patri.

²⁸⁾ Лук. XII, 33.

²⁹⁾ Въ подлинникѣ: intactas anus. Разумѣются „посвятившія себя Богу дѣ-
вы, до преклонныхъ лѣтъ пребывшія въ чистотѣ“ (Дрессель).

³⁰⁾ Ср. Апок. XXI, 9—27.

³¹⁾ Разумѣются, конечно, увѣчные христіане, собранные предъ храмомъ.

317. „Ты думаешь, каторжникъ, что ты, играя, какъ шутъ, эту „хитросплетенную комедію, останешься безнаказаннымъ?...

321. „Или: показалось (тебѣ) тонкимъ остроуміемъ обращать „насъ въ посмѣшищѣ? и я, поднятый такимъ образомъ на-смѣхъ, „сталъ (тебѣ) предметомъ для веселой шутки?..

325. „О, неужели до такой степени отсутствуетъ всякая стро- „гость!... Неужели до такой степени слаба карающая власть!... „Неужели до такой степени притупленъ общественный мечъ пре- „зрѣнною снисходительностію!...

329. „Ты говоришь: „я съ полной готовностью встрѣчу (все): „смерть желанна мученику!“... Мы знаемъ, что есть у васъ это „пустое убѣжденіе ³²⁾.

333. „Но я не дамъ тебѣ того, чего тебѣ хочется; не предста- „нетъ тебѣ скорый конецъ; не будутъ сокращены (имъ) твои муки: „я не дамъ тебѣ сразу погибнуть.

337. „Я буду удерживать твою жизнь, буду отдалять ея окон- „чаніе, подвергая тебя постояннымъ, но медленнымъ казнямъ, а „неизбѣжность смерти (еще болѣе) увеличить продолжительныя „муки.

341. „Насыпьте (на желѣзный одрѣ) ³³⁾ чуть горячихъ уголь- „евъ; пусть пламя не слишкомъ охватываетъ уста дерзкаго, и „пустъ не проникаетъ въ (его) внутренности.

345. „Пусть жаръ мало-по-малу ослабѣваетъ; пусть онъ, чуть- „чуть притекая, дѣлаетъ болѣе умѣреннымъ страданіе полуоб- „горѣвшаго тѣла.

349. „Хорошо, что попался самъ мистеріархъ изъ числа всѣхъ „(участвующихъ въ мистеріяхъ) ³⁴⁾; пусть онъ одинъ покажетъ, „чего скоро должны бояться (и тѣ).

³²⁾ Ср. Минуція Феликса (Остав. VIII): „о, какос удивительное безуміе и ка- „кая удивительная дерзость! презирають муки настоящей жизни, страшась не- „извѣстнаго будущаго, боясь умереть послѣ смерти, не боятся умирать теперь“.

³³⁾ Ср. ст. 353—354. 399, гдѣ ясно говорится, что Лаврентій былъ распро- „стертъ на желѣзномъ одрѣ (catasta).

³⁴⁾ Мистеріархомъ (mysteriarches) названъ мученикъ Лаврентій или какъ, одинъ изъ семи діаконовъ, обязанныхъ учить вѣрующихъ таинствамъ вѣры, или

353. „Взойди на устроенный костеръ, упокойся на достойномъ „тебя) ложѣ; тогда, если угодно, разсуждай, что не существуетъ „мой Вулканъ“ ³⁵⁾).

357. При этихъ словахъ префекта свирѣпые палачи готовятся совлечь одежду съ мученика, связать его и распростереть (на желѣзномъ одрѣ).

361. А у того ³⁶⁾ лице заблестало красотою и облеклось сіяніемъ; таковой видъ имѣлъ возвращавшійся съ горы законодатель ³⁷⁾,

365. Котораго ужаснулся и отъ котораго отвратилъ лице свое по невозможности возрѣть на Бога народъ Іудейскій, осквернившій себя (созданіемъ) золотого тельца.

369. Таковое же чудно блистающее лице имѣлъ и Стефанъ ³⁸⁾, видя отверстія небеса сквозь (сыпавшійся на него) дождь камней.

373. Это сіяніе (на лицѣ Лаврентія) видѣли издали обращенные незадолго предъ тѣмъ къ благочестію братья ³⁹⁾, которыхъ недавнее крещеніе сдѣлало воспріимчивыми ко Христу.

377. Но слѣпотствующіе нечестивцы, очи которыхъ объаты были мракомъ, изъ-подъ этого покрывала не видятъ свѣта.

381. (Случилось) нѣчто подобное египетской язвѣ, которая, закрывъ язычниковъ тьмою, сохраняла Евреямъ ясный свѣтъ ⁴⁰⁾.

385. Даже и самый запахъ отъ обгорѣвшей кожи (на тѣлѣ Лаврентія) ощущался не одинаково тѣмъ и другими ⁴¹⁾; для однихъ онъ былъ смрадомъ, для другихъ же нектаромъ.

389. Одинъ и тотъ же ощущаемый предметъ отъ различія душевнаго состоянія (ощущающихъ) ⁴²⁾ производитъ различныя дѣй-

просто, какъ вождь христіанъ, богослуженіе коихъ префектъ, выше (ст. 65) называлъ „orgia“.

³⁵⁾ Употребленное въ подлинникѣ слово „Vulcanus“ означаетъ здѣсь и въ 405 ст. какъ Вулкана—божество огня въ древнемъ Римѣ, такъ и самый огонь

³⁶⁾ Т. е. у мученика Лаврентія.

³⁷⁾ Разумѣется Моисей. Исх. XXXIV, 29—35.

³⁸⁾ Стефанъ— архидіаконъ и первомученикъ. Дѣян. VII, 54—60; ср. VI, 15.

³⁹⁾ Т. е. вѣрующіе вообще.

⁴⁰⁾ Исх. X, 22—23.

⁴¹⁾ Т. е. язычникамъ и христіанами.

⁴²⁾ Въ подлинникѣ: idemque sensus dispari variatus aura.

ствія: и удручаетъ страхомъ—отмстителемъ, и услаждаетъ пріятностію.

393. Такъ (дѣйствуетъ) Богъ—Вѣчный Огнь; Истинный Огнь есть Христосъ,—Онъ просвѣщаетъ праведныхъ и пожираетъ нечестивыхъ.

397. Послѣ того какъ (одинъ) бокъ обгорѣлъ отъ продолжительнаго огня, (мученикъ) съ желѣзнаго одра понуждаетъ судію краткими словами:

401. „Переверни часть тѣла, достаточно уже обгорѣвшую отъ „непрестанно дѣйствовавшаго огня, и наблюдай, чтó производитъ твой гнѣвный Вулканъ“.

405. Префектъ повелѣваетъ перевернуть; тогда (тотъ) говоритъ: „испеклось; съѣшь и испытай: пріятнѣе сырое или печеное?“

409. Такъ сказалъ шутливо (мученикъ); потомъ онъ взираетъ на небо и, вздыхая, молится, сожалѣя о городѣ Ромула ⁴³⁾:

413. „О Христе—Единое (Истинное) Божество ⁴⁴⁾, Сіяніе и Сила „Отца ⁴⁵⁾, Создатель земли и неба и Виновникъ сего города!

417. „Ты, Который поставилъ во главѣ вселенной державный „Римъ и (Своею Святою волею) опредѣлилъ міру служить Римлянамъ ⁴⁶⁾ и подчиняться ихъ оружію,

421. „Дабы единообразными законами были управляемы народы, различные нравами, порядками, языками, умами, богопочтеніемъ!

425. „Вотъ весь человѣческій родъ подчиненъ царству Рема ⁴⁷⁾; „различные обряды говорятъ одно и то же, выражаютъ одно и „то же чувство.

429. „Это устроено Провидѣніемъ, дабы всѣхъ во-едино связало право на христіанское имя.

⁴³⁾ Разумѣется Римъ.

⁴⁴⁾ Въ противоположность множеству языческихъ боговъ.

⁴⁵⁾ Евр. 1, 3: *Иже сый сіяніе славы и образъ гности си. Его.*

⁴⁶⁾ Въ подлинникѣ: *Quirinali togaе servire*. Тога была отличительною одеждою Римлянъ, потомковъ Ромула или Квирна, почему иногда городъ Римъ называется „*urbs togata*“ (Perist. II, 10; XII, 56).

⁴⁷⁾ Т. е. римскому государству. „Ремъ“ употреблено здѣсь вм. „Ромуль“.

433. „Подай-же, Христе, твоимъ Римлянамъ, дабы христіанскимъ былъ (ихъ) городъ, которому Ты назначилъ объединить богопочтеніе прочихъ (городовъ).

437. „Пусть всѣ части (вселенной) соединятся въ (единомъ) исповѣдыванія вѣры ⁴⁸⁾; пусть умирится подчиненный міръ, пусть и глава міра ⁴⁹⁾ умирится *).

441. „И поощритъ раздѣленные страны собраться въ единый союзъ любви **); пусть будетъ вѣрующимъ Ромуль, пусть вѣруетъ и самъ Нума ⁵⁰⁾.

445. „Троянское заблужденіе ⁵¹⁾ еще омрачаетъ сонмъ Катонъ ⁵²⁾, чествуя на тайныхъ очагахъ бѣглыхъ фригійскихъ пенатовъ ⁵³⁾.

449. „(Еще) почитаетъ сенатъ двулицаго Януса ⁵⁴⁾ и Стеркула ⁵⁵⁾; о столькихъ чудищахъ, почитаемыхъ отцами ⁵⁶⁾, равно какъ о празднествахъ стараго Сатурна ⁵⁷⁾,—я даже ужасаюсь говорить.

453. „Очисти, Христе, этотъ позоръ, пошли Гавріила Твоего, дабы слѣпотствующее поколѣніе Юла ⁵⁸⁾ познало Истиннаго Бога.

457. „И мы имѣемъ уже вѣрнѣйшихъ поручителей (за испол-

⁴⁸⁾ Въ подлинникѣ: *confoederentur omnia... membra in symbolum.*

⁴⁹⁾ Т. е. Римъ.

*) Т. е. подчинится благому игу Христову.

**) Въ подлинникѣ: *coire in unam gratiam.*

⁵⁰⁾ Нума—второй царь, римскій, организаторъ богопочтенія въ древнемъ Римѣ.

⁵¹⁾ По римскимъ мифологическимъ сказаніямъ, римская религія ведетъ свое начало изъ Трои, почему ниже (ст. 448) римскіе боги названы „бѣглыми фригійскими пенатами“.

⁵²⁾ Разумѣются Старшій и Младшій Катоны—два доблестные римлянина, они служатъ здѣсь какъ-бы представителями почтенныхъ римскихъ сенаторовъ.

⁵³⁾ Поэтъ имѣетъ въ виду чествованіе священнаго огня Весты въ недоступномъ для публики святилищѣ (Дрессель).

⁵⁴⁾ Янусъ—древне-римское божество, изображаемое съ двумя лицами, изъ коихъ одно смотрѣло впередъ, а другое назадъ.

⁵⁵⁾ Стеркуль—древне-римскій богъ; собственно, одно изъ названій Сатурна.

⁵⁶⁾ Т. е. сенаторами.

⁵⁷⁾ Разумѣются сатурналии—праздникъ въ честь Сатурна, въ который предавались необузданному веселью.

⁵⁸⁾ Т. е. Римляне, бывшіе, по мифологіи, потомками Юла, сына Энея.

„неніе) этой надежды: уже царствуютъ здѣсь два первоверховные „апостола ⁵⁹⁾.

461. „Одинъ (изъ нихъ) есть проповѣдникъ (евангелія) язычникамъ; другой, будучи обладатель кафедръ“, первый отмыкаетъ „ввѣренныя ему двери вѣчности ⁶⁰⁾.

465. „Удались, прелюбодѣй Юпитеръ, осквернившій себя кровью, оставь Римъ свободнымъ и бѣги (прочь) отъ „народа Христова!

469. „Тебя исключаетъ отсюда Павелъ; тебя гонитъ кровь Петра; тебѣ вредитъ дѣяніе Нерона, къ которому ты самъ подстрекнулъ.

473. „Я вижу: возстанетъ нѣкогда вождь ⁶¹⁾, который, какъ „рабъ Божій, не допуститъ въ Римѣ гнуснаго идолослуженія,

477. Который заключитъ храмы (языческихъ боговъ), заградитъ „двери изъ слоновой кости, предастъ осужденію дома нечестія, „повѣсивъ (къ нимъ) мѣдные замки.

481. „Тогда, наконецъ, заблеститъ мраморъ, чистый отъ всякой „(жертвенной) крови; тогда будутъ безвредными и тѣ мѣдныя „изваянія, которыя теперь считаются идолами“.

485. Этимъ окончилась молитва и, вмѣстѣ, (окончились) узы плоти; стремительно, по собственному хотѣнію, вслѣдъ за голосомъ вылетѣлъ и духъ.

489. Тѣло (же) мученика унесли на раменахъ своихъ нѣкоторые отцы *), которыхъ удивительная свобода этого мужа расположила обратиться ко Христу.

⁵⁹⁾ Въ подлинникѣ: duo apostolorum principes.

⁶⁰⁾ Ср. Perist. XI, 31—32.

⁶¹⁾ Оббарій и Дрессель видятъ въ этомъ вождѣ Константина Великаго, sub quo et infidelitas universarum gentium et turpitude deleta est, по выраженію Блаж. Иеронима. Но, кажется, правильнѣе полагать съ Аревалемъ, что здѣсь рѣчь о Θεодосіи Великомъ. Вождю римскому, который представляется говорящимъ въ Contr Symm. 1, 410 и слѣд., и въ которомъ, и Оббарій, и Дрессель видятъ Θεодосіа, усвоится въ стих. 499 и слѣд. этого произведенія то же самое въ подобныхъ же выраженіяхъ, что усвоится вождю въ нашемъ гимнѣ. Ср. особенно Contr Symm. 1, 501—505 и Perist. II, 481—484.

*) Т. е. сенаторы. Ср. ст. 452.

493. Доблесть (Лаврентія) внезапно воздѣйствовала на ихъ умъ и побудила проникнуться любовію къ Верховному Богу и возненавидѣть древнія недѣлости (идолослуженія).

497. Съ того дня какъ бы замерло чествованіе скверныхъ боговъ: въ мѣньшемъ числѣ народъ собирается въ капищахъ, притекая, вмѣсто сего, къ престолу Христову.

501. Въ этой битвѣ Лаврентій не препоясывался мечемъ, но оружіе врага обратилъ на него самого.

505. Демонъ, вызвавъ на бой непобѣдимаго свидѣтеля Божія, самъ палъ пораженный и низвергнутъ на-вѣки.

509. Смерть святаго мученика стала истинною смертію храмовъ (языческихъ): тогда почувствовала Веста, что безнаказанно оставляется палладіумъ ⁶²⁾.

513. Квириты ⁶³⁾, обыкновенно обращающіеся съ молитвою къ святынямъ Нумы ⁶⁴⁾, собираясь во множествѣ въ храмы (Христовы), прославляютъ (теперь) въ гимнахъ мученика.

517. Даже и самыя свѣтила сената, бывшіе нѣкогда луперками и фламинами ⁶⁵⁾, цѣлуютъ (теперь) гробницы апостоловъ и мучениковъ.

521. Мы видимъ, что благородныя лица того и другаго пола, происходящія изъ славныхъ семей, посвящаютъ Богу прекраснѣйшихъ дѣтей.

525. Нѣкогда покрытый жреческою повязкою понтифікъ теперь становится подъ знамя креста и весталка Клавдія ⁶⁶⁾ входитъ уже въ храмъ твой, Лаврентій!

⁶²⁾ Палладіумъ (въ подлинникѣ: Palladii lares) называлось у Римлянъ хранившееся въ храмѣ Весты изображеніе богини Паллады, считавшееся залогомъ благоденствія и опорой власти Рима (pignus et tutela imperii Romani). Выраженіемъ „почувствовала Веста, что безнаказанно оставляется палладіумъ“, поэтъ указываетъ на прекращеніе чествованія Весты.

⁶³⁾ Такъ называются здѣсь простые граждане Рима въ противоположность знаменитымъ сенаторамъ, которые въ ст. 517 названы „свѣтилами сената“.

⁶⁴⁾ О Нумѣ см. примѣч. 50.

⁶⁵⁾ Луперки и фламинны—жрецы въ древнемъ Римѣ.

⁶⁶⁾ Поэтъ разумѣетъ ту весталку Клавдію, о которой говоритъ Овидій (Fast. IV, 305 и слѣд.), дѣлая ее какъ бы представительницею благороднѣйшихъ и зна-

529. О, трижды, и четырежды, и седмижды блаженъ житель города (Рима), который, находясь вблизи, чтить тебя и мѣсто, гдѣ находятся твои останки,

533. Который можетъ припасть (къ этому мѣсту) и оросить его слезами, котораго грудь можетъ прикинуть къ землѣ, который попотомъ произноситъ мольбы!

537. (Между тѣмъ) насъ отдѣляетъ (отъ мученика) Васконскій Иберъ ⁶⁷⁾; мы живемъ за двумя альпійскими хребтами: за Коттійскими Альпами и за снѣжными Пиренеями.

541. До насъ едва доносится молва (о томъ), какъ полонъ Римъ похороненными (въ немъ) святыми, сколь богата священными гробницами почва города и сколь она процвѣтаетъ (ими).

545. Но мы, лишены этихъ благъ и не имѣющіе возможности видѣть вблизи предъ собою слѣды крови (мученика), издали взираемъ на небо.

549. Такимъ образомъ мы отыскиваемъ страданіе твое, святой Лаврентій; ибо у тебя двоякое мѣстопребываніе: здѣсь—мѣстопребываніе тѣла, на небѣ—мѣстопребываніе души.

553. Тамъ, сопричисленный къ гражданамъ неопикуемаго города, ты носишь гражданскій вѣнецъ ⁶⁸⁾, пребывая въ собраніи вѣчнаго сената ⁶⁹⁾.

557. Я какъ будто на-яву вижу сего мужа, сіяющаго драгоценными камнями, котораго небесный Римъ ⁷⁰⁾ избралъ себя вѣчнымъ консуломъ.

561. Сколь великая власть тебѣ ввѣрена и сколь великій даръ

менятѣйшихъ весталокъ, подобно тому, какъ въ ст. 446 Катоны служатъ представителями доблестнѣйшихъ и благороднѣйшихъ сенаторовъ.

⁶⁷⁾ Иберъ (Hiberus) рѣка въ Испаніи—названъ здѣсь Васконскимъ, потому что течетъ въ землѣ Васконцевъ. Ср. 32 примѣч. къ Perist. 1.

⁶⁸⁾ Гражданскій вѣнецъ (corona civica)—изъ дубовыхъ листьевъ—давался въ древнемъ Римѣ гражданину, спасшему отъ смерти другаго гражданина. Лаврентію усвоится поэтотъ гражданскій вѣнецъ потому что онъ спасъ согражданъ отъ идолослуженія и духовной смерти.

⁶⁹⁾ Т. е. сонма святыхъ.

⁷⁰⁾ Тотъ городъ на небѣ, который нѣсколько выше (ст. 553—554) названъ „неопикуемымъ городомъ“ (inexpugnabilis urbs). Ср. Апокал. XXI, 10.

(тебѣ) удѣленъ,—доказываетъ радость квиритовъ, которыхъ просьбы ты благосклонно пріемлешь.

565. Каждый вымаливаетъ то, чего смиренно требуетъ; просятъ, умиловивляютъ, обращаются съ мольбами и никто не возвращается печальный.

569. Какъ будто ты всегда находишься вблизи и питаешь отеческою любовію на нѣжномъ лонѣ твоихъ римскихъ питомцевъ ⁷¹).

573. Въ числѣ ихъ услыши, Христово украшеніе, и поэта—не римлянина, признающагося въ (своихъ) прегрѣшеніяхъ и исповѣдающаго свои дѣянія!

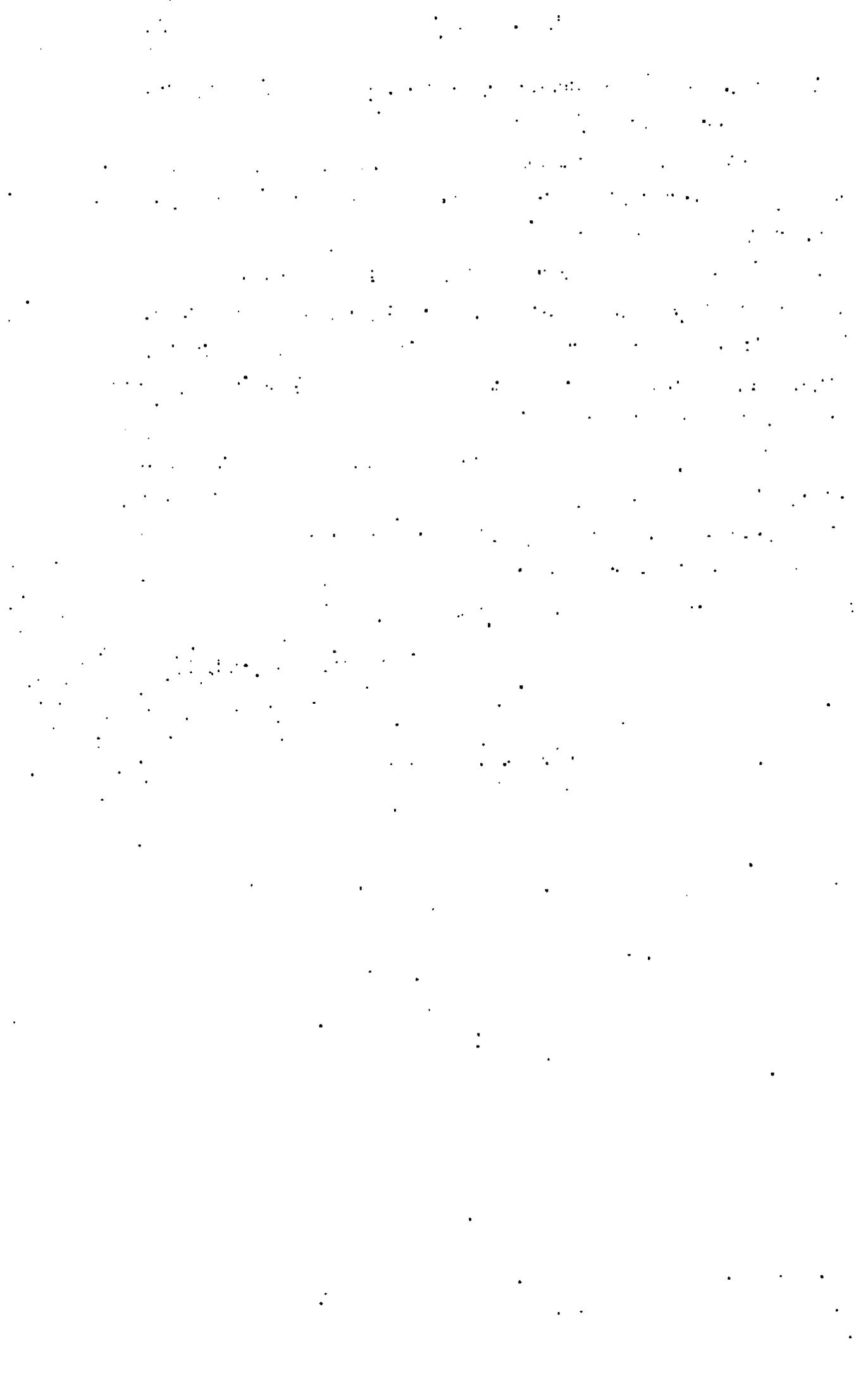
577. Я знаю и не въ неизвѣстности нахожусь, что я недостойнъ (того), чтобы выслушалъ меня Самъ Христосъ; но мнѣ можетъ быть преподано врачевство чрезъ покровителей — мучениковъ.

581. Услыши благосклонно смиреннаго Пруденція, виновнаго предъ Христомъ, и служащаго тѣлу разрѣши отъ узъ міра.

П. Цвѣтковъ.

(Продолженіе будетъ).

⁷¹) Въ подлинникѣ: *alumni urbicos*. Но, очевидно, здѣсь разумѣются собственно жители города Рима, подобно какъ въ ст. 530 „*urbs*“ употреблено исключительно о городѣ Римѣ.

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

ВЪ

ПСИХОЛОГИИ.

(Продолженіе *).

VI.

Механика психической дѣятельности.

31. Умозрительный элементъ физиологической психологіи.—32. Механизмы, подлежащіе наблюденію.—33. Дедуктивное опредѣленіе не наблюдаемыхъ физиологически душевныхъ явленій.—34. Дедуктивное приложеніе закона сохраненія силы.—35. Задача умозрительной физиологической психологіи.—36. Выводъ.

31. Мы видѣли, что психическая дѣятельность съ физиологической точки зрѣнія есть функція мозга. Но въ чемъ состоитъ самая эта функція, т. е. та дѣятельность, чрезъ которую мозгъ, какъ независимая переменная, обуславливаетъ собою психическую дѣятельность, какъ переменную зависимую? Иными словами: въ чемъ состоитъ физиологическій процессъ, физиологическое существо психическихъ отправленій мозга? Въ чемъ состоятъ психическія явленія и внутренніе психическіе процессы—это конечно извѣстно изъ субъективной психологіи. Но физиологическая психологія имѣетъ претензію объяснить эти субъективныя явленія изъ объективныхъ дѣятельностей мозга. Отсюда ясно, что она должна непременно указать,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 7.

какимъ именно образомъ совершаются психическіе процессы въ мозгѣ. Поэтому въ высшей степени любопытно знать, какъ фізіологи представляютъ себѣ сущность психическаго процесса. Такъ какъ психическія явленія, какъ таковыя не подлежатъ объективному наблюденію, т. е. не могутъ быть наблюдаемы внѣшними чувствами, то здѣсь фізіологическая психологія теряетъ свой индуктивный характеръ и превращается въ дедукцію. Тѣ процессы, какихъ она не можетъ замѣтить внѣшнимъ наблюденіемъ, она старается вывести изъ общихъ принциповъ фізіологическихъ процессовъ. На мѣсто неизвѣстной величины, x , она желаетъ поставить извѣстную, но взятую изъ другихъ физическихъ наукъ. На мѣсто психическаго явленія, которое для внѣшнихъ чувствъ есть неизвѣстное, x , фізіологія ставитъ физическій процессъ, который она опредѣляетъ дедуктивно, посредствомъ вывода изъ общихъ началъ, а не посредствомъ наблюденія и индукціи. Поэтому намъ сначала нужно указать на то, что фізіологія не можетъ наблюдать объективно въ функціяхъ мозга, а за тѣмъ показать, какъ она это *ненаблюдаемое* старается опредѣлить дедуктивно посредствомъ вывода.

32. Прежде всего посмотримъ, что именно доступно внѣшнему наблюденію и что открыто въ дѣятельности мозга. Такъ какъ дѣйствіе предметовъ на сознаніе есть источникъ познанія, а дѣйствіе нашей воли на предметы есть источникъ поступковъ и внѣшнихъ дѣйствій, то фізіологи полагаютъ, что дѣйствіе предметовъ на чувствующую поверхность нашего тѣла; т. е. раздраженіе органовъ чувствъ внѣшними предметами, и двигательная реакція, вызываемая этими раздраженіями, представляютъ намъ начало и конецъ всей психической дѣятельности. Это начало и этотъ конецъ, очевидно, доступны непосредственному внѣшнему наблюденію: какъ раздраженіе, такъ и сокращеніе мускуловъ, возникающее за раздраженіемъ, мы можемъ даже вызвать сами чисто экспериментальнымъ путемъ. Значитъ физическое или фізіологическое начало и фізіологическій конецъ психическихъ явленій нашему внѣшнему наблюденію совершенно доступны. Остается середина. Доступна-ли эта середина внѣшнему на-

блюденію фізіологовъ? Все усердіе фізіологовъ направлено къ тому, чтобы сдѣлать ее доступною. Съ этою цѣлю произведенъ рядъ изслѣдованій, слѣдящій за всѣми инстанціями, какія должно пройти внѣшнее раздраженіе, прежде чѣмъ превратится въ сокращеніе мускуловъ. По субъективной психологіи такое превращеніе обусловливается феноменами сознанія: ощущеніемъ, представленіемъ и соединеніемъ представленій, потому что только на почувствованное раздраженіе, на представленіе предмета или дѣйствія, при соотношеніи его къ другимъ предметамъ и дѣйствіямъ, я могу отвѣтить хотѣніемъ и дѣйствіемъ. По объективной или фізіологической психологіи превращеніе раздраженія въ дѣйствіе, какъ и слѣдуетъ ожидать, обусловливается различными центральными частями нервной системы, скопленіями нервныхъ клѣтокъ, т. е. сѣрымъ веществомъ мозга. Иными словами: превращеніе совершается въ мозгу. Значитъ нужно прослѣдить путь впечатлѣнія къ сѣрому веществу мозга, т. е. къ различнымъ нервнымъ центрамъ, затѣмъ путь отъ одного нервнаго центра къ другому, если таковой переходъ имѣетъ мѣсто, и наконецъ путь обратный къ двигательнымъ мускуламъ. Пути эти извѣстны. Проведеніе впечатлѣнія совершается по бѣлымъ нервнымъ волокнамъ, или идущимъ отъ поверхности, периферіи организма къ центральнымъ частямъ и обратно, или соединяющимъ между собою самыя центральныя части. „Первый отдѣлъ нервныхъ путей“, говоритъ проф. Ковалевскій. „Мейнертъ назвалъ проекціонными путями, второй—ассоціационными путями“. „На основаніи вышеизложеннаго мы установились въ томъ положеніи, что центръ сознательной душевной жизни будетъ мозговая корка. Сюда приносятся всѣ свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ и отсюда несутся всѣ повелѣнія объ отношеніи нашего организма къ внѣшнему міру. Слѣдовательно это есть центръ взаимодѣйствія внѣшняго міра къ намъ и нашего къ міру (sic!). По Мейнерту, въ мозговой коркѣ весь міръ проектируется въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доходитъ до нашего сознанія при помощи органовъ чувствъ. Поэтому пути, по которымъ совершаются эти сношенія корки съ внѣшнимъ міромъ, Мейнертъ назвалъ проеціонными

путями“¹⁾. Пути эти двоякого рода: центростремительные или чувствительные, и центробѣжные или двигательные. Какъ по направленію къ коркѣ, такъ и обратно они прерываются нѣкоторыми станціями. Такихъ станцій три. Впечатлѣніе можетъ добѣжавъ до какой нибудь станціи вернуться обратно, описавъ дугу, поворотъ которой придется въ самой станціи. „Такимъ образомъ центростремительные проэкціонные пути образуютъ первую часть трехъ дугъ: одна будетъ по направленію къ мозжечку, другая—къ субкортикальнымъ узламъ (*thalamus opticus*) и третья—къ мозговой коркѣ. Здѣсь онѣ соединяются съ узловыми клѣтками, при помощи которыхъ получается тотъ или другой импульсъ къ движенію или импульсъ къ отправленію (функціи) второй части этихъ дугъ (нисходящей, центробѣжной)“²⁾. Впечатлѣнія, достигшія до субкортикальныхъ узловъ (четверохолмія, зрительнаго бугра, чичевицеобразнаго центра и полосатыхъ тѣлъ), вызываютъ здѣсь или, какъ говорятъ, превращаются въ ощущенія, а достигшія мозговой корки превращаются въ представленія. Такъ какъ представленія не остаются изолированными одно отъ другого, но ассоціируются между собою, напр. представленіе иглы, ощущеніе укола и представленіе движенія направленнаго къ удаленію иглы, то фізіологія слѣдитъ за проведеніемъ отъ одного участка мозговой коры до другого посредствомъ ассоціаціонныхъ путей (соединяющихъ), которыя тоже двоякого рода: они или соединяютъ различныя части коры въ одномъ полушаріи, или же соединяютъ части одного полушарія съ другимъ (такъ называемыя: комиссурны). Вслѣдствіе такого рода проведенія происходитъ двоякого рода дѣйствія: впечатлѣніе, добѣжавшее до субкортикальныхъ узловъ, превратившись здѣсь въ ощущеніе, возвращается къ движущимъ органамъ и вызываетъ здѣсь отраженное движеніе или рефлексъ, носящій названіе первичнаго по Мейнерту, или же впечатлѣніе, превратившись въ ощущеніе, бѣжитъ еще далѣе къ коркѣ и здѣсь превращается въ представленіе,

¹⁾ П. И. Ковалевскій, Основы мех. душевной дѣятельности, стр. 25.

²⁾ Ibid. стр. 29. Подробности здѣсь же или у Ландуа, стр. 854 и слѣд.

вслѣдствіе чего рефлексъ становится представляемымъ, вторичнымъ рефлексомъ или сознательнымъ, и превращается въ произвольное дѣйствіе по представленію или въ сознательное дѣйствіе (психомоторный актъ). Но разъ сдѣлавшись представляемымъ, дѣйствіе можетъ вызвать противодѣйствіе или обратное дѣйствіе, т. е. другое неожиданное дѣйствіе, а не то, какое слѣдуетъ обыкновенно за раздраженіемъ, доходящимъ только до ощущенія. „Имѣя одинъ и тотъ-же импульсъ, произвольныя движенія въ одномъ случаѣ являются повтореніемъ рефлекторныхъ,—въ другихъ-же случаяхъ корка дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ и вмѣсто ожидаемаго одного движенія производитъ другое, совершенно обратное. Въ этомъ случаѣ, если можно говорить о задерживающихъ центрахъ проф. Сѣченова, то таковыми въ полномъ смыслѣ слова является мозговая корка въ проявленіи своей сознательной дѣятельности, которая сплошь и рядомъ дѣйствуетъ регулирующимъ образомъ на первичные рефлекторные акты. Проф. Мейнертъ въ своихъ предположеніяхъ идетъ далѣе. Онъ полагаетъ какъ законъ, что корка и субкортикальные центры—сознательные и рефлекторные—находятся въ антагонизмѣ между собою“ ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ: „что воля есть равнодѣйствующая двухъ силъ—мыслительной (кортикальной) и эмоціонной (субкортикальной). Если обѣ силы стремятся къ одному конечному пункту, она будетъ суммировать эффектъ обѣихъ ихъ,—если они идутъ по различнымъ направленіямъ—она ихъ діагональ“ ²⁾. Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ механизмъ душевной дѣятельности съ точки зрѣнія фізіологіи или внѣшняго наблюденія.

33. Однако, если мы не станемъ принимать слова за наблюденія, то мы должны будемъ признаться, что никто никогда не видалъ въ субкортикальныхъ центрахъ того, что

¹⁾ П. И. Ковалевскій, *ibid.* стр. 64.

²⁾ *Ibid.* стр. 97, ср. стр. 76. Но если ощущеніе (субкортикальный центр) находится въ антагонизмѣ съ представленіемъ и мышленіемъ (коркою), то въ результатѣ должно получиться равновѣсіе и покой, а не діагональ и не параллель. Дѣйствіе однихъ центровъ діаметрально противоположно другимъ, а не направлено подъ угломъ къ другому, какъ въ паралеллограмѣ силъ.

называется ощущеніемъ, и въ коркѣ—того, что называется представленіемъ, т. е. никто не видалъ въ мозгу психическихъ явленій, называемыхъ этими словами. Никто также не видалъ превращенія раздраженія въ ощущеніе или представленіе. Такимъ образомъ какъ сами психическія явленія, такъ и превращеніе въ нихъ внѣшнихъ раздраженій, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не подлежали *никакому* наблюденію въ мозгѣ, гдѣ они, по ученію фізіологіи, совершаются. На мѣстѣ этихъ явленій фізіологія *не видитъ ничего*; поэтому она должна вставить въ этотъ пробѣлъ или психическія явленія въ томъ видѣ, какъ они доступны самонаблюденію во всѣхъ ихъ характеристическихъ особенностяхъ, или же какіе-нибудь процессы фізіологическіе соотвѣтствующіе этимъ субъективнымъ явленіямъ по существу своему, т. е. должна показать, что психическое есть не что иное, какъ фізіологическое. Языкъ фізіологовъ переполненъ терминами субъективной психологіи и безъ этихъ терминовъ онъ потерялъ-бы всякій смыслъ, но они полагаютъ, что этими терминами обозначаютъ явленія фізіологическія по своему существу. Поэтому прямо вставить психическій элементъ они не согласны. Но чтобы вставить между раздраженіемъ и дѣйствіемъ процессъ фізіологическій, имъ остается, за недостаткомъ наблюденія (въ сущности за невозможностію), одно средство — вывести или построить въ своемъ воображеніи этотъ процессъ дедуктивно посредствомъ силлогизма или даже посредствомъ ряда силлогизмовъ, что въ схоластической логикѣ называется соритомъ. Не имѣя возможности въ мозгѣ видѣть мысли, т. е. ощущенія или представленія, они ставятъ въ мозгѣ на мѣсто этихъ фактовъ—*движеніе*, и психическій процессъ замѣняютъ физическимъ. Умозрительный силлогистическій процессъ этой подставки приблизительно можно выразить въ слѣдующемъ соритѣ: всѣ матеріальные процессы суть движенія, всѣ фізіологическіе процессы суть матеріальные, всѣ рефлексъы суть процессы фізіологическіе, всѣ психическія явленія суть задержанные или незадержанные рефлексъы; слѣд., всѣ психическія явленія суть движенія. *Мысль есть движеніе вещества*. Или соритъ въ обратномъ

порядкѣ: всѣ психическія явленія составляютъ рефлексъ головного мозга (собственно ихъ средній членъ) ¹⁾, всѣ рефлексъ суть процессы фізіологическіе (со включеніемъ средняго члена); всѣ фізіологическіе процессы матеріальны, всѣ матеріальные процессы суть движенія; слѣд., всѣ психическіе процессы суть движеніе. Мысль есть движеніе вещества. „Сужденія, понятія и умозавключенія, говоритъ Молешоттъ, составляютъ всю сумму нашего мышленія. Умозавключенія образуются изъ понятій, понятія изъ сужденій, сужденія изъ чувственныхъ наблюденій. Но чувственное наблюденіе есть воспріятіе впечатлѣнія вещественнаго движенія на наши нервы, продолжающееся до мозга. Мысль есть движеніе вещества ²⁾“. Конечно, фізіологи не ясно формулируютъ свои выводы, но отъ того суцность умозрительнаго процесса, къ которому они прибѣгаютъ для того, чтобы опредѣлить природу психическихъ явленій, не измѣняется. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ проф. Сѣченовъ доказываетъ *сродство* психическихъ явленій съ тѣлесными. „Фізіологія, говоритъ онъ, представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми устанавливается родство психическихъ явленій съ такъ называемыми нервными процессами въ тѣлѣ, актами чисто соматическими. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ данныхъ (не нужно забывать, что когда какая-нибудь мысль доказывается цѣлымъ рядомъ доводовъ, то доказательность нужно искать въ суммѣ доводовъ, а не въ отдѣльныхъ фактахъ!) ³⁾. 1) Самые простѣйшіе изъ психическихъ актовъ требуютъ для своего прохожденія опредѣленнаго времени и тѣмъ большаго чѣмъ сложнѣе актъ (см. учебники фізіологіи). 2) Пси-

¹⁾ На эту тему, какъ извѣстно, написаны знаменитые „Рефлексъ головного мозга“, проф. Сѣченова, а также и книжка Пидерита: „Мозгъ и его дѣятельность“. „Рефлексъ“ въ новомъ изданіи составляютъ первую статью „Психологическихъ этюдовъ“.

²⁾ Der Kreislauf des Lebens. 1863, стр. 439. Цитата въ сочин. Морі: Сонъ и Сновидѣнія, въ добавленія Пальховскаго, стр. 32.

³⁾ Если у одного нѣтъ носа, у другого нѣтъ носа, у третьяго нѣтъ носа, то въ суммѣ, т. е. у всѣхъ трехъ будто бы уже непремѣнно долженъ быть носъ. Очевидно проф. забываетъ, что чего нѣтъ въ слагаемыхъ того нельзя найти и въ суммѣ.

хическая дѣятельность требуетъ для своего происхожденія (sic) анатомо-фізіологической цѣлости головного мозга (общеизвѣстно)¹⁾. Подъ строкою замѣчено: „сопоставивъ 1-й и 2-й пунктъ, выходитъ²⁾, что психическая дѣятельность, какъ всякое земное явленіе, происходитъ во времени и пространствѣ“. Очевидно—дедукція! 3) „Зачатки, или по крайней мѣрѣ зачатки, психической дѣятельности, съ которыми рождается человѣкъ, развиваются, очевидно, изъ чисто матеріальныхъ субстратовъ, яйца и сѣмени (общеизвѣстно). 4) Чрезъ посредство этихъ-же матеріальныхъ субстратовъ передаются по родству очень многія изъ индивидуальныхъ психическихъ особенностей, и иногда такія, которыя относятся къ разряду очень высокихъ проявленій, напр., наследственность извѣстныхъ талантовъ (общеизвѣстно). 5) Ясной границы между завѣдомо соматическими, т. е. тѣлесными, нервными актами и явленіями, которыя всѣми признаются уже психическими, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи.³⁾ Это доказывается тѣмъ, что „нѣтъ ни единой мыслимой стороны, которою низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ существенно отличались бы отъ рефлекторныхъ процессовъ тѣла,—всѣ разницы между ними чисто количественнаго свойства“; ибо: а) рефлексы цѣлесообразны, направлены къ устраненію вреда или удержанію пользы, и дѣятельность чувствъ тоже цѣлесообразна⁴⁾; б) бессознательные рефлексы въ качествѣ средняго члена имѣютъ ощущеніе⁵⁾, какъ и въ дѣятельности органовъ чувствъ; в) сознательныя дѣйствія воли тоже рефлексы⁶⁾ и d) наконецъ

¹⁾ Однако въ учебникахъ указываются случаи Лонже и Труссо, гдѣ „цѣлости“ полушарій не было, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цитатъ изъ *Ландуа* стр. 881—892 см. у Ковалевскаго, стр. 55; слѣд. совсѣмъ необщезнакомо.

²⁾ „Сопоставивъ... выходитъ“, или „переведа всѣ эти факты на фізіологическій языкъ, выходитъ, „что (ibid 18) любопытные образчики для открытаго профессоромъ „анализа словами“.

³⁾ Психол. этюды, стр. 160.

⁴⁾ Ibid. стр. 152—154.

⁵⁾ Ibid. 155—156.

⁶⁾ Ibid. 156—157.

„относительно среднихъ членовъ (т. е. ощущеній) мы уже прямо можемъ сказать, что это продукты организациі чувствующихъ снарядовъ, такъ какъ данныя для такого вывода выяснены выше ¹⁾“. Въ сущности эти данныя заключаются въ 6 пунктовъ доказательствъ, который гласить: „Физиологія, оставаясь на своей почвѣ, т. е. изучая явленія въ тѣлѣ въ связи съ устройствомъ послѣдняго, доказала въ новѣйшее время тѣсную связь между всѣми характерами данныхъ представлений и устройствомъ соотвѣтствующихъ, чувствующихъ снарядовъ органовъ чувствъ (см. учебники физиологіи)“. ²⁾. Очевидно всѣ эти доказательства представляютъ меньшую посылку умозаключеній, большая посылка которыхъ и заключеніе не принадлежитъ къ области физиологическаго наблюденія: большая посылка—это подразумѣваемые свойства матеріальныхъ процессовъ, а заключеніе—приложеніе свойствъ этихъ процессовъ къ психическимъ явленіямъ.

34. Опредѣливъ посредствомъ умозрѣнія, что психическія явленія, хотя въ мозгѣ не видимыя, все-таки совершаются въ немъ въ видѣ, напр., движеній или вообще соматическихъ процессовъ, физиологи, очевидно такимъ же дедуктивнымъ путемъ, прилагаютъ къ этимъ явленіямъ законъ тѣлесной дѣятельности, именно законъ сохранения силъ. Это приложеніе его къ наблюдаемой области составляетъ затѣмъ новое доказательство матеріальнаго характера психической дѣятельности, черезъ что получается *petitio principii*: психи-

¹⁾ Ibid. 158. Очевидно все это заключенія по аналогіи. Ср. стр. 162, восхваленіе аналогіи. Что вся нервная дѣятельность состоитъ изъ рефлексовъ, это не доказано, ибо центры способны къ автоматическому возбужденію безъ всякаго вѣдѣннаго импульса: См. у самаго *Сьченова*, Физиологъ нервн. системы, стр. 130, *Ландуа*, стр. 835.

²⁾ Ibid. стр. 151—152. Въ учебникахъ физиологіи мы впрочемъ находимъ указаніе, что чувственные, напр. зрительные органы устроены у разныхъ животныхъ различно, хотя отправленіе ихъ одно и тоже—зрѣніе; тоже и относительно слуховыхъ органовъ. Стоитъ только сравнить устройства глаза у человѣка и у мухи, или устройство слуховаго органа у человѣка, кузнечика и комара-самца. Какаа громадная разница въ устройствѣ (у комара усы, у кузнечика лямка подъ основаніемъ 3-й ножки, у человѣка ухо), а отправленіе одно—слышаніе, слуховое ощущеніе. См. *Ландуа*, учебникъ физиологіи, стр. 1023—1025, 1060—1061.

ческие процессы матеріальны, слѣд., къ нимъ приложимъ законъ сохраненія силы, и обратно, къ психическимъ явленіямъ приложимъ законъ сохраненія силы, слѣд., они матеріальны. Только съ этой точки зрѣнія возможно говорить о *превращеніи* впечатлѣнія, проведеннаго къ мозгу, въ ощущеніе или представленіе,—о превращеніи, котораго никто никогда не наблюдалъ и въ сущности наблюдать не можетъ. „Въ этихъ же центрахъ (субкортикальныхъ) происходитъ превращеніе впечатлѣній внѣшняго міра въ извѣстныя (откуда? развѣ изъ внѣшняго наблюденія?) специфическія ощущенія“¹⁾. „Ощущенія изъ субкортикальныхъ узловъ, проникая къ мозговой коркѣ, центру сознанія, превращаются тамъ въ представленія“²⁾. Съ этой точки зрѣнія задача фізіологической психологіи, очевидно, совпадаетъ съ задачей фізіологіи вообще, которая состоитъ въ приведеніи законовъ жизни къ общимъ и основнымъ законамъ природы, именно къ законамъ движенія³⁾. Или же въ выведеніи изъ нихъ. „Организмъ, говоритъ Ландуа, есть мѣсто постоянной смѣны различныхъ формъ силы, при чемъ безусловно господствуетъ законъ сохраненія силы“⁴⁾. „Вся сила животныхъ происходитъ изъ растительнаго міра. Вся сила растений получается отъ солнца. Слѣдовательно солнце есть источникъ всѣхъ силъ въ организмѣ, послѣдняя причина всей жизни на землѣ“⁵⁾. „То, что мы называемъ возбужденіемъ, говоритъ Вундъ, есть только неизвѣстный процессъ, вызываемый въ нервныхъ элементахъ раздраженіемъ. Задача фізіологической механики нервной системы состоитъ въ томъ, чтобы выведенные изъ опыта законы раздраженія свести на общіе законы механики. Для этого мы должны вспомнить о томъ главномъ законѣ механики, который управляетъ всѣми явленіями движенія, законѣ сохраненія силы“⁶⁾. „Главный источникъ

1) П. И. Ковалевскій, Основы мех. душевн. дѣят. стр. 45.

2) Ibid. стр. 49.

3) Ср. Ландуа, стр. 7. Германъ, 2—9. Бони I, стр. 1—15.

4) Ландуа, учебникъ фізіолог. стр. 11.

5) Ibid. стр. 14.

6) Вундъ, Основ. фізіолог. психол. стр. 278.

нервной дѣятельности заключается въ химическихъ соединеніяхъ, изъ которыхъ составлена нервная ткань, и которая съ незначительными измѣненіями заимствована изъ растений. Въ этихъ тѣлахъ заключается большая сумма запасной работы, которая подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній превращается въ дѣйствительную или живую силу¹⁾, почему Германъ и рассматриваетъ нервную систему какъ аппаратъ, освобождающій напряженныя силы вообще²⁾. „Герценъ связываетъ существованіе сознанія съ дезинтеграціей центральныхъ элементовъ или, говоря иначе, съ химическимъ разложеніемъ нервного вещества, при чемъ интенсивность сознанія находится въ извѣстномъ отношеніи съ интенсивностію этой дезинтеграціи. Безсознательность, напротивъ, сопровождается процессомъ возстановленія или реинтеграціи центральныхъ нервныхъ клѣтокъ, какъ напр., во время сна“³⁾. „Ощущеніе состоитъ въ тѣхъ молекулярныхъ и химическихъ измѣненіяхъ протоплазмы нервныхъ клѣтокъ субкортикальных чувствительныхъ ядеръ, которыя являются въ ней какъ результатъ таковыхъ-же измѣненій въ протоплазмѣ нервныхъ элементовъ периферіи органа чувства подъ вліяніемъ раздраженія отъ того или другаго возбудителя или раздражителя. Субъективно-же эти молекулярныя и химическія измѣненія субкортикальных узловъ выражаются въ формѣ образовъ, красокъ, звуковъ, вкусовыхъ ощущеній горькаго, сладкаго и пр.“⁴⁾. „Для образованія представленій требуется, чтобы тѣ молекулярныя и химическія видоизмѣненія, которыя совершаются въ нервныхъ сенсуальныхъ клѣткахъ субкортикальных узловъ, передались центрамъ кортикальных узловъ“⁵⁾. „Дошедшее сюда ощущеніе, въ той или другой формѣ движенія, возбуждаетъ нервную клѣтку къ дѣятельности. Ея потенція, также раздвоенная и предназначенная частью для суженія сосудовъ, частью на функцію клѣтки,

1) Ibid. стр. 285.

2) Основы физиолог. чловѣка, стр. 7—8.

3) Бони, Новая основы физиолог. члов. II, стр. 843.

4) П. И. Ковалевскій, Основы, стр. 83.

5) Ibid. стр. 88.

видоизмѣняетъ мѣсто приложенія: вмѣсто сжатія сосудовъ, она направляется на дѣятельность клѣтки. Сосуды клѣтки расширяются, притокъ крови увеличивается и дѣятельность клѣтки значительно повышается. Дѣятельность-же протоплазмы клѣтки будетъ выражаться въ тѣхъ молекулярныхъ и химическихъ, *неизвѣстныхъ* доселѣ намъ, видоизмѣненіяхъ, которыя будутъ соотвѣтствовать тому или другому представленію" ¹⁾. „Понятіе есть обобщеніе представленій, составляетъ высшій актъ мыслительной дѣятельности, отличается отвлеченностью содержанія, служитъ, наравнѣ съ представленіями, матеріаломъ для сужденій и умозаключеній и, по всему вѣроятію, локализуется въ тѣхъ-же нервныхъ элементахъ корки, гдѣ и представленія" ²⁾. Такимъ образомъ мы получаемъ „последовательное разряженіе энергіи" ³⁾ или превращеніе силы въ психическихъ процессахъ. Это разряженіе, когда оно касается раздраженія, какъ извѣстно, Фехнеромъ формулировано даже математически: ощущеніе есть логарифмъ раздраженія, потому что оно возрастаетъ въ арифметической прогрессіи, въ то время какъ раздраженіе возрастаетъ въ геометрической ⁴⁾. „Кромѣ того, если явленія психическія не представляютъ движенія матеріальныхъ частицъ, говоритъ Бони, то что дѣлается съ молекулярнымъ движеніемъ, возникающимъ въ чувствительномъ нервномъ центрѣ, и откуда происходитъ движеніе, являющееся въ двигательномъ центрѣ? Согласно закону перехода силъ, первое не можетъ исчезнуть иначе какъ только видоизмѣняясь въ движеніе другого рода; а второе не можетъ быть создано изъ ничего, ex nihilo, а можетъ быть только видоизмѣненіемъ движенія предшествовавшего. Развѣ нельзя предположить, что психическія явленія суть только движеніе (если угодно, совершенно своеобразнаго вида), происходящія изъ видоизмѣненія молекулярнаго движенія чувствительнаго центра и переходящія

¹⁾ Ibid. стр. 89.

²⁾ Ibid. стр. 54.

³⁾ Выраженіе Ланге: Истор. матер. II, 305.

⁴⁾ Вундтъ, Основы физич. психол. 347. Тутъ-же о критикахъ этого закона. 486. Бони. II. 846.

въ молекулярное движеніе двигателяго центра“¹⁾. Это очевидно доказательство отъ противнаго. „Не естественнѣли въ подобныхъ случаяхъ искать разъясненія дѣла въ формѣ той связи, которая несомнѣнно существуетъ между начальной причиной явленія и его концомъ?“ спрашиваетъ проф. Сѣченовъ²⁾:

35. Но если психическія явленія суть движеніе, подлежащее закону превращенія энергіи или сохраненія силъ, то вся психологія обращается въ молекулярную механику, и задача ея должна будетъ состоять именно въ выводѣ всѣхъ психическихъ явленій единственно изъ движенія. „Великая задача психологіи, какъ отдѣла біологіи, по мнѣнію Льюиса, заключается въ томъ, чтобы вывести всѣ психологическія явленія изъ одного основнаго процесса въ одной жизненной тканн. Ткань эта—нервная; процессъ заключается въ группировкѣ нервныхъ единицъ. Нервная единица есть дрожаніе. Нѣсколько единицъ группируются въ высшую единицу или нервный процессъ, представляющій слияніе дрожаній подобно тому какъ звукъ есть слияніе воздушныхъ колебаній; каждый процессъ, въ свою очередь, можетъ группироваться съ другими, и такимъ образомъ изъ этой группировки истекаетъ все разнообразіе нервныхъ явленій. То, что съ фізіологической стороны будетъ просто нервнымъ процессомъ, становится процессомъ чувствованія съ психологической точки зрѣнія. Мы можемъ сравнить чувствованіе съ горѣніемъ, и тогда нервныя единицы будутъ соответствовать колеблющимся молекулямъ. Чувствованіе можетъ выражаться въ формѣ сознанія или полусознанія, и это можно сравнить съ горѣніемъ обнаруживающимся въ пламени и теплотѣ“³⁾. „Весьма вѣроятно,—или даже, можетъ быть, очень вѣроятно,—что нѣчто того-же самаго порядка, какъ и то, что мы называемъ нервнымъ толчкомъ (nervous shock), представляетъ послѣднюю, конечную единицу сознанія, и

¹⁾ Новыя основы физ. чел. I, стр. 11.

²⁾ Психол. этюды, 169.

³⁾ Вопросы о жизни и духѣ, I, стр. 137.

что всѣ несходства между нашими чувствованіями происходятъ изъ несходныхъ способовъ интеграціи этой конечной единицы“, говоритъ Спенсеръ ¹⁾. „Опыты показываютъ намъ, что такъ называемый нервный токъ прерывистъ, т. е. что онъ состоитъ изъ волнъ, слѣдующихъ одна за другой отъ того мѣста, гдѣ было произведено раздраженіе, къ тому мѣсту, гдѣ будетъ почувствовано его дѣйствіе. Внѣшній стимулъ ни въ какомъ случаѣ не дѣйствуетъ на чувствующій центръ непрерывно, но посылаетъ къ нему рядъ толчковъ молекулярнаго движенія. А потому, заключаая что субъективный эффектъ или чувствованіе состоитъ изъ быстро повторяющихся душевныхъ толчковъ, мы просто заключаемъ, что онъ соотвѣтствуетъ объективной причинѣ, т. е. быстро повторяющимся толчкамъ молекулярнаго измѣненія“ ²⁾. „Къ несчастью“, говоритъ проф. Сѣченовъ, „свѣдѣнія наши о нервныхъ процессахъ, даже для случая наизыска простѣйшихъ рефлексовъ, почти равны нулю. Мы знаемъ лишь матеріальную форму, въ сферѣ которой происходитъ явленіе, въ которой изъ условій, его нормальной видоизмѣняемости, умѣемъ воспроизводить явленія искусственно съ тѣмъ или другимъ характеромъ, знаемъ какую роль играетъ въ цѣльномъ явленіи та или другая часть снаряда и т. д.; но природа тѣхъ движеній, которыя происходятъ въ нервѣ и нервныхъ центрахъ, остается для насъ до сихъ поръ загадкой. Поэтому разработка, или по крайней мѣрѣ выясненіе этой стороны нервныхъ и психическихъ явленій принадлежитъ отдаленному будущему; мы же осуждены вращаться въ сферѣ проявленій. Тѣмъ не менѣе мысль о психическомъ актѣ, какъ процессѣ, *движеніи* имѣющемъ опредѣленное начало, теченіе и конецъ, должна быть удержана какъ основная, во-первыхъ, потому, что она представляетъ собою въ самомъ дѣлѣ крайній предѣлъ отвлеченія отъ суммы всѣхъ проявленій психической дѣятельности, предѣлъ, въ сферѣ котораго мысли соотвѣт-

¹⁾ Основы психологіи § 60, т. I, стр. 157—158.

²⁾ Ibid. стр. 158.

ствуетъ еще реальная сторона дѣла ¹⁾; во-вторыхъ, на томъ основаніи, что и въ этой общей формѣ она представляетъ удобный и легкій критерій для провѣрки фактовъ ²⁾; наконецъ, въ третьихъ, потому, что этой мыслию опредѣляется основной характеръ задачъ, составляющихъ собою психологию, какъ науку о психическихъ реальностяхъ. Въ первомъ смыслѣ, т. е. какъ основа научной психологіи мысль о психической дѣятельности съ точки зрѣнія процесса, движенія, представляющая собою лишь дальнѣйшее развитіе мысли о родствѣ психическихъ и нервныхъ актовъ, должна быть принята за исходную аксіому, подобно тому, какъ въ современной химіи исходной истиной считается мысль о неразрушимости матеріи. Принятая, какъ провѣрочный критерій, она обязываетъ психологию вывести ³⁾ всѣ стороны психической дѣятельности изъ понятія (sic!) о процессѣ, движеніи. Если это удастся по отношенію ко всѣмъ типическимъ формамъ (конечно, сначала на простѣйшихъ примѣрахъ) психической дѣятельности, напр. по отношенію къ различнымъ сторонамъ чувствованія и мышленія, съ ихъ внѣшними проявленіями, значитъ исходная точка вѣрна. Наконецъ въ смыслѣ опредѣленія общаго характера задачъ, нашъ принципъ требуетъ, чтобы психологія, подобно ея родной сестрѣ физиологіи, отвѣчала только на вопросы, *какъ* происходитъ то или другое психическое движеніе, проявляющееся чувствомъ, ощущеніемъ, представленіемъ, вольнымъ или произвольнымъ движеніемъ, какъ происходятъ тѣ процессы, результатомъ которыхъ является мысль и прочее ⁴⁾. Вотъ вамъ, читатель образецъ началъ самой отчаянной умозрительной психологіи! Все разнообразіе душевныхъ явленій требуется вывести изъ понятія о движеніи, ибо самыхъ нервныхъ движеній, по-

¹⁾ Прошу разобраться въ этихъ словахъ! И кто-бы могъ подумать, что мысль о движеніи рекомендуется именно какъ крайній предѣлъ отвлеченія, когда, по мнѣнію профессора, вся бѣда философіи происходитъ именно отъ отвлеченій!

²⁾ Опять читателю предстоитъ задача рѣшить, какимъ образомъ мыслью о движеніи можно провѣрять факты.

³⁾ Дедукція! Вывести не изъ факта, а изъ „понятія!“

⁴⁾ Психол. этюды стр. 172—173.

скольку они составляютъ сущность психическихъ явленій, никто не знаетъ, никто никогда не наблюдалъ и, смѣло можно сказать, никто наблюдать никогда не можетъ. ?

35. Резюмировавъ теперь все вышесказанное относительно умозрительной фізіологической психологіи, мы получаемъ слѣдующіе выводы: 1) Чтобы объяснить психическія явленія и тѣмъ выполнить свою задачу, какъ науки, фізіологическая психологія должна выяснитъ фізіологическую сущность психическихъ явленій. 2) Но она не можетъ ихъ наблюдать непосредственно, ибо наблюдаетъ только внѣшнія раздраженія и происходящія вслѣдствіе ихъ внѣшнія движенія и ту нервную связь, которая существуетъ между первыми и послѣдними. 3) Вслѣдствіе этого фізіологическое существо психическаго явленія она опредѣляетъ не опытно, а умозрительно, именно какъ движеніе, получая этотъ выводъ изъ общаго понятія о матеріальномъ процессѣ. 4) Опредѣливъ, такимъ образомъ, сущность психическихъ явленій, она смотритъ на нихъ какъ на превращеніе движенія или энергіи, совершающееся по закону сохранения силы, т. е. опять дѣлаетъ дедукцію отъ общаго къ частному. 5) Вслѣдствіе всего этого она, наконецъ, стремится вывести все разнообразіе психическихъ явленій именно изъ понятія движенія. Такимъ образомъ, мы совершенно ясно видимъ, что фізіологическая психологія, насколько она пытается опредѣлить существо психическихъ явленій въ качествѣ фізіологическаго продукта нервной системы, носитъ характеръ умозрительный и дедуктивный.

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

Отношеніе религіозно-філософскихъ воззрѣній Огюста Конта къ католичеству.

Быть можетъ, ни одинъ философъ не подпадалъ и не подпадаетъ такой разнорѣчивой оцѣнкѣ, какъ Контъ. Мы не говоримъ о противникахъ его философіи,—а ихъ столько-же, сколько есть различныхъ философскихъ точекъ зрѣнія или метафизическихъ ученій; но тоже самое явленіе замѣчается и среди самыхъ послѣдователей позитивной философіи. Когда Контъ устанавливаетъ классификацію наукъ, когда показываетъ внутреннюю связь наукъ между собою и такимъ образомъ подготавливаетъ матеріалъ для возведенія законченнаго зданія позитивнаго міросозерцанія, его послѣдователи болѣею частію соглашались съ нимъ, признаютъ его философскій талантъ и даже удивляются его гениальности. Но также послѣдователи позитивной философіи становятся въ отрицательное и даже враждебное отношеніе къ Конту, когда онъ, на основаніи установленной имъ научной классификаціи, дѣлаетъ выводы и заключенія для опредѣленія религіозной, нравственной и соціальной жизни, и, такъ сказать, издаетъ позитивный кодексъ законченнаго и цѣльнаго позитивнаго міросозерцанія. „Мы не можемъ достаточно сильно протестовать, говорятъ современные намъ позитивисты, противъ зловредной тенденціи, прицѣпляющей къ великому философскому теченію (т. е. позитивному) ярлычекъ одного человѣка (т. е. Конта) и похваляющейся вслѣдъ за тѣмъ, что теченіе это всецѣло имъ схвачено и усвоено“. Почему-же такъ? Потому что для

истиннаго позитивиста сохраненіе прочной почвы дѣйствительности должно быть дороже всего; на ней одной онъ долженъ медленно, но послѣдовательно возводить свое зданіе, представляя уже метафизикамъ добираться преждевременно и очертя голову до послѣднихъ причинъ и до сведенія ихъ въ одномъ началѣ. Истинная, или позитивная философія, говорятъ еще современные позитивисты, „не допускаетъ теперь возможности полета нашего познанія за предѣлы нашего бытія и перемѣщенія въ глубь вещей иного рода. Если прежде и существовала метафизика такого рода, то она уже пала“ ¹⁾. Очевидно позитивисты новѣйшей формаціи, измѣняя Контю, отказываются отъ возведенія законченнаго зданія позитивныхъ знаній; они хотятъ быть чернорабочими, но не зодчими; они впадаютъ въ „самоограниченіе“, которое тождественно съ „ограниченностію“.

Впрочемъ мы не принимаемъ на себя задачи подвергать критической оцѣнкѣ основныя положенія какъ Контовскаго, такъ и современнаго позитивизма. Въ нашей и философской, и богословской литературѣ задача эта уже рѣшена и рѣшена хорошо. Въ философскомъ отношеніи мы разумѣемъ прежде всего ученый трудъ преосвященнаго Никанора подъ названіемъ: „Позитивная философія и сверхчувственное бытіе“. (Т. I. II. 1875. Т. III. 1887. С.-П.Б.). Рядомъ съ этимъ трудомъ можно было-бы поставить, во всякомъ случаѣ, замѣчательную академическую диссертацию г. В. Соловьева подъ названіемъ: „Кризисъ западной философіи, противъ позитивизма“, если-бы авторъ этой диссертации не находился подъ сильнымъ вліяніемъ Шеллинга и его теософіи. Въ богословскомъ отношеніи мы должны указать прежде всего на превосходныя „Письма о конечныхъ причинахъ“, помѣщенныя первоначально въ журналѣ Московской духовной академіи и затѣмъ изданныя отдѣльною книгою. Мы должны также указать на обстоятельный трудъ о. П. Городцова подъ названіемъ: „Позитивизмъ и христіанство“ (С.-П.Б. 1881). Не говоримъ уже о

¹⁾ „Русская Мысль“ 1888. Февраль. „Что такое научная философія?“. В. В. Лесевича, стр. 6, 7, 14 и пр.

небольшихъ статьяхъ, касавшихся тѣхъ или другихъ сторонъ позитивной философіи и помѣщенныхъ какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ журналахъ нашихъ. Такимъ образомъ въ русской литературѣ нѣтъ недостатка въ критической оцѣнкѣ основныхъ положеній позитивизма какъ съ философской, такъ и съ богословской точки зрѣнія ¹⁾.

Задача нашей статьи гораздо ограниченнѣе. Мы хотѣли-бы только выяснитъ отношеніе религіозно-нравственныхъ или вообще, религіозно-философскихъ воззрѣній Конта къ католицизму, или къ католической культурѣ. Мы хотимъ показать связь Контовскаго позитивизма съ католицизмомъ: Попытка найти какую-либо связь, или даже простую аналогію между позитивною философіею Конта и католическою культурою, можетъ показаться на первыхъ порахъ странною, невѣроятною, парадоксальною. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между чисто натуралистическимъ міросозерцаніемъ Конта и полутеологическою и полурационалистическою доктриною католичества? Что общаго между естественно-научнымъ методомъ *ислѣдованія* истинъ Конта и вдохновенными *вѣщаніями* догматовъ непогрѣшимаго главы католицизма? Что общаго между Контомъ и папою? И однако-же въ наше время, кажется, не можетъ подлежать уже никакому сомнѣнію не только аналогическая, но и генетическая связь позитивизма съ католичествомъ. На эту связь указываютъ какъ тѣ мыслители, которые остаются еще болѣе или менѣе близкими послѣдователями Конта, такъ и тѣ, которые въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ идутъ самостоятельнымъ путемъ и потому держатся въ сторонѣ отъ позитивной философіи. Въ прошломъ году, напримѣръ, во французскомъ журналѣ: *Revue Philosophique de la France et de l'étranger* (1887 г. № 7) была напечатана замѣчательная статья Гордіа подъ заглавіемъ: „Les sentimens intimes d'Auguste Comte, d'après son teste-

¹⁾ Дѣльныя и обстоятельныя сужденія о Контѣ и его философіи читатели журнала „Вѣра и Разумъ“ могутъ находить въ статьѣ профессора П. И. Липницкаго: „Идеализмъ и реализмъ“. См. ж. 1886 г. т. II. ч. II. стр. 341 и далѣе, 1887 г. т. II. ч. I. стр. 166 и далѣе.

ment“ (Задушевные чувства Огюста Конта, по его завѣщанію). Авторъ статьи не только устанавливаетъ связь позитивной философіи Конта съ католичествомъ, но и старается оправдать философа во многихъ отношеніяхъ. Онъ старается быть безпристрастнымъ и, на нашъ взглядъ, вѣрно опредѣляетъ подлинное значеніе религіозно-философскихъ воззрѣній Конта въ отношеніи къ католической культурѣ, подтверждая свои сужденія несомнѣнными документами. Съ этою-то статьею, или лучше съ основными мыслями этой статьи, — насколько онѣ подтверждаютъ связь католичества съ позитивизмомъ, мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей. Мы позволимъ себѣ сдѣлать къ нашимъ извлеченіямъ изъ статьи лишь нѣкоторыя необходимыя дополненія и разъясненія. И прежде всего, для ясности дѣла, припомнимъ въ главнѣйшихъ чертахъ основныя положенія Контовой философіи.

I.

Контъ былъ убѣжденъ въ безусловной относительности нашихъ знаній и эту относительность ограничивалъ повиманіемъ однихъ лишь явленій. По его мнѣнію, мы можемъ знать одни только явленія, или послѣдовательность этихъ явленій, по которой они стоятъ другъ къ другу какъ предшествующія, или какъ послѣдующія. Постоянная связь явленій, подтверждаемая ихъ однообразіемъ, преемственностію и сходствомъ, — разумѣется, при однихъ и тѣхъ-же обстоятельствахъ, — составляетъ ихъ законъ. Законъ именно и состоитъ въ послѣдовательности и сосуществованіи явленій. Такова основная мысль позитивной философіи. Отсюда у Конта само собою слѣдовало, что намъ не доступны причины явленій, ихъ сущности и даже образъ возникновенія ихъ. Всѣ эти причины, сущности и способы возникновенія явленій Контъ предоставлялъ или теологіи или метафизикѣ, за которыми отвергалъ значеніе точныхъ наукъ, и свою положительную философію старался ограничить лишь относительнымъ знаніемъ однихъ явленій и ихъ законовъ, какъ онъ ихъ понималъ.

Конта часто упрекали въ томъ, что онъ, суживая предѣлы

человѣческихъ знаній, вооружаясь противъ закона причинности и изгоняя изъ своей философіи самое слово *причина*, такимъ образомъ идетъ противъ основныхъ требованій чело­вѣческой разумности, которая не довольствуется знаніемъ однихъ лишь явленій, но старается понять и причины этихъ явленій. Конечно, упрекъ этотъ справедливъ; тѣмъ не менѣе онъ долженъ быть правильно понимаемъ. Вооружаясь противъ закона причинности, Контъ идетъ только противъ теологическихъ и метафизическихъ причинъ и вовсе не отвергаетъ тѣхъ причинъ, которыя сами могли-бы быть разсматриваемы какъ явленія, стояція въ зависимости отъ предшествовавшихъ или сопутствующихъ имъ явленій. Контъ, говоря словами Милля, допускалъ изслѣдованіе причинъ лишь въ томъ смыслѣ, по которому одинъ естественный фактъ можетъ быть причиною другаго. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, Конта никакъ нельзя признать послѣдователемъ ни скептика Юма, который допускалъ послѣдовательность явленій, но отвергалъ причинную связь между ними,—ни Канта, который допускалъ причинную связь явленій, но основаніе этой связи находилъ во врожденной чело­вѣческому разуму категоріи причинности. Контъ былъ вполне самостоятеленъ, или позитивенъ въ своихъ воззрѣніяхъ, и считалъ доступнымъ для насъ лишь тѣ причины, которыя сами суть явленія.

Извѣстно какое важное значеніе имѣетъ это воззрѣніе Конта на весь дѣльнѣйшій ходъ его философіи. Именно это воззрѣніе лежитъ въ основаніи его классификаціи наукъ. На основаніи этого воззрѣнія онъ показалъ, что разрозненныя или частныя науки, занимающіяся изслѣдованіемъ, повидимому, различныхъ родовъ явленій, находятся однакоже во внутренней связи между собою, въ строгомъ іерархическомъ подчиненіи одна въ отношеніи къ другой. Въ основѣ всѣхъ наукъ, по мнѣнію Конта, лежитъ та наука, законы которой предполагаются извѣстными и доказанными во всѣхъ послѣдующихъ наукахъ; за нею слѣдуетъ другая, которая, утверждаясь на законахъ основной науки, въ тоже время занимается изслѣдованіемъ явленій и законовъ, исключительно ей принадлежащихъ; далѣе слѣдуетъ та наука, которая, пользуясь законами двухъ пред-

шествовавшихъ наукъ, присоединяетъ къ нимъ изслѣдованіе явленій и законовъ, составляющихъ ея исключительную спеціальность и т. д. Такимъ образомъ, по іерархическому порядку наукъ, устанавливаемому Контомъ, всѣ науки располагаются въ восходящей линіи и притомъ такъ, что каждая послѣдующая наука покоится на истинахъ всѣхъ предшествующихъ, и къ нимъ присоединяетъ свои собственные, спеціальныя истины. Контъ самъ говоритъ, что „каждая изъ высшихъ наукъ (de ces degrés successifs) требуетъ наведенія исключительно ей принадлежащаго и никогда не можетъ стать систематическою безъ дедуктивныхъ выводовъ всѣхъ менѣе сложныхъ наукъ“¹⁾. Сообразно съ этимъ убѣжденіемъ Контъ расположилъ всѣ науки въ слѣдующемъ іерархическомъ порядкѣ: 1) математика, съ ея тремя отраслями: счисленіемъ, геометріею и механикою; 2) астрономія; 3) физика; 4) химія; 5) біологія и наконецъ 6) соціологія съ ея вѣтвями: позитивною политикою и позитивною религіею. Таковы основныя положенія позитивной философіи Конта.

Установленная Контомъ связь наукъ большею частію принимается всѣми позитивистами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ разногласій; но его обоснованіе послѣднихъ вѣтвей научныхъ знаній вызываетъ полный расколъ въ лагерѣ позитивистовъ и подвергается одинаковому порицанію, и со стороны друзей, и со стороны враговъ позитивизма. Въ наше время очень не многіе, и только ближайшіе друзья Конта остаются еще вѣрными этой послѣдней философіи. Мы разумѣемъ его соціологію, съ ея позитивною политикою и религіею чело-вѣчества, какъ они развиты или изложены въ трехъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Конта: 1) „*Système de Politique Positive, ou Traité de Sociologie instituant la Religion de l'Humanité*“, 1851—1854. (*Система позитивной политики, или трактатъ о соціологіи, устанавливающей религію чело-вѣчества*). 2) „*Catechisme Positiviste, ou Sommaire Exposition de la Religion*

¹⁾ См. „Огюсть Контъ и положительная философія“ изложеніе и изслѣдованіе Г. Г. Льюса и Д. С. Милля въ переводѣ Н. Неклюдова и Н. Тиблена. С. П. Б. 1867. ч. II, стр. 37.

Universelle, en onze Entretiens Systématiques entre une Femme et un Prêtre de l'Humanité", 1852. (*Катехизисъ позитивиста, или краткое изложене всемірной религіи, въ одинадцати систематическихъ разговорахъ между женщиною и священникомъ челоѣчества*). 3) „Appel aux Conservateurs“, 1855. (*Воззваніе къ консерваторамъ*)...

Сочиненія, которыя мы сейчасъ перечислили, навсегда останутся памятникомъ крайнихъ заблужденій, до которыхъ можетъ доходить челоѣческій умъ. Въ этихъ сочиненіяхъ Контъ задается цѣлю слить свои обобщенія точныхъ наукъ съ религиозно-нравственными убѣжденіями людей, съ политическимъ, или общественнымъ строемъ современныхъ обществъ, и такимъ образомъ создаетъ преобразованную общечелоѣческую религію, общечелоѣческую нравственность и улучшенный общественный строй. Контъ пользуется научными обобщеніями, какъ необходимо канвою для созданія своей религіи, нравственности и формъ общественной жизни, или какъ фундаментомъ, на которомъ должно быть воздвигнуто преобразованное социальное зданіе съ обновленною общечелоѣческою культурою. До сихъ поръ, какъ извѣстно, еще не было мыслителя или философа, который принималъ-бы „точную науку“ за источникъ и критерій религіи и ея культурнаго вліявія на всѣ формы общественной жизни, и не было философа по той простой причинѣ, что область точной науки и область религіи суть двѣ различныя области, и „точная наука“ во всякомъ случаѣ ничего не въ силахъ рѣшать въ чуждой ей области. Контъ первый попытался это сдѣлать, и такимъ образомъ изъ строгаго мыслителя, или философа превратился въ мечтателя, фантазера, утописта. Таковъ общій приговоръ объ этой второй философіи Конта не только тѣхъ мыслителей, которые всегда относились къ ней съ полнымъ недоувѣріемъ, признавали ее одностороннею, бесполезною и даже крайне несостоятельною въ научномъ отношеніи, но и тѣхъ, которые, расходясь съ своимъ учителемъ, все же хотѣли-бы оставаться вѣрными позитивному направлению философской мысли до нашихъ дней. Безъ сомнѣнія, съ этимъ приговоромъ нельзя не согласиться. И однакоже намъ хотѣлось-бы точнѣе опредѣлить, на чемъ основанъ

подобный приговоръ? Какъ совершилось превращеніе нашего позитивнаго философа въ религіознаго мечтателя? Имѣлъ-ли право Контъ, на основаніи своихъ позитивныхъ началъ, приходить къ тѣмъ выводамъ, которые онъ развиваетъ въ своей социологіи? Словомъ, изъ какихъ элементовъ сложилось его религіозно-соціальное ученіе, которому онъ самъ придавалъ такое огромное значеніе, предпочитая его даже всѣмъ предварительнымъ научно-философскимъ трудамъ своимъ? Нѣтъ сомнѣнія, что каждый философъ долженъ быть оцѣниваемъ не на основаніи тѣхъ, или иныхъ случайныхъ симпатій или антипатій, а на основаніи правильности его философскихъ началъ и вѣрности этимъ началамъ. Вотъ единственная точка зрѣнія, которая должна быть примѣнена и къ Контовой философской системѣ.

II.

Извѣстно, что существуетъ два совершенно противоположные отвѣта на выше поставленные нами вопросы. Самый распространенный отвѣтъ на эти вопросы состоитъ въ томъ, что религіозно-философское ученіе Конта есть явленіе ненормальное, болѣзненное, а потому и крайне непослѣдовательное. Представителемъ этого взгляда надобно признать Литтре. Къ этому же взгляду примыкаютъ и новѣйшіе позитивисты, которые, какъ и нашъ Вырубовъ, утверждаютъ, что прежнее дѣленіе позитивистовъ на „правовѣрныхъ“ и „раскольниковъ“ не соответствуетъ болѣе существу дѣла и весь вопросъ сводится на то, до какой степени можно доводить расколъ, не переставая быть позитивистомъ¹⁾. Литтре, полемизируя противъ Милля позволившаго себѣ назвать религіозно-философское ученіе Конта *смѣшнымъ*, заявляетъ, что онъ не отрицаетъ у Милля права прилагать этотъ эпитетъ къ тѣмъ „несчастливымъ“ мнѣніямъ, которыми отличается конецъ жизни основателя позитивизма; но что онъ лично не употребилъ-бы этого эпитета, считая „эти нелѣпости“ скорѣе *патологическими*, чѣмъ *философскими*. Литтре утверждаетъ, что Декарта и Лейбница конечно

¹⁾ „Русск. Мысль“. 1888. Февраль. Тамъ же, стр. 11.

можно упрекать въ крайней послѣдовательности, не останавливающейся ни предъ какими нелѣпостями; потому что у нихъ принципъ отвѣчаетъ за выводы. Между тѣмъ какъ этотъ упрекъ неприложимъ къ Конту, у котораго выводы неправильны, а принципъ остается правильнымъ и неприкосновеннымъ ¹⁾. Очевидно Литтре спасаетъ позитивные принципы, жертвуя славою Конта, и спасаетъ именно тѣмъ, что затеняетъ точное понятіе о природѣ позитивныхъ принциповъ и необходимыхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ нихъ. Это-же мнѣніе объ ученіи Конта, только съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ, повторено и въ „Философскомъ Лексиконѣ“; г. Гогоцкаго. Контъ, на основаніи своихъ началъ, старался перестроить нравственно-общественную жизнь и быть оракуломъ своей эпохи, а это привело его къ самому грустному разстройству своихъ душевныхъ силъ, полагаетъ „Лексиконъ“; такъ что причина этого разстройства заключалась не въ болѣзненномъ субъективномъ методѣ, какъ увѣряетъ Литтре, но именно въ томъ, что Контъ хотѣлъ быть какимъ-то зиждителемъ въ сферѣ религіозной, нравственной и общественной жизни, не изучивши сперва глубокіхъ ея основаній въ человѣческой душѣ ²⁾. Отсюда какъ будто-бы слѣдуетъ, что если-бы Контъ выполнилъ послѣднее условіе, если-бы изучилъ глубокія основы человѣческой души, то могъ-бы стать „зиждителемъ“ преобразованной соціальной жизни и не впалъ-бы въ умственное разстройство. Не трудно однако-же видѣть, что всѣ эти сужденія чисто голословны и не имѣютъ въ основѣ своей никакихъ фактическихъ данныхъ; они витаютъ въ области психологическихъ предположеній, ничѣмъ неподтверждаемыхъ. Наконецъ подобнаго-же мнѣнія объ ученіи Конта держатся и г.г. Невлюдовъ и Тибленъ, переводчики известнаго сочиненія: „Огюсть Контъ и положительная философія“. По ихъ мнѣнію, хотя ни психологія, ни медицина не сказали намъ еще послѣдняго слова о природѣ человѣческаго ума, рассматриваемаго въ нормальномъ и болѣзненномъ состояніи; тѣмъ не

¹⁾ Тамъ-же стр. 289.

²⁾ См. „Фил. Лекс.“ 1866. Контъ, стр. 197.

менѣе нельзя не думать, что умственное разстройство, вторично постигнувшее Конта подѣ конецъ его жизни и совпавшее съ изданіемъ послѣднихъ его сочиненій, „вѣроятно находилось въ какой-либо собровленной связи съ его недѣльнымъ религіознымъ ученіемъ, относящимся къ послѣднимъ годамъ его жизни“. Впрочемъ переводчики допускаютъ, что творца религіи безъ Бога можно и не считать безумнымъ въ смыслѣ чловѣка, умственно поврежденнаго и относятъ его къ разряду тѣхъ безумцевъ, о которыхъ пророкъ Давидъ сказалъ: безумецъ сказалъ въ сердцѣ своемъ: *нѣтъ Бога* (Пс. 13, 1¹). Очевидно переводчики поставляютъ умственное разстройство Конта и несостоятельность его субъективной, или заключительной философіи въ связи съ нравственною испорченностію его сердца. Неизвѣстно только, что служить причиною этого разстройства: недостатокъ-ли чуткости сердца къ безконечному, или строгая, логическая вѣрность позитивнымъ началамъ. Таковъ одинъ взглядъ на душевное состояніе творца новой соціологіи и на его твореніе.

Есть другое мнѣніе, признающее конечно нервное раздраженіе и нервное разстройство, въ которыя впадалъ Контъ во время своей жизни; но оно не усвоетъ этимъ болѣзненнымъ состояніямъ никакого вліянія на образованіе какъ основныхъ началъ позитивизма, такъ и тѣхъ недѣльныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Контъ подѣ конецъ жизни въ своихъ соціологическихъ трактатахъ. Извѣстно, что еще въ пору своей молодости, 26 лѣтъ отъ роду, Контъ задумалъ прочитать свои семьдесятъ двѣ лекціи по классификаціи наукъ и ихъ внутренней или послѣдовательной связи; но послѣ трехъ лекцій онъ впалъ въ нервное раздраженіе, которое привело его въ домъ умалишенныхъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ здоровье его возстановилось, онъ продолжалъ свои ученые занятія и чрезъ два года (въ 1828 г.) успѣлъ прочитать полный курсъ своей положительной философіи. Это именно та самая философія, которая вызвала удивленіе у всѣхъ позитивистовъ и за которую онъ пользуется среди нихъ славою геніальнаго филосо-

¹) „Огюсть и Контъ и пр.“ 1867. См. Предисловіе русск. изданія.

фа Ясно стало быть, что его болѣзненное состояніе не имѣло никакого вліянія на его ученныя занятія, по крайней мѣрѣ, во время его молодости. Подъ конецъ своей жизни Контъ снова впадаетъ въ болѣзненное состояніе, пишетъ свои трактаты по соціологіи и стремится быть организаторомъ новой соціальной жизни. Только немногіе позитивисты идутъ за своимъ учителемъ по этому пути до конца; напротивъ того другіе или порываютъ съ нимъ связи, или хранятъ упорное молчаніе, что Контъ объяснялъ „заговоромъ молчанія“. Докторъ Робине, постоянный медикъ Конта и одинъ изъ его душеприказчиковъ, засвидѣтельствовалъ о болѣзненныхъ состояніяхъ своего учителя; но онъ и не думаетъ поставлять этихъ состояній въ какой-либо связи съ соціологическимъ ученіемъ Конта и его организаторскою дѣятельностію. Мало того, онъ остается вѣрнымъ своему учителю до конца, и даже по смерти Конта преслѣдуетъ тѣ цѣли, въ которыхъ стремился его учитель. Гдѣ же скрывается причина тѣхъ странностей и нелѣпостей, которыя развиваетъ Контъ въ своей соціологіи? Очевидно ее надобно искать уже въ самомъ позитивизмѣ; въ той послѣдовательности, съ которою Контъ проводилъ свои начала до конца. Именно это мнѣніе впервые высказалъ Милль, какъ извѣстно, тоже примыкавшій къ школѣ позитивистовъ, хотя и не бывшій непосредственнымъ ученикомъ Конта. Онъ первый указалъ, что Контъ, смотрѣвшій на Декарта и Лейбница какъ на главныхъ своихъ предшественниковъ, былъ столько-же послѣдователемъ какъ и эти философы. „Изъ всѣхъ великихъ мыслителей, говоритъ Милль, Декартъ и Лейбницъ были наиболѣе послѣдовательными и поэтому наиболѣе часто доходившими до нелѣпостей, такъ какъ они не отступали предъ выводами—какъ-бы эти выводы ни были противны здравому смыслу,—если только къ нимъ вели первыя послышки“. Тоже, по мнѣнію Милля, случилось и съ Контомъ. Литтре не согласился съ этимъ приговоромъ и для опроверженія его написалъ статью подъ заглавіемъ: „Контъ и Милль о позитивной философіи“. Литтре однакоже не могъ опровергнуть Милля. Въ сущности своею статьею онъ доказалъ лишь, что изъ основныхъ началъ позитивизма можно и не выводить тѣхъ нелѣпостей, къ которымъ

приходить Контъ; для этого надобно только остановиться на половинѣ пути. Онъ доказалъ, что для предохраненія себя отъ нелѣпостей, позитивный философъ долженъ держаться „самоограниченія“, которое тождественно съ „ограниченностію“. И если Милль не возражалъ своему критику, то скорѣе изъ уваженія къ памяти Конта, чѣмъ изъ невозможности отстоять свое положеніе. Мнѣніе Милля раздѣляетъ и Льюисъ. Онъ добавилъ къ этому мнѣнію только то, что Контъ стремился создать такую доктрину, которая могла-бы стать *общей* для всѣхъ и которая вызывала-бы непреклонное убѣжденіе во всѣхъ. Контъ находилъ требуемую общность въ католицизмѣ, но не находилъ въ немъ достаточной убѣдительности; и вотъ онъ рѣшился въ католическую общность, въ католическую форму, влить положительное содержаніе ¹⁾. Мнѣніе Милля и Льюиса было принято и нѣкоторыми нашими философами; и въ нашей философской литературѣ было высказано убѣжденіе, что задача Конта состояла въ томъ, чтобы создать новую жизнь въ обществѣ, основанную на знаніи, между тѣмъ какъ доселѣ она основывалась на вѣрѣ ²⁾. Конечно, это справедливо. Но только надобно помнить, что Контъ желалъ влить новую жизнь въ идеализированныя католическія формы и въ сущности былъ реставраторомъ и реформаторомъ католичества. Мнѣніе Милля и Льюиса не приобрѣло однакоже всеобщаго распространенія, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того безотчетнаго пристрастія, съ которымъ позитивная мудрость была встрѣчена не только у насъ, но и за-границею. Многіе продолжали думать, что позитивизмъ есть высшая мудрость, послѣднее слово науки; а всѣ тѣ нелѣпости, къ которымъ онъ привелъ Конта въ послѣднихъ выводахъ, продолжали усвоить не самому позитивизму, а несчастному умственному разстройству творца позитивизма. Впрочемъ въ оправданіе порицателей Конта можно привести то обстоятельство, что теоретическія соображенія, приводимыя въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія, всегда могли казаться имъ недостаточно убѣдительными безъ знанія, такъ

¹⁾ „Огюсть Контъ и положит. философія“. Тамъ-же, стр. 15.

²⁾ См. жур. „В. и Р.“ т. II. ч. II. „Идеализмъ и реализмъ“. стр. 351.

сказать, интимныхъ намѣреній творца позитивной социологіи; безъ знанія того, какими сокровенными желаніями и цѣлями Контъ руководствовался самъ, когда дѣлалъ тѣ или другіе выводы изъ своихъ позитивныхъ положеній. Въ наше время мнѣніе Льюиса и Милля и въ этомъ отношеніи приобрѣло несомнѣнную, фактическую доказательность.

Въ 1884 году въ Парижѣ изданы были ближайшими учениками Конта подлинныя документы о жизни, дѣятельности и интимнѣйшихъ намѣреніяхъ основателя ихъ школы ¹⁾. Въ этихъ документахъ Контъ самъ изображаетъ себя совершенно иначе, чѣмъ какъ это дѣлаютъ его невѣрные и непослѣдовательные ученики. Да и сами издатели, безъ сомнѣнія, воспользовались этими документами, чтобы снять съ Конта тяжелое и несправедливое обвиненіе въ умопомѣшательствѣ, выяснитъ отношеніе Конта къ католицизму и такимъ образомъ смягчитъ суровый приговоръ, павшій на ихъ любимаго учителя. Правда еще въ 1860 г., какъ мы замѣтили уже, д-р Робине, постоянный врачъ Конта и одинъ изъ тринадцати душеприказчиковъ его, издалъ замѣтку о произведеніяхъ и жизни Огюста Конта (*Notice sur l'Oeuvre et sur la Vie d'Auguste Comte. Paris*). Въ своей замѣткѣ онъ старался защитить Конта отъ несправедливыхъ обвиненій. Ему однакоже не повѣрили, и не повѣрили главнымъ образомъ потому, что самъ Контъ еще при своей жизни признавалъ защитника такимъ своимъ ученикомъ, котораго ни затрудненіе не останавливаетъ, ни нелѣпость не пугаетъ. И однакоже изъ новоизданныхъ документовъ открывается, что Робине былъ правъ, что въ ученыхъ трудахъ Конта не было никакого умственного потемненія или перерыва, что онъ сознательно идетъ къ намѣченной себѣ цѣли, и что рѣзкость сужденій Конта о Робине и о другихъ ученикахъ составляетъ обычную и даже выдающуюся черту характера Конта. „Въ изложеніи этихъ до-

¹⁾ Полное заглавіе этихъ документовъ слѣдующее: „*Testament d'Auguste Comte avec les documents qui s'y rapportent*“, publié par ses exécuteurs testamentaires, conformément à ses dernières volontés. Paris, 10, rue Monsieur-le-Prince, septembre 1884, I vol. grand in 8° de 570 pages.

кументовъ, говорятъ Гордіа, абстракція доведена до такой степени, что даже лица, фигурирующія въ нихъ, изображены въ видѣ числовыхъ величинъ; а такой способъ позволялъ Конту относиться къ этимъ лицамъ безъ стѣсненія, что не могло нравиться нѣкоторымъ изъ душеприказчиковъ этого учителя, который вообще не отличался снисходительностію къ своимъ ученикамъ и склоненъ былъ замѣчать въ нихъ скорѣе недостатки, нежели достоинства. Въ этихъ документахъ встрѣчаются выраженія, изложенныя въ немногихъ словахъ, но непріятныя по своей рѣзкости. Это приговоры безъ апелляціи суди ясно-видящаго и увѣреннаго въ себя, хотя по большей части справедливаго. Если и случалось Конту отказываться отъ своихъ сужденій, то это дѣлалось не для того, чтобы смягчить, но чтобы еще болѣе усилить свой приговоръ“ Вотъ одна причина поздняго появленія въ свѣтъ этихъ документовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ошибочныхъ сужденій о душевномъ состояніи Конта. Если мы присоединимъ къ этому, что въ документахъ много говорится о женѣ Конта, умершей не задолго до изданія ихъ, и что она изображается въ нихъ въ непривлекательномъ свѣтѣ; то для насъ вполне станетъ понятнымъ позднее появленіе посмертныхъ мемуаровъ творца позитивизма; а вмѣстѣ съ тѣмъ понятною станетъ и причина распространенности ошибочныхъ сужденій о Контѣ.

Въ этихъ мемуарахъ Контъ изобразилъ всю свою умственную или ученую дѣятельность отъ начала до конца, со всѣми ея задачами, цѣлями и интимнѣйшими намѣреніями. Контъ самъ говоритъ о себѣ. „Два великіе вопроса, разработку которыхъ я послѣдовательно выполнялъ, преимущественно состояли въ пониманіи прошедшаго и въ опредѣленіи будущаго“. И если, по справедливому замѣчанію Гордіа, настоящее не требовало отъ сильнаго ума Конта напряженной работы, то этого нельзя сказать объ опредѣленіи будущаго, т. е. о созданіи Контовой социологіи съ ея религіею, нравственностію и общественнымъ строемъ. И если далѣе правда, что геній есть великое терпѣніе, то никто не можетъ оспаривать геніальности у Конта, который долго, медленно и послѣдовательно выработывалъ свою систему, думая о ней постоянно. Какъ-бы

то ни было, только душеприкащики, эти вѣрные или послѣдовательные ученики Конта, по свидѣтельству Гордіа, „исполнили долгъ уваженія къ своему учителю, издавъ его посмертное сочиненіе, въ которомъ этотъ удивительный человѣкъ, по своему обыкновенію, методически записалъ, съ нечеловѣческой ясностію и твердою волей, свои, самыя задушевныя чувства: чувства ненависти и любви, оскорбленія и удовлетворенія, радости и горя; однимъ словомъ всѣ свои задушевныя стремленія. Съ помощію этихъ замѣтокъ и достовѣрныхъ документовъ, легче узнать Конта *intus et incute* (внутренно и сокровенно), нежели по біографіямъ, которыя появились слишкомъ скоро послѣ его смерти, чтобы быть безпристрастными и достовѣрными. Какъ правдивый свидѣтель о самомъ себѣ, Контъ далъ свои показанія, ничего не умалчивая и не утаивая; а потому нельзя судить о дѣлѣ Конта, не пользуясь этимъ матеріаломъ. Быть можетъ, никогда еще не являлись въ печати признанія болѣе искреннія. Ж. Ж. Руссо, такъ любившій рисоваться своими слабостями и страстями, не былъ болѣе Конта искреннимъ въ своей исповѣди. И нѣтъ сомнѣнія, что душеприкащики Конта, издавшіе его интимныя записки, имѣли въ виду его собственный прекрасный девизъ: *жить при полномъ свѣтѣ*. Контъ былъ изъ тѣхъ людей, которые могли сказать о себѣ съ стоическимъ поэтомъ: *aperte vivere volo*.

Впрочемъ для насъ гораздо замѣтательнѣе тѣ выводы, къ которымъ надобно прійти на основаніи этихъ документовъ и къ которымъ приходятъ западные писатели, даже рѣшительно не сочувствующіе, такъ называемой, второй или субъективной философіи Конта. Вотъ на примѣръ, что говоритъ Гордіа въ „*Revue Philosophique*“ о Контѣ, на основаніи этихъ документовъ. „Читая этотъ необыкновенный сборникъ, столь поучительный и въ нѣкоторомъ отношеніи столь назидательный, авторъ настоящей статьи (т. е. Гордіа) очень сожалѣлъ о тѣхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, которыя онъ нѣкогда употреблялъ противъ этого писателя великаго и вполнѣ несчастнаго человѣка, называя его злымъ и сумасшедшимъ. Такое сужденіе было рѣзко, грѣшило противъ справедливости и любви къ ближнему. Внимательное-же изслѣдованіе всѣхъ этихъ посмертныхъ

документовъ, начиная отъ духовнаго завѣщанія и кончая задушевными записями, заставило автора этой статьи (т. е. Гордіа) отказаться отъ своихъ прежнихъ мнѣній. Этихъ документовъ нельзя читать безъ волненія. И потому нельзя не удивляться, что ученики и душеприкащики философа такъ ограничили (т. е. издали въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ) тотъ томъ сочиненій, который заключаетъ въ себѣ исповѣдь и признанія, освѣщающія такимъ яркимъ свѣтомъ (sic!) великую фигуру основателя ихъ школы“.

Другой выводъ, къ которому приходитъ Гордіа на основаніи этихъ документовъ, состоитъ въ опредѣленіи значенія позитивной философіи Конта для католической культуры. Контъ былъ латинянинъ по своимъ расположеніямъ, онъ поставлялъ для себя задачею не разрушать, а поддержать католицизмъ. Такимъ образомъ его задача вполне совпадала съ задачею Игнатія Лойолы, хотя рѣшалась имъ съ своей, особенной точки зрѣнія. Вотъ сравненіе, къ которому приходитъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ самъ Гордіа и затѣмъ говоритъ: „Какое сравненіе, подумаютъ почитатели Конта!... Оно можетъ быть неожиданное, но если его изслѣдовать глубже, то оно окажется вѣрнымъ! Кромѣ особенностей ума сближающихъ этихъ двухъ основателей (своихъ религіозныхъ обществъ), они имѣли еще много общаго въ томъ отношеніи, что оба обладали (одинаковымъ) честолюбіемъ и (одинаковою) страстью къ диктатурѣ. Первый далъ католической церкви, ослабленной великимъ расколомъ Лютера и Кальвина, огромную армію, которая покорила и конфисковала (католическую) церковь; второй, открытый врагъ протестантизма и революціи, стремился только къ преобразованію католической церкви и къ замѣнѣ (a substituer) католицизма позитивизмомъ. Позитивная философія есть ни болѣе, ни менѣе какъ философское обоснованіе (fondation) католицизма, а позитивная политика есть только религіозное укрѣпленіе (construction) его. Это слово самого Конта, и онъ еще прибавилъ: „я всегда радовался, что родился среди католичества, въѣ котораго моя миссія съ большимъ трудомъ достигла-бы своей цѣли, вслѣдствіе умственныхъ и нравственныхъ опасностей, заключающихся въ воспитаніи протестант-

скомъ и деистическомъ“. Ничто не можетъ быть выражено болѣе точно. Контъ въ сущности не отличался отъ эгого суроваго интригана и политическаго педанта (Игнатія Лойолы), который называлъ католичество „великой и уважаемой школой“. Вотъ второй выводъ, къ которому приходитъ Гордіа, на основаніи новоизданныхъ документовъ о жизни Конта. Съ этой точки зрѣнія философія основателя позитивизма принимаетъ иной видъ, и позитивная интеллигенція, на половину осуществившая позитивныя мечтанія Лойолы XIX столѣтія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Европы, быть можетъ, представится православному читателю въ новомъ освѣщеніи... Но перейдемъ къ болѣе подробному изложенію связи позитивизма съ католицизмомъ и укажемъ сближающіе ихъ пункты въ ученіи религіозномъ, нравственномъ и социальномъ.

III.

Не только въ новоизданныхъ документахъ, но и въ сочиненіяхъ, появившихся еще при жизни Конта, основатель позитивизма не скрываетъ своихъ сильныхъ пристрастій къ католичеству, и только не мирится съ сверхъестественнымъ характеромъ, усвоеннымъ имъ себѣ, по крайней мѣрѣ, оффиціально. Опредѣляя отношеніе Конта къ католической догматикѣ, Гордіа говоритъ, что Контъ, „отказавшись еще въ молодости отъ сверхъестественныхъ вѣрованій, уважалъ только теологію послѣдовательно и медленно организуемую и презиралъ разрушительную (по его словамъ) метафизику“. Этими словами Гордіа даетъ вѣрную характеристику той позитивной теологіи, которая должна была замѣнить или преобразовать католическую. И прежде всего, Контъ вовсе не былъ метафизикомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова; онъ презиралъ всякую метафизику. Контъ былъ позитивнымъ теологомъ, и хотѣлъ установить, на сколько это возможно, строго научную теологію въ ея связи съ социальною жизнью. Извѣстно сердечное отношеніе и, можно сказать, благоговѣніе Конта къ церкви католической и его возраставшее уваженіе къ католичеству, какъ непосредственному и необходимому предшествен-

нику позитивизма, по выраженію Гордіа. Контъ уважалъ не только общехристіанскіе догматы, какъ напримѣръ догматъ грѣхопаденія, предлагавшій во весь средневѣковый періодъ теологическое объясненіе человѣческихъ страданій,—или догматъ искупленія, какъ начало сознательнаго отношенія ко всеобщему прогрессу; но онъ высоко цѣнилъ и спеціальныя католическіе догматы и установленія. Контъ, напримѣръ, видитъ въ папской непогрѣшимости „великій умственный и общественный прогрессъ“. Въ чемъ-же состоитъ этотъ прогрессъ? Въ томъ, что католицизмъ, постепенно ограничивая *всеобщее право на сверхъестественное вдохновеніе*, сдѣлалъ его закономъ исключительной принадлежностію верховнаго владыки церкви; между тѣмъ какъ протестантизмъ, не только не ограничивающій этого права, но даже склоняющійся къ значительному его расширенію, грозитъ привести человѣчество къ крайнему религіозному индивидуализму и разложенію. Какъ жаль, что Контъ неизвѣстно было свѣтлое ученіе нашей православной Церкви, которая, оставаясь вѣрною Иисусу Христу и Его Апостоламъ, никогда не усвоила себѣ права на новое сверхъестественное вдохновеніе или откровеніе, а потому никогда не расширяла и не ограничивала его! Вообще Контъ постоянно говоритъ только о католичествѣ и протестантствѣ и совершенно умалчиваетъ о восточной Церкви. Но представимъ еще нѣсколько примѣровъ глубокаго уваженія Конта къ католичеству. Контъ вполне соглашался, что такъ горько осмѣянный католическій догматъ о чистилищѣ появился совершенно произвольно и повелъ къ тяжкимъ злоупотребленіямъ въ римской церкви; тѣмъ не менѣе онъ думалъ, что догматъ этотъ былъ чрезвычайно удачнымъ введеніемъ въ практическій католицизмъ и служилъ противовѣсомъ противъ вѣчности будущихъ мученій. Но ничто не могло сравниться съ удивленіемъ Конта въ отношеніи къ политическому устройству католической церкви. Чисто политическое устройство этой церкви было осуществленіемъ, по его мнѣнію, утопіи греческихъ философовъ, собственно утопіи Платона, изложенной въ его „Республикѣ“; „оно создало громадное и сильное сословіе духовенства, въ которомъ умственное и нравственное превосходство открыто признава-

лось главнымъ правомъ на дѣйствительное преобладаніе“. Поэтому папская монархія въ средніе вѣка была законною и разумною связью между народами Европы въ то время, когда военный Римъ потерялъ свою связующую силу, а позитивизмъ существовалъ пока въ зародышѣ. Поэтому-же Контъ былъ сторонникомъ свѣтской власти папъ, хотя и признаетъ эту власть, опирающуюся на теологическій принципъ, въ наше время политической аномаліею; онъ вполне оправдываетъ католическое безбрачіе духовенства, отрывавшее всѣмъ общественнымъ сословіямъ законный доступъ ко всѣмъ, какимъ-бы то ни было, духовнымъ должностямъ; онъ прославляетъ средне-вѣковые монастыри, эти философскіе институты, гдѣ христіанскіе философы вырабатывали свои идеи задолго до ихъ провозглашенія во всеобщую извѣстность и пр. и пр. Таковъ былъ взглядъ Конта на католицизмъ.

И однакоже, при всемъ своемъ уваженіи къ католицизму, Контъ видѣлъ и слабыя стороны его. Существенная слабость этихъ сторонъ, по мнѣнію Конта, состоитъ въ томъ, что общечеловѣческой прогрессъ, первоначально возбужденный католическою церковію, переросъ содержаніе католическихъ доктринъ, и современное научное сознаніе уже не можетъ довольствоваться этимъ содержаніемъ. Отъ католичества осталась прекрасная форма, но съ сердцевиною сомнительнаго достоинства, худосочною и безъ притока свѣжихъ силъ. Никто теперь не вѣритъ въ сверхъестественный характеръ католичества. Итакъ, что-же остается дѣлать истинному мыслителю при подобныхъ обстоятельствахъ? Разрушать-ли католицизмъ до конца, какъ пытались дѣлать это разные метафизики и нѣкоторые протестантскіе богословы? Контъ былъ слишкомъ далекъ отъ подобнаго желанія. Онъ не усвоитъ никакого значенія отрицательной метафизикѣ и по своимъ католическимъ симпатіямъ слишкомъ низко цѣнитъ протестантизмъ. Контъ, какъ говоритъ Милль, даже не подозрѣвалъ, чтобы протестантизмъ имѣлъ какое либо положительное цивилизующее вліяніе, кромѣ общехристіанскаго. Не разрушать, а возсоздать и реформировать католицизмъ—вотъ задача всей жизни Конта. До сихъ поръ думали, что въ человѣчествѣ есть область не

поддающаяся научному или точному изслѣдованію; это область безконечнаго, совершеннаго, абсолютнаго. Контъ этого не думалъ; онъ пытался распространить свѣтъ науки и въ этой таинственной области на сколько это возможно. Тогда какъ для матеріалиста, отрицающаго все духовное, нѣтъ и не можетъ быть никакой религіи, для строгаго позитивиста, признающаго функціи (дѣятельность) мысли и чувства, область религіи есть только область неизвѣстнаго. Но значить-ли это, что все „неизвѣстное“ должно быть отрицаемо? Значить-ли это, что всякая религія должна быть отвергаема, особенно если рядомъ съ ней существуетъ и нѣчто извѣстное, достовѣрное? И вотъ Контъ изъ точной науки хочетъ создать только подмости для созерцанія этого неизвѣстнаго, насколько оно соприкасается съ извѣстнымъ и такимъ образомъ переходить въ область достовѣрныхъ явленій. Онъ не даетъ этому строго научнаго значенія; это область субъективнаго знанія; но онъ понимаетъ его „политическую“ или „соціальную“ цѣну и важное значеніе для жизни людей. Онъ хочетъ только примирить его съ естественно-научными законами. Съ какими же именно? Съ біологическими законами статики и динамики.

Религіозныя явленія, какъ и всякія другія соціальныя явленія, представляютъ двѣ стороны, полагаетъ Контъ: статическую и динамическую, законы равновѣсія и законы движенія. Статическіе законы выражаютъ неизмѣнныя или устойчивыя условія соціальнаго существованія, рассматриваемаго въ отвлеченіи отъ прогресса, и ограничиваютъ кругозоръ нашъ только тѣмъ, что обще и прогрессивному и неподвижному состоянію развивающейся жизни. Напротивъ того, динамическіе законы развертываютъ предъ нами картину религіознаго и вообще всякаго соціальнаго прогресса на основаніи трехъ неизмѣнныхъ переходовъ человѣческой мысли, т. е. теологическаго, метафизическаго и позитивнаго развитія ея. Религіозный, равно какъ и всякій соціальный прогрессъ, именно совершается посредствомъ этихъ несомнѣнныхъ и послѣдовательныхъ переходовъ. Поэтому и наша современная религія, послѣ эпохи теологической и метафизической, должна стать строго позитивной. Декартъ не повѣрилъ схоластикамъ будто

они знаютъ Бога больше, чѣмъ сколько говорить о немъ идея абсолютнаго, созданная мыслителями въ эпоху метафизическую, и сталъ искать религіи *ясной* для сознанія; Лейбницъ не удовлетворился уже этимъ и искалъ религіи *соглашенной* (*gerugè*) съ разумомъ; Контъ пошелъ еще дальше и сталъ требовать религіи *доказанной* (*demontrè*) научнымъ образомъ. Вотъ почему Контъ признавалъ Декарта и Лейбница своими непосредственными предшественниками, независимо отъ того, что онъ, будучи самъ великимъ математикомъ, высоко цѣнилъ ихъ математическій геній.

Изъ какихъ-же элементовъ Контъ думаетъ создать свою научную или позитивную религію? Изъ элементовъ чисто католическихъ, только освобожденныхъ отъ всего сверхъестественнаго. Въ своей религіозной динамикѣ онъ старался утвердить на позитивныхъ основахъ католическую идею церкви, а въ религіозной статикѣ—воссоздаетъ католическую идею духовной власти. Если теологическіе мыслители признаютъ религію союзомъ человѣка съ Богомъ; то Контъ, не знавшій Бога, могъ признать ее, только союзомъ съ коллективнымъ существомъ, называемымъ нами *человѣчествомъ*, а у него „Grand Etre“. Только это „Великое Существо“ можетъ быть опредѣляемо естественно-научными законами послѣдовательности и сосуществованія; только съ этимъ существомъ можно находиться въ сознательныхъ отношеніяхъ. Въ сущности-же эта религія есть союзъ съ церковію въ обширномъ смыслѣ и есть только дальнѣйшее развитіе біологическихъ представленій о необходимомъ подчиненіи человѣка окружающей его средѣ. Впрочемъ, какъ-бы мы ни назвали это „Grand Etre“, біологическою-ли средою, коллективнымъ-ли существомъ, *человѣчествомъ*, церковію, только оно одно подчиняетъ насъ внѣшней неотразимой для насъ силѣ, только оно одно есть реальное безконечное; потому что мы не можемъ обозначить ни начала, ни конца его бытія. Контъ утверждаетъ даже, что и при допущеніи бытія Божія (Контъ не хочетъ ни утверждать, ни отрицать этого бытія), „самое лучшее и даже единственное средство достойно поклоняться и служить невѣдомому Богу можетъ состоять въ стремленіи сдѣлать возможно большее съ нашей стороны въ дѣлѣ

любви и служенія другому Великому Существо, намъ вѣдомому, провидѣніе котораго—хотя и менѣе верховное—даровало намъ всѣ блага, какими мы обязаны трудамъ и усиліямъ предшествовавшихъ поколѣній“. Въ чемъ-же состоитъ это Grand Etre? Какъ тѣло наше состоитъ изъ множества клѣточекъ, живущихъ самостоятельною жизнію, но въ тоже время своею совокупностію образующихъ единое цѣлое; такъ и Grand Etre несмотря на множество индивидуальныхъ человѣческихъ личностей, его составляющихъ, есть единое коллективное Существо, живущее отдѣльною и самостоятельною жизнію. Такимъ образомъ Контъ, совершенно въ духѣ католической церкви и своихъ позитивныхъ началъ, переноситъ, на сколько это возможно для позитивиста, свойства абсолютнаго Существа на человѣческое коллективное существо, и вмѣстѣ съ тѣмъ является послѣдовательнымъ католикомъ и позитивистомъ; только въ католичествѣ и въ позитивизмѣ возможно перенесеніе свойствъ единаго Бога на коллективное единство церкви.

Въ отношеніи къ этому Существо Контъ устанавливаетъ свой культъ, т. е.: систематическій рядъ обрядовыхъ дѣйствій, имѣющій цѣлю развитіе и поддержаніе, выразимся такъ, религіознаго чувства; въ сущности-же культъ этотъ есть только позитивная подкладка всѣхъ таинствъ и обрядовыхъ дѣйствій католической церкви. Позитивный культъ состоитъ изъ восьмидесяти четырехъ торжествъ или праздниковъ въ году, расположенныхъ такъ, что на каждую недѣлю приходится, по крайней мѣрѣ, по одному празднику,—имѣетъ цѣлю прославленіе человѣчества, воспоминаніе послѣдовательныхъ ступеней прогресса, освященіе различныхъ политическихъ и семейныхъ союзовъ между людьми и пр. Контъ устанавливаетъ и свои таинства. Надобно замѣтить впрочемъ, что въ позитивной религіи число таинствъ простирается до девяти; между тѣмъ какъ въ католической церкви ихъ только семь. Эти таинства суть: рожденіе, воспитаніе, женитьба, выборъ занятій, опредѣленіе на должность и пр. Что-же касается поклоненія въ отношеніи къ Grand Etre, молитвъ и благодаренія, то все это должно быть обращено не къ коллективному человѣчеству, а къ его достойнымъ представителямъ, будутъ-ли эти представители жи-

выми или умершими. Молитвенное собесѣдованіе съ ними во-
одушевить насъ тѣми идеалами, которыми проникнуты были
они. Сообразно съ этимъ Контъ долженъ былъ видоизмѣнить
годовой кругъ богослужебныхъ дѣйствій католической церкви
и долженъ былъ создать свой позитивный календарь. Контъ
пользуется въ этомъ отношеніи позитивнымъ закономъ развитія
человѣческаго сознанія, по которому оно послѣдовательно пе-
реживаетъ три эпохи: теологическую, метафизическую и нако-
нецъ позитивную. Люди, которые послѣдовательно вели чело-
вѣчество этимъ путемъ, несомнѣнно святы въ позитивномъ
смыслѣ, хотя-бы они отличались многими недостатками; напро-
тивъ того люди, уклонявшіеся отъ этого пути, хотя-бы обла-
дали высокими талантами и дарованіями, не нашли себѣ мѣста
въ позитивномъ пантеонѣ святыхъ. Вотъ что говоритъ Гордіа
о позитивномъ календарѣ. „Обнимая все человѣчество въ его
религіозныхъ убѣжденіяхъ на основаніи той неоспоримой исти-
ны, что умирающіе передаютъ духовное богатство живымъ,
Контъ не стремился, какъ думали, къ какому-то неопредѣлен-
ному культу, могущему облегчить самопоклоненіе. Хотя онъ
и поклонялся самому себѣ въ человѣчествѣ замѣняющемъ бо-
жество, но все-таки онъ выдѣлялъ изъ человѣчества тѣхъ изъ
умершихъ людей, которые ознаменовали себя великими дѣлами
и только этихъ людей помѣщалъ въ позитивномъ раю, этомъ
остроумномъ и терпѣливомъ созданіи ума, находившаго удо-
вольствіе въ научныхъ комбинаціяхъ“. Можно удивляться тому,
что въ позитивномъ пантеонѣ святыхъ Цезарь и Фридрихъ II
помѣщены рядомъ съ Константиномъ В. и Θεодосіемъ В., Ап.
Павелъ съ Аристотелемъ, Францискъ Ассизкій съ біологомъ
Бленвилемъ и пр.; можно удивляться также, что въ этомъ
пантеонѣ пропущены напр. протестантскіе, религіозные рефор-
маторы, за исключеніемъ миролюбиваго Георга Фокса, или не
нашли мѣста французскіе философы XVIII в., за исключеніемъ
Вольтера и Дидро; между тѣмъ какъ сюда попали и заняли
видное мѣсто Іосифъ де-Местръ и виконтъ Бональдъ, эти фана-
тичeskіе защитники католичества. Но это объясняется ча-
стію позитивными симпатіями и антипатіями Конта къ исто-
рическимъ личностямъ, а главнымъ образомъ глубокимъ ува-

женіемъ къ услугамъ, оказаннымъ ими католической церкви, особенно въ средневѣковый періодъ; такъ что его оцѣнка католическаго періода, какъ замѣчаетъ Милль, могла-бы показаться большинству протестантовъ (собственно англичанъ) превеличенной, если не бессмысленной“. Во всякомъ случаѣ Гордіа утверждаетъ, что „установленіе и распредѣленіе позитивнаго пантеона святыхъ или точнѣе—знаменитыхъ личностей заслуживаетъ изученія, какъ послѣдовательный комментарий всей религіозной системы Конта. Теорія человѣческаго развитія и общаго прогресса заключается въ этомъ календарѣ, въ сокращенномъ видѣ, и представлена въ именахъ историческихъ личностей, систематически комбинированныхъ и распредѣленныхъ на классы. Ничего не можетъ быть любопытнѣе этихъ святыхъ научной религіи, распредѣленныхъ по днямъ, недѣлямъ и мѣсяцамъ. Кто не изучалъ духа философскаго календаря Конта, тотъ не можетъ глубоко понять того (своеобразнаго) религіознаго чувства, которое руководило авторомъ при изысканіи законовъ называемыхъ философіей исторіи“. Такова динамическая сторона позитивной религіи.

Въ религіозной статикѣ, какъ мы замѣтили уже, Контъ реализируетъ идею католической духовной власти, разумѣется, тоже съ позитивной точки зрѣнія. Если современное католическое духовенство основываетъ свою власть на авторитетѣ Божества, и если метафизическое оправданіе этой власти, напр., въ схоластикѣ оказалось несостоятельнымъ; то ясно, что авторитетъ позитивнаго духовенства долженъ быть основанъ на аристократизмѣ ума, на научномъ развитіи, на невольномъ признаніи со стороны всѣхъ людей того ученія, которое будетъ выработано въ позитивизмѣ и котораго проповѣданіемъ будетъ исключительно занято оно. Въ тоже время духовенство это должно отличаться высокими нравственными качествами, въ позитивномъ смыслѣ. Только авторитетъ такого духовенства навсегда останется непоколебимымъ, твердымъ и несомнѣннымъ. Контъ не дѣлаетъ однакоже науку исключительною принадлежностію своего духовенства; онъ предполагаетъ, что и другіе люди, не принадлежащіе къ духовному сословію, будутъ заниматься научными изслѣдова-

ніями и даже могутъ стать проповѣдниками доктринъ, несогласныхъ съ позитивизмомъ; но и эти люди въ концѣ-концовъ должны будутъ покориться авторитету позитивнаго духовенства, не встрѣтивъ сочувствія въ массахъ народа воспитаннаго въ духѣ позитивизма. Откуда-же можетъ возникнуть позитивное духовенство? Развитие человѣчества, полагаетъ Контъ, совершается при посредствѣ возрастающаго вліянія умозрительной жизни надъ дѣятельною; въ дѣйствительности-же практическая жизнь всегда преобладаетъ надъ умозрительною. Завѣдываніе теоретическою или умозрительною жизнію принадлежитъ духовенству, а практическою или дѣятельною—свѣтской власти. Такъ возникаютъ двѣ власти—свѣтская и духовная. Нельзя быть одновременно хорошимъ теоретикомъ и хорошимъ практикомъ, хотя практики тоже должны обладать хорошимъ теоретическимъ образованіемъ. Такимъ образомъ духовная и свѣтская власть должны быть строго разграничены. Очевидно, что это раздѣленіе двухъ властей въ сущности есть выраженіе того различія, которое существуетъ между наукою и искусствомъ, между теоріею и практикою, и которое осуществляется теперь въ позитивномъ обществѣ. Итакъ, позитивное духовенство должно быть обществомъ теоретиковъ или философовъ, должно пользоваться независимостію отъ свѣтскихъ властей, поддержкою этихъ властей, почетомъ, содержаніемъ, должно періодически пополняться посредствомъ выборовъ, управляться само собою, и кромѣ храненія общественнаго культа, должно главнымъ образомъ завѣдывать дѣломъ воспитанія. Сообразно съ этимъ на немъ будетъ лежать право и обязанность не только давать совѣты и наставленія относительно общественной и частной жизни каждаго, но и право контроля, хотя Контъ и не опредѣляетъ точно границъ этого контроля, т. е. будетъ-ли этотъ контроль только нравственнымъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ и дисциплинарнымъ. Во всякомъ случаѣ духовенство будетъ владѣть правомъ публичныхъ выговоровъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и правомъ отлученія. Последнее право особенно грозно: оно можетъ превратить самаго сильнаго и самаго богатаго человѣка въ простаго поденщика, за-

ставивъ его собственными трудами снискивать себѣ пропитаніе.

Надѣленное такими обширными правами и полномочіями, занятое такими сложными обязанностями, и религіозными и воспитательными, и общественными и частными, найдетъ-ли это духовенство достаточно времени, чтобы слѣдить за умственнымъ прогрессомъ, помогать развитію наукъ и такимъ образомъ благотворно вліять на ходъ общечеловѣческой цивилизаціи? Но въ этомъ не будетъ большой надобности. Контъ былъ убѣжденъ, что съ развитіемъ цивилизаціи „сумма нашихъ (личныхъ) физическихъ и умственныхъ богатствъ становится произведеніемъ нашихъ трудовъ въ убывающей пропорціи и, напротивъ, въ возрастающей пропорціи результатомъ усилій нашихъ предковъ“. Это значитъ, что съ развитіемъ цивилизаціи мы все менѣе и менѣе будемъ имѣть надобность тратить свои силы на разработку наукъ; трудъ этотъ исполнять за насъ наши предки; намъ-же достаточно будетъ подчиняться авторитету предковъ, не впадая въ сомнѣніе и не имѣя надобности подвергать провѣркѣ основательность ихъ ученія. Вообще разработку наукъ надобно предоставить „пансіонерамъ“ духовенства, неудачнымъ кандидатамъ во священство, не отличающимся ни нравственными достоинствами, ни силою и твердостію характера, но заявившимъ себя своею любознательностію, свѣдѣніями и талантами. Замѣчательно также, что Контъскій идеалъ духовенства, въ отношеніи къ народному воспитанію и учительству, остается чисто католическимъ; онъ требуетъ, чтобы въ народѣ развита была потребность принимать все во имя авторитета духовенства, а не по сознательному убѣжденію. Почему-же такъ? Потому что позитивная вѣра, хотя отличается будто-бы чисто научнымъ характеромъ, хотя есть *la foi démontrable* (доказательная), но рѣшительно не обязана быть *la foi toujours démontrée* (всегда доказываемою). И еще потому, что умъ принадлежитъ къ самымъ бунтливимъ элементамъ человѣческой природы (*le plus perturbateur*); отсюда слѣдуетъ, что его надобно обуздывать больше, нежели эгоистическіе инстинкты, и надобно тщательно приучать къ покорности и послушанію.

Съ этой точки зрѣнія сомнѣніе въ авторитетѣ духовенства представляется Конту большою глупостію и даже дерзостію, чѣмъ сомнѣніе въ Ньютоновой астрономіи, особенно если въ это сомнѣніе впадаютъ люди недостаточно образованные. Контъ идетъ такъ далеко въ этомъ направленіи, что очень *позитивно* совѣтуетъ сжечь всѣ книги, бесполезныя съ точки зрѣнія духовенства, и оставить или составить небольшія бібліотеки, дѣйствительно полезныя для народа. Читатель видитъ, что Контъ учреждаетъ, въ своемъ позитивизмѣ то, о чемъ лишь мечтаютъ, пока католическіе, ультрамонтане.

Идея позитивнаго духовенства, подобно католической, завершается у Конта верховнымъ первосвященникомъ. Католическій первосвященникъ есть полномочный представитель теократическихъ началъ; позитивный-же первосвященникъ есть полномочный представитель чисто научныхъ началъ. Въ католичествѣ онъ нуженъ для единства и систематичности теологическихъ толкованій; а въ позитивизмѣ—въ научныхъ и нравственныхъ. Въ католичествѣ онъ есть центръ всемірной власти, въ позитивизмѣ—тоже. Контъ былъ врагомъ „разрозненной спеціальности“ и „умственной анархіи“, и требовалъ „систематизаціи“ человѣческой мысли и человѣческаго поведенія. Вся его философія была развитіемъ единства и систематизаціи человѣческихъ знаній. Но если католическій первосвященникъ избѣгаетъ анархіи и достигаетъ единства своихъ толкованій при посредствѣ внушеній свыше и своей сверхъестественной непогрѣшимости; то какъ-бы могъ позитивизмъ достигнуть подобныхъ счастливыхъ результатовъ? Не появлялись-ли даже при жизни Конта, раскольники позитивизма, которые предлагали человечеству иное единство и иную систематизацію человѣческихъ знаній и наукъ? При всей вѣрѣ въ свою непогрѣшимость, отнюдь не уступавшую ватиканской, Контъ не могъ-же отрицать наличнаго факта раскола, и въ будущемъ ожидалъ еще болѣе многочисленныхъ раскольниковъ. Въ виду этого Контъ позаботился предохранить позитивизмъ отъ возможной въ будущемъ анархіи мнѣній посредствомъ подчиненія ума „*au coeur*“ (потребностямъ сердца),—подчиненія, олицетвореніемъ ко-

торого долженъ являться позитивный первосвященникъ, назначающій ученымъ людямъ опредѣленныя задачи и цѣли изслѣдованія; онъ же опредѣляетъ, какая научная тема должна стоять на очереди и должна быть разрабатываема прежде другихъ: онъ всецѣло управляетъ соединенными усилиями всей ученой корпораціи духовенства. Чѣмъ же долженъ руководствоваться самъ первосвященникъ при опредѣленіи научныхъ задачъ и указаніи цѣли ученыхъ трудовъ? Единственно общимъ благомъ, т. е. преобладающимъ въ человѣчествѣ социальнымъ стремленіемъ надъ теоретическими (*du coeur sur l'esprit*). Всякія личныя расположенія должны быть подавляемы въ видахъ развитія социальныхъ. Контъ порицаетъ поэтому трату умственныхъ силъ на разработку научныхъ темъ вредныхъ, бесполезныхъ и даже мелочныхъ въ социальномъ отношеніи и свое порицаніе простираетъ до полного подавленія всякой свободной мысли. Позитивное развитіе наукъ должно находиться въ строгой гармоніи съ дѣйствительными потребностями нашего сердца, осуществляемыми въ общественной жизни; поэтому всякая наука, какъ абстрактная, должна быть разрабатываема до той степени, чтобы стать прочнымъ фундаментомъ для слѣдующей за нею науки, а эта послѣдняя—до научнаго обоснованія счастливой социальной жизни, или до научнаго обоснованія социологіи въ обширномъ смыслѣ. Отсюда открывается, что Контъ не смотрѣлъ на разработанную имъ социологію, какъ на послѣднее слово науки; онъ усвоилъ ей характеръ чисто относительный, хотя и наиболѣе вѣроятный при современномъ состояніи наукъ; онъ не могъ допустить ничего абсолютнаго какъ въ теоретической, такъ и въ практической области жизни. Такимъ образомъ главная задача жизни позитивнаго первосвященника состоитъ въ правильномъ руководствѣ при разработкѣ формъ общественной жизни и въ переведеніи добытыхъ имъ теоретическихъ результатовъ въ практическую жизнь народовъ. И эта задача вполне достижима для него; потому что онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ средѣ духовенства не было разномыслія, онъ назначаетъ должности внутри духовнаго

сословія и онъ-же исключаетъ изъ него лицъ недостойныхъ. Вотъ статическая сторона позитивной религіи.

Что-же надобно сказать объ этой религіи вообще? Контъ, какъ утверждаетъ Гордіа, еще въ молодости отказался отъ сверхъестественныхъ вѣрованій; итакъ, въ его позитивной теологіи не могло быть мѣста ученію о Богѣ въ христіанскомъ или метафизическомъ смыслѣ; Контъ не говорилъ ни того, что Богъ существуетъ, ни того, что Его нѣтъ; онъ былъ въ строгомъ смыслѣ агностикомъ. Имѣлъ-ли поэтому Контъ право говорить о какой-бы то ни было религіи? Если одни изъ позитивистовъ, какъ напримѣръ Милль, Льюисъ и Спенсеръ, не дѣлаютъ изъ агностицизма, или изъ непознаваемости божества, полного отрицанія высочайшаго Существа; а потому пишутъ свои трактаты о религіи; если они относятъ Божество или въ началу возникновенія міра или превращаютъ Его въ верховную и разумную силу, обнаруживающуюся въ естественномъ порядкѣ природы; то другіе позитивисты, какъ Контъ и Литтрэ были убѣждены, что всякое познаніе сверхъестественнаго выходитъ за предѣлы нашихъ умственныхъ способностей и вполнѣ недоступно для насъ. Они не хотѣли признать никакого всеобщаго антицедента (т. е. домірнаго начала) въ стройномъ порядкѣ естественныхъ явленій и не видѣли въ этомъ порядкѣ никакихъ предначертаній, никакихъ конечныхъ цѣлей, кромѣ простаго принципа условности существованія¹⁾. И такъ, не измѣняетъ-ли Контъ основнымъ началомъ позитивизма; когда создаетъ свою позитивную религію? Намъ кажется, что нѣтъ. Религія Конта не заключаетъ въ себѣ никакого сверхъестественнаго элемента; она болѣе позитивна, чѣмъ религія Милля, Льюиса и Спенсера. Правда, она отмѣчена очевидною печатью не научнаго, а субъективнаго позитивизма; объ этомъ говоритъ и самъ Контъ. Но что-же такое научный позитивизмъ, какъ не содержаніе самыхъ наукъ, отъ котораго безъ субъективизма нѣтъ перехода въ область религій? Съ другой стороны, есть-ли на свѣтѣ хотя одинъ позитивистъ, который

¹⁾ „Объ умѣ и познаніи“. Тамъ-же, Т. II, стр. 324.

былъ-бы свободенъ отъ этого субъективизма? Литтрэ отвергъ религію Конта, но и этотъ измѣнникъ позитивной религіи умеръ примиренный съ католическою церковію? Вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть только въ томъ, субъективизмъ Конта соотвѣтствуетъ-ли или не соотвѣтствуетъ основнымъ положеніямъ его философіи?

Когда не вѣрятъ въ Бога, тогда могутъ не сознавать потребности въ поклоненіи Ему. И если аеиняне воздвигли жертвенникъ невѣдомому Богу; то это потому, что ихъ невѣдѣніе Бога не простиралось до отрицанія Его свойствъ; невѣдомый Богъ аеинянъ все-же былъ Богъ. Контъ пошелъ дальше аеинянъ въ своемъ невѣдѣніи Божества; онъ былъ полный агностикъ, хотя и не говорилъ ни того, что Богъ существуетъ, ни того, что Его нѣтъ. Откуда-же могъ явиться какой-либо общественный культъ въ религіозной философіи Конта? Особенно-же, на какомъ основаніи онъ перенесъ поклоненіе, обязательное въ отношеніи къ высочайшему Существо, на несовершенное человѣчество, на „Grand Etre?“ Контъ былъ убѣжденъ, какъ мы замѣтили уже, что если и допустить существованіе Бога, то и тогда лучшее служеніе Ему должно состоять въ служеніи человѣчеству. Но почему необходимо было самое служеніе это, независимо отъ того, будетъ ли оно выражаться въ непосредственномъ служеніи невѣдомому Богу, или въ посредственномъ служеніи вѣдомому человѣчеству? Это уже проистекало у него изъ убѣжденія, что позитивное, т. е. единственно правильное развитіе соціальной жизни возможно только при дружныхъ усиліяхъ всѣхъ людей и при уничтоженіи той анархіи мнѣній, вѣрованій и убѣжденій, которыя существуютъ теперь. И онъ искалъ такой системы убѣжденій, которая опиралась-бы на науку и которая была-бы убѣдительна для всѣхъ. Другими словами, при всемъ своемъ позитивизмѣ онъ былъ идеалистомъ, онъ вѣрилъ въ идеалъ соціальной жизни и въ возможность осуществленія этого идеала путемъ позитивной разработки наукъ; его вѣра въ этотъ идеалъ простиралась даже до своеобразныхъ мистическихъ созерцаній. Онъ самъ говоритъ намъ о врожденной человѣчеству, потребности идеала, о

besoin d'idealité и о возможности осуществить этот идеалъ посредствомъ ограниченія свободы и посредствомъ добровольной или вынужденной покорности разума этому идеалу. Вся соціологическая теорія его основана на открытыхъ имъ законахъ послѣдовательнаго осуществленія этого идеала. Справедливо поэтому говорить Гордіа: „Авторъ позитивной философіи, развиваясь согласно своей природѣ, переходилъ отъ позитивнаго къ метафизическому, отъ метафизическаго къ теологіи и наконецъ отъ теологіи къ мистицизму. Самый позитивный изъ философовъ сдѣлался самымъ мечтательнымъ теоретикомъ. Многіе люди, видящіе только выдающуюся сторону предметовъ, были увлечены ею, и обманутые названіемъ, видѣли позитивное тамъ, гдѣ было исключительное идеальное. Почему-же произошла эта иллюзія? А потому что люди эти не имѣли ключа отъ сердца философа, который, какъ воображали, жилъ только головою. Тутъ-то и заключается неправильная оцѣнка, противъ которой Контъ возстаетъ изъ глубины своей могилы съ энергіею и убѣжденіемъ; вызывавшими у него во многихъ мѣстахъ то врожденное и сильное краснорѣчіе, о которомъ онъ конечно не имѣлъ понятія во время своей молодости, хотя и тогда уже отличался замѣчательнымъ краснорѣчіемъ“. Гордіа говоритъ напримѣръ, что еще на 15 году своей жизни Контъ за свою краснорѣчивую рѣчь въ Лицее Montpellies (въ 1813 г.) получилъ въ награду переводъ Гомера Лебрена, и что эта книга находилась въ любимой библіотекѣ Конта, рядомъ съ „Божественною Комедіею“, „Подражаніемъ Христу“ и „Днемъ христіанина“. Эти любимыя книги вполнѣ опредѣляютъ преобладающіе вкусы и стремленія природы Конта. Гордіа утверждаетъ даже, что Контъ не только склоненъ былъ къ идеальнымъ увлеченіямъ, но что онъ былъ и мистикъ. Контъ мистикъ, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ онъ?—и отвѣчаетъ: „Да конечно, и еще мистикъ трансцендентальный, утонченный въ высшей степени. Атеизмъ не исключаетъ мистицизма. Воображеніе и чувство не могутъ быть изгнаны изъ высшихъ сферъ мысли. Пoesія души присуща великимъ людямъ и нѣжность чувствъ можетъ согласоваться съ самыми

странными комбинаціями ума. Пусть вспомнятъ самого Конта, который сказалъ, что сердце имѣетъ свои собственные потребности, непонятныя для разума. Очень мало найдется великихъ математиковъ, которыхъ не коснулась-бы метафизика, и нѣтъ метафизиковъ, которые не вкусили-бы отъ плода мистицизма. Декартъ, Спиноза, Мальбраншъ, Сталь, Лейбницъ могутъ служить доказательствомъ для тѣхъ людей, которые умѣютъ ихъ понимать. Великій и положительный умъ Паскаля не оградилъ это умственного великана, подверженнаго галлюцинаціямъ, отъ страданій любви, въ которой чувство предписываетъ законы уму. Не смотря на сухость своего сердца, астрономъ Лапласъ былъ влюбленъ въ астрономію и въ самого себя. Поклоненіе самому себѣ можетъ быть только одною изъ формъ мистицизма, подобно пантеизму и поклоненію силамъ природы, которое вскружило головы столькимъ философамъ, восемнадцатаго столѣтія“.

Тѣмъ не менѣе всегда надобно помнить, что Контовъ идеализмъ и мистицизмъ вполне позитивнаго характера. Въ идеальныя и мистическія формы католичества Контъ вливаетъ вполне позитивное содержаніе. Контъ не материалистъ, а потому не чуждъ своего рода идеализма и мистицизма. Справедливо поэтому говорить Гордіа, что Контъ въ сущности не отличался отъ Игнатія Лойолы, отъ этого суроваго интригана и политическаго педанта, который признавалъ католичество великой уважаемой школою. Религія Конта есть лишь практическое осуществленіе позитивизма, теоретически разрабатываемаго современными намъ позитивистами, да и ими-ли одними?.... Но этого мало. Въ своей ненависти къ критикѣ и отрицанію и въ своемъ уваженіи къ абсолютной папской власти, Контъ такъ увлекся, что для реализованія этой власти обращался къ нѣкоторымъ европейскимъ вѣщеносцамъ и въ концѣ-концовъ отправилъ посла (одного фанатика позитивизма) къ папѣ, который однако отклонилъ посольство; но оно было благосклонно принято начальникомъ іезуитовъ въ Римѣ. Если папа не пожелалъ промѣнять библию на книгу положительныхъ знаній,

если онъ по прежнему остался теократическимъ, а не позитивнымъ первосвященникомъ; то отцы іезуиты уже благосклонно отнеслись къ тому мечтателю, который смотрѣлъ на церковь только какъ на школу и на социальный прогрессъ, какъ на цѣль, не принимая во вниманіе коренныхъ условій прогресса. Въ Контѣ они увидѣли поклонника своего-же собственнаго девиза жизни; „цѣль оправдываетъ средства“. Въ 1848 году Контъ мечталъ даже о позитивной диктатурѣ французской республики, и желалъ къ концу столѣтія учрежденія въ ней духовнаго центра, состоящаго изъ пятидесяти философовъ, пазначенныхъ управлять Западомъ. Онъ даже пророчествовалъ объ образованіи этого центра, но его пророчество не оправдалось. Во всякомъ случаѣ Контъ былъ убѣжденъ, что Парижъ будетъ наслѣдникомъ Рима и станетъ религіозною митрополіею всего позитивнаго міра. Ясно, что универсализмъ Конта не могъ побороть въ немъ патріотическихъ пристрастій къ Парижу. Но довольно объ этомъ. Намъ слѣдуетъ теперь говорить о позитивномъ культѣ женщинъ.

Ж. Устолинъ.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Мая № 9. 1888 года.

Содержаніе: Списокъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои, за службу по духовному вѣдомству, награждены Св. Синодомъ ко дню св. Пасхи въ 1888 г.—Списокъ священниковъ Харьковской епархіи въ 19 день апрѣля н. г. награжденныхъ его Высокопреосвященствомъ, за усердную службу, набодреніями.—Программа занятій съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 7 іюня 1888 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Списокъ лицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, кои, за службу по духовному вѣдомству, награждаются Святѣйшимъ Синодомъ ко дню Св. Пасхи въ 1888 году;

а) *Наперсникамъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*: ректоръ Харьковской духовной семинаріи, протоіерей Іоаннъ Кра-тировъ; настоятель Ряснянскаго Свято-Димитріевскаго монастыря, игумень Дисидерій; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Бѣловодска, протоіерей Григорій Максимовъ; настоятель Ахтырскаго Свято-Троицкаго монастыря, игумень Гавриилъ; казначей Старо-Харьковскаго Куряжскаго Преображенскаго монастыря, іеромонахъ Сосвентъ; г. Харькова, Александро-Невской церкви, священникъ Петръ Полтавцевъ; Харьковскаго уѣзда, церкви слободы Ольшаной, священникъ Алексій Грековъ; Купянскаго уѣзда, церкви села Ново-Никольскаго, священникъ Іоаннъ Куницынъ; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Маньковки, священникъ Василій Поповъ; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Булавиновки, священникъ Іаковъ Ивановъ; города Волчанска, Соборно-Троицкой церкви, священникъ Алексій Евсимова; Лебединскаго уѣзда, церкви слободы Ольшаной, священникъ Михаилъ Лободовскій; г. Вѣлополья, Сумскаго уѣзда, Рождество-Богородичной церкви, священникъ Алексій Чугаевъ; б) *саномъ протоіеря*: г. Харькова, Христорождественской церкви, священникъ Павелъ Тимофеевъ; Валковскаго уѣзда, церкви слободы Люботина, священникъ Павелъ Лобковскій и Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Подгоровки, священникъ Николай Шокотовъ; в) *камилавкою*: г. Харькова, Воскресенской церкви, священникъ Николай Соколовскій; Ахтырскаго уѣзда, церкви села Ряснаго, священникъ Михаилъ Литкевичъ; Ахтырскаго уѣзда, церкви слободы Кириковки, священникъ Георгій Хижняковъ; г. Волчанска, Соборно-Троицкой церкви, священникъ Григорій Рубинскій; Вол-

чанскаго уѣзда, слободы Ольховатки, Георгіевской церкви священникъ Іоаннъ *Склябинскій*; Зміевскаго уѣзда, церкви села Лозовеньки, священникъ Евѣимъ *Пономаревъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Морозовки, священникъ Іаковъ *Инноковъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Каменки, священникъ Павелъ *Филевскій*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Богородичной, священникъ Николай *Касьяновъ*; г) *скудьею*: Харьковскаго уѣзда, церкви слободы Острроверховки, священникъ Андрей *Любарскій*; Богодуховскаго уѣзда, церкви села Константиновки, священникъ Іоаннъ *Колосовскій*; Богодуховскаго уѣзда, церкви слободы Мурафы, священникъ Петръ *Мишулинъ*; г. Валокъ, Благовѣщенской церкви, священникъ Гавріиль *Павловскій*; Зміевскаго уѣзда, церкви села Шебеленки, священникъ Николай *Прокоповичъ*; Изюмскаго уѣзда, церкви села Селимовки, священникъ Петръ *Юшковъ*; Изюмскаго уѣзда, церкви села Богодарова, священникъ Аѳанасій *Тимоновъ*; гор. Сумъ, соборной Преображенской церкви, священникъ Іаковъ *Яценковъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Волкодавовой, священникъ Андрей *Базилевичъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Шелестовой, священникъ Самуиль *Федоровъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Моисеевки, священникъ Гавріиль *Поповъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Шульгинки, священникъ Николай *Карповъ*; Зміевскаго уѣзда, церкви с. Масловки, священникъ Автономъ *Крыжановскій*; Сумскаго уѣзда, г. Бѣлополя, Пророко-Ильинской церкви, священникъ Максимъ *Подлуцкій*; Сумскаго уѣзда, церкви села Хотѣни, священникъ Павелъ *Чугасевъ*; Харьковскаго уѣзда, церкви села Рогани, священникъ Іоаннъ *Ракцевскій*; Харьковскаго уѣзда, церкви слободы Артемовки, священникъ Николай *Чернивецкій*; Ахтырскаго уѣзда, церкви села Славгородки, священникъ Арсеній *Любарскій* и Харьковскаго уѣзда, церкви слободы Ольшаной, священникъ Макарій *Крохатскій*.

С П И С О К Ъ

священниковъ Харьковской епархіи въ 19 день апрѣля н. г. награжденныхъ его Высокопреосвященствомъ, за усердную службу, набедренниками.

1) Ахтырскаго уѣзда, с. Бѣлки Николаевской церкви священникъ Василій *Яновскій*; 2) того-же уѣзда, с. Жигайловки Покровской церкви священникъ Григорій *Шебатинскій*; 3) Богодуховскаго уѣзда, с. Купьевахи Антоніе-Феодосіевской церкви, священникъ Димитрій *Чернявскій*; 4) того-же уѣзда, с. Городнаго Николаевской церкви, священникъ Феодоръ *Федоровъ*; 5) того-же уѣзда, с. Поличковки Екатерининской церкви, священникъ Георгій *Дикаревъ*; 6) Валковскаго уѣзда, с. Черемушнаго Іоанно-Богословской церкви, священникъ Петръ *Люковъ*; 7) Волчанскаго уѣзда, с. Большой Бабки Покровской церкви, священникъ Василій *Ивановъ*; 8) того-же уѣзда, с. Песчанаго Параскевѣевской церкви,

священникъ Викторъ *Власовскій*; 9) того-же уѣзда, с. Нижняго Бурлука Троицкой церкви, священникъ *Василій Тупариновъ*; 10) того-же уѣзда, с. 1-й Николаевки Николаевской церкви, священникъ *Теодоръ Платоновъ*; 11) Зміевскаго уѣзда, с. Яковенкова Николаевской церкви, священникъ *Николай Сергѣевъ*; 12) того-же уѣзда, с. Ново-Андреевки Рождество-Богородичной церкви, священникъ *Петръ Торанскій*; 13) того-же уѣзда, с. Скрипаевъ Вознесенской церкви, священникъ *Владиміръ Раевскій*; 14) того-же уѣзда с. Ново-Серпухова Успенской церкви, священникъ *Теодоръ Ковалевскій*; 15) того-же уѣзда, с. Михайловки Троицкой церкви, священникъ *Іосифъ Курше*; 16) того-же уѣзда, с. Старо-Покровскаго Успенской церкви, священникъ *Димитрій Вышесіірскій*; 17) Изюмскаго уѣзда, с. Изюма Ахтырско-Богородичной церкви, священникъ *Іоаннъ Веселовскій*; 18) того-же уѣзда, с. Залиманья Всѣхсвятской церкви, священникъ *Іоаннъ Тимовъ*; 19) того-же уѣзда, с. Гусаровки Покровской церкви, священникъ *Аристархъ Поповъ*; 20) того-же уѣзда, с. Ивановки Іоанно-Предтеченской церкви, священникъ *Димитрій Панкратѣевъ*; 21) того-же уѣзда, с. Слѣваковки Николаевской церкви, священникъ *Вареломей Іосифовъ*; 22) того-же уѣзда, с. Петровской Преображенской церкви, священникъ *Веніаминъ Касьяновъ*; 23) того-же уѣзда, с. Михайловки Ахтырско-Богородичной церкви, священникъ *Петръ Поповъ*; 24) Кулянскаго уѣзда, с. Покровска Покровской церкви, священникъ *Георгій Доминовъ*; 25) того-же уѣзда, с. Поповки Рождество-Богородичной церкви, священникъ *Іоаннъ Юшковъ*; 26) того-же уѣзда, с. Куземовки Митрофаніевской церкви, священникъ *Михаилъ Сѣкирскій*; 27) Лебединскаго уѣзда, г. Недригайлова Митрофаніевской церкви, священникъ *Антоній Дикаревъ*; 28) того-же уѣзда, с. Аниной Екатерининской церкви, священникъ *Измаилъ Дмитріевъ*; 29) того-же уѣзда, с. Бобрика Маріе-Магдалининской церкви, священникъ *Михаилъ Кремтовскій*; 30) того-же уѣзда, с. Гринцева Покровской церкви, священникъ *Теодоръ Рыбаловъ*; 31) того-же уѣзда, с. Марковки Преображенской церкви, священникъ *Стефанъ Поповъ*; 32) того-же уѣзда, с. Василевки Троицкой церкви священникъ *Теодоръ Заводовскій*; 33) того-же уѣзда, с. Будылки Рождество-Богородичной церкви, священникъ *Павелъ Брайловскій*; 34) того же уѣзда, с. Великаго Истороба Пятницкой церкви, священникъ *Іоаннъ Малиженковскій*; 35) Сумскаго уѣзда, г. Бѣлополя Петропавловской церкви, священникъ *Іоаннъ Ведринскій*; 36) того же уѣзда, с. Климовки Успенской церкви, священникъ *Митрофанъ Балановскій*; 37) Старобѣльскаго уѣзда, сл. Шульгинки Николаевской церкви, священникъ *Алексѣй Косминъ*; 38) того же уѣзда, с. Голубовки Казанской церкви, священникъ *Василій Долгополянскій*; 39) того-же уѣзда, с. Колмыковки Николаевской церкви, священникъ *Сумеонъ Наумовъ*; 40) того-же уѣзда, с. Лизина Вознесенской церкви, священникъ *Михаилъ Соинъ*; 41) того-же уѣзда, с. Александровки Александровской церкви, священникъ *Николай Будянскій*; 42) того-же уѣзда, с. Бѣловодска Николаевской церкви, священникъ *Іоаннъ*

Инокъ; 43) того-же уѣзда, с. Семикозовки Вознесенской церкви, священникъ *Василій Ястремскій*; 44) того-же уѣзда, с. Чебановки Вознесенской церкви, священникъ *Андрей Титовъ*; 45) города Харькова Благовѣщенской церкви священникъ *Іоаннъ Приходинъ* и 46) города Харькова Университетской Антоніевской церкви, священникъ *Теодоръ Кіамшинъ*.

ПРОГРАММА

занятій съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго бѣть 7 іюня сего 1888 года, утвержденная Его Высокопреосвященствомъ 14 апрѣля.

1. Разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ.

2. Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ на 1889 годъ.

3. Разсмотрѣніе вѣдѣчковыхъ вѣдомостей за прошлый 1887 г.

4. Разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, по содержанію училища за 1887 годъ, а также журналовъ ревизіоннаго комитета по повѣркѣ означеннаго отчета.

5. Избраніе членовъ ревизіоннаго комитета на будущій 1889 г.

6. Избраніе члена правленія отъ духовенства, въ виду окончанія трехлѣтней службы въ этой должности священника *Теодосія Навродскаго*.

7. О прибавкѣ 50 р. къ 100 р.—суммъ, ассигнованной на одежду и обувь для учениковъ сиротъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ *Зміевской Соборной Троицкой церкви Теодоръ Москалевъ* опредѣленъ священникомъ къ Вознесенской церкви слободы *Щпотивой, Старобѣльскаго уѣзда*.

— Бывшій воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи, священнической сынъ *Теодоръ Золотаревъ* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика при *Валковской Соборной Преображенской церкви*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ—*Богодуховскаго уѣзда*—*Рождество-Богородичной села Каплуновки мѣщанинъ Николай Курченко*, *Покровской села Пархомовки крестьянинъ, Іоакимъ Бутылка* и *Покровской слободы Ямнои крестьянинъ Андрей Войтенко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Къ вопросу объ исполненіи дѣтми христіанскаго долга. — При-
 скорбныя стороны въ религіозно-нравственномъ состояніи православныхъ. —
 Обученіе ремесламъ въ церковно-приходской школѣ. — Расколъ и сектанство. —
 Общество попеченія о немущихъ и нуждающихся въ зашитѣ дѣтяхъ. —
 Крестьянское суевѣріе. — Городъ Васильковъ. — Вразумленіе свыше. — Драгоцен-
 ный памятникъ древней письменности. — Какъ пишутся книги у старообрядцевъ. —
 Бесѣда русскаго паломника съ іерусалимскимъ патриархомъ. — Рукописный об-
 ходъ. — Любопытный способъ противоудѣствія пьянству. — Кому принадлежитъ сѣ-
 но съ церковныхъ кладбищъ? — Общество взаимнаго страхованія жизни. — Сред-
 ства избѣгать опасности во время грозы.

Среди явленій въ религіозно-нравственной жизни обращаетъ вни-
 маніе отсутствіе, надлежащаго надзора за исполненіемъ дѣтми хри-
 стіанскаго долга исповѣди и причастія. Св. Таинъ. Епископъ По-
 дольскій, въ виду неточнаго исполненія, некоторыми священниками
 и учителями распоряженія попечителя Кіевскаго учебнаго округа
 объ обязательномъ говѣннѣ всѣхъ учащихъ и учащихся въ народ-
 ныхъ сельскихъ училищахъ на страстной недѣлѣ, а равно въ ви-
 ду не установившагося порядка говѣннѣ всѣхъ учащихъ и учащихся
 въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности на
 одной какой-либо недѣлѣ и, всѣмъ, въ одно время, 1-го апрѣля пред-
 ложилъ Подольской консисторіи объявить духовенству, между про-
 чимъ, нижеслѣдующее распоряженіе: „По примѣру сельскихъ на-
 родныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народна-
 го просвѣщенія, установить время говѣннѣ всѣмъ учащимъ и уча-
 щимся въ церковно-приходскихъ школахъ на одной недѣлѣ вели-
 каго поста, и настаивать на непремѣнномъ исполненіи этого поряд-
 ка, какъ школами церковно-приходскими, такъ и сельскими народ-
 ными. Временемъ говѣннѣ для учащихся и учащихся въ сельскихъ
 народныхъ училищахъ должна быть страстная седмица, согласно
 распоряженію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, первые четы-
 ре дня, а временемъ говѣннѣ для учащихся и учащихся въ церков-
 но-приходскихъ и школахъ грамотности можетъ быть назначена пер-
 вая седмица великаго поста или тѣже дни страстной седмицы, какъ
 время, въ которое меньше бываетъ говѣдильниковъ возрастныхъ и по-
 тому болѣе свободное для наставленій и руководства дѣтей со сто-
 роны священниковъ. Во всѣ дни недѣли, назначенной для говѣннѣ
 дѣтей какъ на первой, такъ и на страстной, должны быть неот-
 ложно совершаемы положенныя по церковному уставу службы, подъ
 опасеніемъ строгой отвѣтственности для священниковъ за неиспол-
 неніе. Объ исполненіи сего и о числѣ говѣющихъ дѣтей по каж-

дому приходу отдѣльно отъ родителей въ назначенные дни благочинные обязываются прописывать особою статьею въ годовыхъ отчетахъ. А о неисполнившихъ сего распоряженія священникахъ благочинные обязываются доносить по окончаніи великаго поста немедленно.

— Въ религіозно-нравственномъ состояніи православныхъ указываются весьма прискорбныя стороны. Въ отчетѣ одного изъ благочинныхъ Рижской епархіи за 1887 г., какъ видно изъ „Рижск. Е. В.“, сказано, что въ его благочиніи „большая часть псаломщиковъ весьма холодны къ исправленію обязанности по церкви и мало религіозны; есть даже такіе, которые не умѣютъ или не желаютъ правильно осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ; нѣкоторыми прихожанами весьма рѣдко приносятся дѣти въ церковь“. Другой благочинный доноситъ, что въ двухъ приходахъ практикуется еще общая исповѣдь. Консисторія, разсмѣтрѣвъ эти донесенія, рѣшила: 1) псаломщиковъ, худо рекомендуемыхъ благочинными по настроенію и по службѣ, требовать по очереди въ г. Ригу на недѣлю или на двѣ для испытанія ихъ въ кафедральномъ соборѣ въ религіозно-нравственномъ настроеніи и способностяхъ къ клироснымъ обязанностямъ; 2) священникамъ, совершающимъ общую исповѣдь, строго предписать чрезъ благочиннаго о прекращеніи общей исповѣди, отнюдь недопускаемой православною Церковію. Епархіальный епископъ, Предсвятенный Арсеній, утвердивъ опредѣленіе консисторіи, далъ еще слѣдующую дополнительную резолюцію: „Рекомендовать священникамъ по епархіи внушать прихожанамъ въ своихъ проповѣдяхъ исполнять св. обычай принесенія и приведенія дѣтей въ церковь какъ для молитвы, такъ и для пріобщенія Св. Таинъ. Общая исповѣдь, какъ мнѣ извѣстно, бываетъ и въ другихъ мѣстахъ. Объявить духовенству чрезъ епархіальныя вѣдомости, чтобы оно всемирно старалось о прекращеніи общей исповѣди—этого грѣховнаго обычая; не брало-бы на свою душу чрезъ общую исповѣдь тяжкихъ грѣховъ; а чрезъ одиночную, или личную исповѣдь спасало-бы отъ таковыхъ своихъ прихожанъ“.

— Въ виду крестьянской бѣдности, пристекающей часто отъ отсутствія въ простомъ народѣ свѣдѣній въ ремеслахъ, нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ одной мысли, уже осуществляемой нѣкоторыми дѣятелями по народному образованію. Это—мысль о ремесленныхъ познаніяхъ и навыкахъ, которые должна дать молодому поколѣнію народная школа. Руководясь этою мыслию, одинъ изъ священниковъ г. Конотона при мѣстной церковной школѣ съ января учредилъ занятія ремеслами: столярнымъ, слесарнымъ и пере-

плетнымъ, которыя самъ и преподаетъ, для каковой цѣли купилъ на собственный счетъ необходимые инструменты. Епархіальный училищный совѣтъ одобрилъ „примѣръ заботливости священника не только о наученіи своихъ прихожанъ предметамъ, опредѣленнымъ программю церк.-приходскихъ школъ, но и практическимъ знаніемъ“. Далѣе, по резолюціи Тобольскаго епископа отъ 10 марта текущаго года, при образцовой школѣ Тобольской семинаріи открыты ремесленные занятія. Занятія открыты на жертвуемые ежегодно Знаменскимъ монастыремъ 50 р. и на вносимую въ томъ-же количествѣ сумму, лично отъ себя—по званію попечителя школы, управляющимъ монастыремъ, свящ. К. Пѣтуховымъ, для руководства занятіями приглашены на первое время за небольшое вознагражденіе лица, знающія столярное, сапожное, а также мѣстные кустарныя ремесла (вязаніе мережъ, витіе веревокъ, дѣланіе удочекъ и др.).

— Благодаря трудамъ миссіонерскихъ комитетовъ, братствъ и отдѣльных лицъ изъ духовенства совершилось нѣсколько новыхъ присоединеній къ православію изъ раскола, какъ видно изъ послѣднихъ нумеровъ еп. вѣдомостей. Въ „Ирк. Е. В.“ сообщено о совершившемся въ январѣ присоединеніи изъ единовѣрія къ православной Церкви 24 семействъ (свыше 130 душъ) и объ ожидавшемся присоединеніи еще около 20 семействъ, при чемъ замѣчено, что многіе изъ присоединившихся, за дальностью приходской единовѣрческой церкви (35 верстъ), и раньше совершали требы въ православной церкви. Но, съ другой стороны, есть и такія сообщенія: „Въ отчетномъ 1887 году (говорится въ отчетѣ одного благочиннаго костромской епархіи) никто изъ православныхъ въ расколъ не былъ совращенъ, но и изъ раскольниковъ въ православіе никто не переходилъ. Раскольники обыкновенно разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ родители благословили ненарушимо во вѣки вѣкомъ содержать старую вѣру, вѣру ихъ и отцевъ ихъ не нарушать, а мы поклялись имъ въ томъ, то намъ будетъ неотмолимый смертный грѣхъ перемѣнить старую вѣру родителей нашихъ, ибо мы нарушимъ клятву, данную нами нашимъ родителямъ, и за то лишимся ихъ благословенія и ихъ молитвъ о насъ, къ тому-же они лишатъ насъ и всего наслѣдства; а потому приди хоть ангелъ съ неба да увѣщевай насъ оставить вѣру старую и перейти въ вашу церковь, мы и того не послушаемъ, а не только тебя, отецъ. Видно старая наша вѣра пріятнѣе Богу, что Богъ такъ благословляетъ содержащихъ ее. Посмотри-ко, отецъ, на Григорія-то Климантыча (богача-раскольника, плесскаго купца); самъ-то онъ какъ благоден-

ствуеть да и насъ-то бѣдныхъ не оставляетъ“. Вотъ что священникъ всегда получаетъ въ отвѣтъ на всѣ свои убѣжденія отъ мѣстныхъ сектантовъ нѣтовцевъ и перекрещенцевъ“.

Сектанты, именующіе себя духовными христіанами, по мѣстамъ оказываютъ столь-же слѣпое упорство. Таковы сектанты въ одномъ оренб. приходѣ, о которыхъ въ одномъ изъ благотворительныхъ отчетовъ по оренбургской епархіи за 1887 г. сказано, что они и сами отказываются и другихъ стараются отклонить отъ собесѣдованій съ приходскимъ православнымъ священникомъ. Это тѣмъ прискорбиѣе, что религіозныя представленія ихъ проникнуты крайнимъ раціонализмомъ: „они Сына Божія не признаютъ за Богочеловѣка, а считаютъ Его обыкновеннымъ человѣкомъ, происшедшимъ даже отъ незаконной, грѣховной связи, но въ послѣдствіи только за чистоту жизни сдѣлавшимся Сыномъ Божиимъ, не по рожденію, а по особенному обильному присутствію въ Немъ Духа Божія“. Само собою разумѣется, что православную Церковь и вселенскіе соборы они осуждаютъ за нововведенія и обрядность, которой прежде будто и не было, таинства не принимаютъ и никакихъ постовъ не соблюдаютъ. Впрочемъ, въ слѣдствіе дѣйствій мѣстнаго священника, число сектантовъ въ означенномъ приходѣ сократилось. („Церк. Вѣстн.“)

— Въ Москвѣ, образовалось и уже открыло свои дѣйствія „Общество попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ“. Появленіе этого общества вызвано тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ какомъ находились дѣти въ разнаго рода торговыхъ, ремесленныхъ и промышленныхъ заведеніяхъ столицы и ея окрестностей, а также у отдѣльныхъ предпринимателей—содержателей хоровъ, увеселительныхъ заведеній, фокусниковъ, мнимо нищихъ, страствующихъ музыкантовъ и т. п. Случайные судебные процессы о тѣхъ истязаніяхъ и лишеніяхъ, которымъ подвергались у подобныхъ содержателей отданныя на ихъ попеченіе дѣти, заставляли содрогаться каждого и серьезно призадумываться какъ о судьбѣ этихъ дѣтей, такъ и о тѣхъ нравственно-соціальныхъ результатахъ, которые несомнѣнно получались отъ такой системы физическаго и нравственнаго растлѣнія цѣлыхъ десятковъ тысячъ дѣтей, будущихъ гражданъ. Теперь всякій, кто только узнаетъ о несчастномъ положеніи подобныхъ дѣтей, можетъ тайно или явно заявить обществу, которое и принимаетъ надлежащія мѣры къ пресѣченію зла. Обсуждая этотъ вопросъ, „Сынъ Отеч.“ проводитъ ту мысль, что защита и охрана дѣтей должна составлять достоинство не отдѣльнаго только класса людей или особаго общества, но обяза-

вость каждаго челоѣка. Достигнуть этого газета полагаетъ удобнѣе всего чрезъ развитіе церковно-приходскихъ попечительствъ и передачу въ ихъ вѣдѣніе подобныхъ дѣлъ. „Дѣятельность существующихъ нынѣ въ столицахъ церковно-приходскихъ совѣтовъ, говоритъ газета, оказалась весьма гуманною и благотворною. Въ самомъ непродолжительномъ времени своего существованія, они понастроили при церквахъ богадѣльни для своихъ больныхъ и убогихъ прихожанъ, посадили школы и пріюты для дѣтей, даютъ пособія бѣднымъ и забываются о томъ, чтобы пристроить своихъ прихожанъ въ занятія и тѣмъ предоставить бѣднымъ людямъ кусокъ наущнаго хлѣба. Каждый церковно-приходскій совѣтъ, не смотря на всѣ расходы по своимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, имѣетъ еще и свой запасный капиталъ. При такомъ разностороннемъ характерѣ дѣятельности названныхъ совѣтовъ, защита и охрана дѣтей для нихъ не составили бы большого труда, если только для этой цѣли будетъ выработанъ правительственный уставъ. Гуманное обращеніе съ провинившимися прихожанами могло бы значительно повліять на смягченіе нравовъ народа, особенно въ деревняхъ и селахъ, гдѣ всего чаще встрѣчаются грубость, жестокость и невѣжество. Тогда бытъ можетъ, не потребовалось бы даже составлять еще какія-либо особыя общества для защиты дѣтей отъ истязателей“.

— Въ е. Салцѣ, ровенскаго уѣзда, прошлой осенью умеръ одинъ крестьянинъ, оставившій молодую еще жену, двухъ ребятъ и хозяйство. Чтобы не разстроилось хозяйство, молодая вдова тотчасъ прискакала себѣ сожителя и въ мясовдѣ, предъ великимъ постомъ, сочеталась съ нимъ законнымъ бракомъ. Но съ тѣхъ поръ, по рассказамъ, началъ ходить въ молодой женѣ умершаго старшій мужъ во образѣ чернаго кота — для постороннихъ, а для жены — въ своемъ настоящемъ видѣ. Жена долгое время скрывала посвященія покойника, но, наконецъ, въ одну прекрасную ночь молодой мужъ поймалъ около жены злополучнаго чернаго кота, который въ борьбѣ искусалъ руки сожержику и поранилъ грудь женѣ. После этого жена открылась мужу и бабамъ. Бабы посоветовали женѣ отрѣзать косу, отправиться на кладбище на могилу мужа и воткнуть ее туда съ разными причитаніями, а ночью не тушить огня и не выходить изъ дома. Тогда покойникъ началъ ходить вокругъ дома и производить шумъ. Бабы посоветовали мужу обратиться къ знахарю, но онъ не рѣшался оставить свою молодую супругу. Наконецъ, скрѣпя сердце, онъ пошелъ готовить лодку для поѣздки, предварительно онъ обвелъ избу кругомъ чертою и при входѣ воткнулъ

косу въ землю. Но въ это время мертвецъ успѣлъ проскользнуть въ заколдованный кругъ. Вдругъ раздались страшные вопли въ избѣ. Когда прибѣжали люди, то встали жену испаряпающею и избитою на порогѣ, безъ чувствъ. Въ окнѣ всѣ стекла оказались разбитыми. Приведенная въ чувство женщина, рассказала, что покойникъ, съ косою въ рукѣ, ворвавшись въ избу, началъ ее бить и затѣмъ хотѣлъ утащить, но когда прибѣжали люди, то онъ бросилъ ее на порогѣ, и самъ кинулся въ окно и исчезъ. Приглашенный исповѣдывать больную священникъ объяснилъ прихожанамъ, что вся эта исторія есть ничто иное, какъ бредъ больной, у которой оказалась бѣлая горячка. Последнее происшествіе, какъ разъ совпадаетъ со временемъ перелома болѣзни. Теперь больная находится на пути къ выздоровленію. („Кіевск. Сл.“).

— Интересный случай имѣлъ недавно мѣсто въ Петербургѣ, не задолго до отъѣзда митр. Платона въ Кіевъ. Митрополитъ присутствовалъ на богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ. Настоятель его, подойдя къ митрополиту Платону, передалъ, что двое англичанъ, изъ которыхъ одинъ священникъ, пресвитеріанской церкви, желали бы получить благословеніе архипастыря и испрашиваютъ на то его согласія. Высокопреосвященный владыка изъявилъ на это свое согласіе.

Когда они подошли къ архипастырю, то митр. Платонъ, благословляя ихъ, произнесъ слѣдующія слова: „во имя единого, общаго, всѣмъ намъ истиннаго Бога, благословляю васъ, желая вамъ всего хорошаго“ и затѣмъ присовокупилъ: „Надѣюсь, что тѣ перегородки, которыя мы сами создали здѣсь, на землѣ, для разграниченія разныхъ вѣроисповѣданій одной истинной христіанской Церкви, еще не доросли до неба и потому, полагаю, не помѣщаютъ дойти до Бога тому благословенію, которое ниспосыдаю я на васъ во имя Христа, и благословляю васъ, какъ братьевъ по Христу“.

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на англичанъ. „Петербургскій Листокъ“ передаетъ даже, что означенные англичане на столько проникнулись уваженіемъ къ нашему архипастырю и къ исповѣдуемой имъ православной вѣрѣ, что возымѣли намѣреніе присоединиться къ православію.

— Къ числу мѣстъ, гдѣ св. князь Владиміръ, озаренный свѣтомъ христіанской вѣры, поставилъ памятники распространяемой имъ по Руси этой новой для нея истинной вѣры, служившей всегда проводникомъ трезвой народной жизни, принадлежитъ г. Васильковъ, изстари называвшійся мѣстечкомъ „Васильево“. Здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, первый христіанскій князь на Руси воздвигъ храмъ

Преображенія Господня въ 997 году, по слѣдующему случаю: Въ 996 году печенѣги сдѣлали набѣгъ на кіевскую область; Владиміръ встрѣтилъ варваровъ въ Васильковѣ и былъ здѣсь разбитъ на голову. Скрывшись подъ мостомъ, онъ далъ обѣтъ построить церковь, если избѣжитъ рукъ враговъ. Это случилось въ день Преображенія Господня. Печенѣги вдругъ отступили и Владиміръ черезъ годъ воздвигъ здѣсь церковь Преображенія и на радостяхъ устроилъ большой пиръ, продолжавшійся 8 дней. Созвавъ изъ городовъ всѣхъ старѣйшинъ, Владиміръ приказалъ наварить меду, который больнымъ и убогимъ развозили по городу, а также продалъ бѣднымъ милостыни 30 гривенъ. Здѣсь-то дружина упрекнула князя, что онъ пируетъ съ нею не на серебрѣ. „Была-бы дружина славная, а съ нею добудемъ и серебро“ — отвѣчалъ князь и тотчасъ приказалъ сдѣлать серебряную посуду.

Васильковъ, ближайшій къ Кіеву — въ 37 верстахъ — уѣздный городъ, основанъ Владиміромъ святымъ для защиты Кіева съ юга отъ нападеній степныхъ варваровъ. Владиміръ любилъ это мѣсто и здѣсь, среди дремучаго лѣса, построенъ былъ имъ теремъ, гдѣ онъ часто веселился со своею дружиною во время охоты, почему и называлъ его „веселое Васильево“ — по своему христіанскому имени. Въ 1157 году сынъ кіевского князя Юрія Владиміровича Василько, получившій отъ отца въ удѣлъ Порусье, вмѣстѣ съ Васильевымъ, назвалъ послѣднее Васильковымъ. Въ 1240 году Васильковъ одновременно съ Кіевомъ былъ разрушенъ Батыемъ. Затѣмъ Васильковъ вмѣстѣ съ Кіевомъ испытывалъ одинаковыя бѣдствія: завоеванія Литвою, состояніе подъ игомъ Польши, грабежи и разоренія татаръ, запорожцевъ и поляковъ. Въ 1686 году Васильковъ Польшею возвращенъ Россіи и новая граница отстояла на одну лишь версту. Въ 1797 году при императорѣ Павлѣ, онъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ. Василькову, какъ городу, тѣсно связанному исторически съ именемъ князя и по воспоминаніямъ его просвѣтительной дѣятельности, слѣдовало-бы къ предстоящему торжеству юбилея устроить въ городѣ что-либо съ религіозной цѣлью — почтивъ память князя-просвѣтителя. („Кіевск. Сл.“).

— Священникъ М. Озеровъ сообщаетъ въ „Тамб. Еп. Вѣд.“ о слѣдующемъ случаѣ вразумленія свыше, что Пресв. Дѣва Марія есть истинная Богородица. Въ пятидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія въ г. Тамбовѣ были самые богатые купцы — братья Поляковъ. Они вели большую торговлю по всѣмъ отраслямъ коммерціи и были громадными хлѣбопосѣвщиками. Эти богатые купцы были

молокане-субботники и, понеже, при всякомъ удобномъ случаѣ пропагандировали свои убѣжденія служащимъ у нихъ православнымъ христіанамъ, которыхъ у нихъ, по ихъ большому торговому дѣлу, было не мало. Въ числѣ служащихъ былъ и крестьянинъ моршанскаго уѣзда Андрей Степановъ Дуденковъ. По выслушаніи воѣхъ „гнѣлыхъ словесъ“ Якова Полякова въ подтвержденіе своихъ еретическихъ мнѣній о лицѣ Пресвятой Дѣвы Маріи, въ душѣ Дуденкова зародилось почти полное сомнѣніе въ томъ, что Пресвятая Дѣва Марія есть истинная Богородица. Въ этомъ состояніи Дуденковъ оставался болѣе трехъ лѣтъ. Но чудодѣйственный случай разсѣялъ сомнѣніе и убѣдилъ Дуденкова, что Пресвятая Дѣва Марія есть истинная Матерь Божія—Богородица. Это событіе, оарившее Дуденкова свѣтомъ истинной вѣры, совершилось въ концѣ апрѣля мѣсяца 1853 года. Находясь при весеннемъ посѣвѣ на арендномъ участкѣ Поляковыхъ на степи графа Күшелева-Везбородко, Дуденковъ получилъ отъ Якова Ивановича приказаніе пожечь всѣ прошлогодніе ометы соломы. Ометовъ было 13, громадной величины, и всѣ они стояли концами къ тесовому, крытому соломой, балагану, засыпанному хлѣбомъ и отстоящему отъ нихъ саженьей на пять. Дождавшись попутнаго вѣтра—отъ балагана, Дуденковъ зажегъ вдругъ всѣ 13 ометовъ. Погода была теплая и сухая, и ометы моментально занялись сильнѣйшимъ пламенемъ. Дуденковъ смотрѣлъ и любовался, съ какою силою рвался въ воздухъ огонь—эта страшная стихія. Но вдругъ къ удивленію и ужасу Дуденкова начинается измѣняться направленіе вѣтра, дѣлая поворотъ на балаганъ съ хлѣбомъ. Сначала дымъ сталъ захватывать одинъ уголъ балагана; потомъ сталъ покрывать половину его, а чрезъ нѣсколько секундъ дымъ съ падающими искрами огня застилалъ уже весь балаганъ. Дуденковъ совсѣмъ растерялся и, не зная что дѣлать, вскакиваетъ на крышу балагана и садится на самомъ ея верху, не имѣя при этомъ въ виду спасать балаганъ, при полной къ тому невозможности. Тутъ еще очевиднѣе была для Дуденкова неизбежная гибель балагана съ хлѣбомъ: онъ видѣлъ какъ на соломенную его крышу цѣлыми массами падали пучки горячей соломы; смотря на это съ ужасомъ, Дуденковъ забылъ и про себя,—не понималъ, что онъ, сидя на крышѣ балагана, рискуетъ спортъ самъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Дуденкову приходитъ на помощь счастливая мысль обратиться къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Видно еще оставалась искра вѣры и надежды христіанской въ добромъ сердцѣ Дуденкова. И вдругъ онъ восклицаетъ: „Пресвятая Дѣва!

Если Ты дѣйствительная Богородица, спаси меня отъ этой бѣды, я всегда буду въ Тебя вѣровать и почитать какъ Богородицу!" Сиротка Помощница христіанъ не отинула голоса скорбящей въ бѣдѣ души, жаждущей истинной вѣры. Едва успѣлъ Дуденковъ прогворить обращенныя къ Богоматери слова, какъ вдругъ, съ страшнымъ ревомъ, вѣтеръ принимаетъ прежнее свое направление отъ балагана и съ такою силой, что съ Дуденкова сорвало вѣтромъ фуражку и самъ онъ едва удержался на крышѣ. Послѣ этого не перемѣнилось уже направление вѣтра и такъ сторѣли до тепла все ометы. При разказѣ объ этомъ необыкновенномъ случаѣ хозяину, Дуденкову снова пришлось выслушать отъ него разныя хулы на Богоматерь; при чемъ Поляковъ старался увѣрить Дуденкова, что этотъ случай обыкновенный, зависящій отъ простой перемѣны вѣтра, — но безуспѣшно. Дуденковъ уже окрѣпъ въ своемъ убѣжденіи, и самъ разсказывалъ всѣмъ про этотъ случай, какъ про чудо совершившееся по милости Божіей для его въздвигенія. Послѣ этого случая съ души Дуденкова свалилось какъ бремя сомнѣніе относительно почитанія Пресвятой Богородицы, и онъ до настоящаго времени есть истинный христіанинъ и послушный сынъ Церкви, исполняющій съ любовью и усердіемъ все христіянскія обязанности. Поляковы давно сошли съ коммерческой сцены при полной бѣдности; а Дуденковъ, не измѣняя своей профессіи, живетъ, благоденствуетъ.

— Императорское общество любителей древней письменности издало одинъ изъ любопытнѣйшихъ и цѣнныхъ памятниковъ — *„сказаніе о новоявленнхъ чудесахъ иконъ Сербія“*, издѣванное до сихъ поръ по одному списку, находящемуся въ сборникѣ библиотекки московской духовной академіи (№ 208). Книга о чудесахъ (прест. Сербія) какъ ясно изъ многихъ ея мѣствъ, составлена не Маремъ (Продисъ Сербіева монастыря, Симономъ Азарвиннымъ. Старецъ Симонъ — крѣпко достаточнѣе извѣстное въ нашей ученой литературѣ, какъ авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ произведеній. Почти вся жизнь С. Азарвина прошла въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ или на службѣ ему: около 1625 года пришелъ онъ въ монастырь и нѣсколько лѣтъ былъ келейникомъ архимандрита Діонисія; въ августѣ 1630 г. взятъ былъ въ назначен. келейной казны патріарха Филарета и былъ въ этой должн. до апрѣля 1631 года; затѣмъ былъ отправленъ строителемъ Троицкаго, въ городѣ Алатырь, монастыря, приписаннаго къ Троице-Сергіеву монастырю и пробылъ тамъ до 1633 года. Вслѣдъ за этимъ, вернувшись въ Лавру, онъ послѣдовательно прошелъ должности казначея и келаря Троице-Сергіе-

ва монастыря. Не позднѣе однако 1654 года онъ уже сложилъ съ себя званіе келаря и жилъ; не неся опредѣленной должности, въ монастырѣ, гдѣ умеръ и погребенъ въ 1665 г. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ передалъ вкладомъ въ Троице-Сергіевъ монастырь свои рукописи, которыхъ у него было довольно много. Между этими рукописями была и та, въ которой сохранилась нынѣ изданная „Книга о чудесахъ преподобнаго Сергія“. Литературная дѣятельность Симона Азарьина относится къ концу сороковыхъ годовъ XVII вѣка. Открывается она работами по печатанію житія преп. Сергія въ 1646 г. Для печатнаго изданія житія Симонъ записываетъ новоявленные чудеса святаго, и затѣмъ, когда ему не удалось помѣстить всего записаннаго въ печатную книгу — не бросаетъ этого дѣла. Поощренный вниманіемъ царя Алексѣя Михайловича къ его труду, онъ продолжаетъ собирать извѣстія о чудотвореніяхъ преп. Сергія и записываетъ ихъ. Послѣдними по времени записями являются у него записи о чудесахъ 7161 (1654) г. Этотъ годъ и можно считать временемъ окончанія труда Симона Азарьина. Въ тѣ-же года (1646—1654) онъ работаетъ надъ житіемъ Діонисія и заканчиваетъ его также въ 1654 г. Къ этому-же году (или немногимъ позже) составлена была и „Повѣсть о разореніи московскаго государства“.

Памятникъ напечатанъ подъ наблюденіемъ С. Ѡ. Платонова и снабженъ тремя факсимиле, дающими понятіе о видѣ самой рукописи. („Воскр. День.“).

— Въ „Пензенскихъ Епарх. Вѣд.“ напечатанъ съ разрѣшенія преосвященнаго Антонія, согласно постановленію совѣта Иннокентіевскаго просвѣтительнаго братства, рассказъ изъ жизни бывшаго старообрядца, Пензенской губерніи, городищскаго мѣщанина Евфима Димитріева Тужилкина, проживающаго въ деревнѣ Боржовкѣ, павловской волости. Здѣсь, между прочимъ, Тужилкинъ сообщаетъ, что когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, въ это время пріѣхалъ, скрывавшійся семь лѣтъ на Волгѣ, крестьянинъ села Архангельскаго Куракина Василій Алексѣевъ Дубровинъ въ иночествѣ Варлаамъ. Онъ склонилъ Тужилкина удалиться къ нему въ келью и затѣмъ искусно эксплуатировалъ его умѣнье писать. „Дальнѣйшая жизнь моя у Варлаамъ, рассказываетъ Тужилкинъ, состояла въ томъ, что я постоянно писалъ октаи и крюковыя ноты, за что намъ платили не менѣе 25 рублей. Впрочемъ изъ этихъ денегъ я ни одною копѣйкою не пользовался; ихъ забиралъ одинъ Варлаамъ. Для него было весьма пріятно держать меня у себя, потому что

народу съ заказами стало ходить много. Вообще кому какая книга понадобится, приходили къ о. Варлааму и заказывали написать, и по его мѣнью выходило, что всякая книга, писанная нами, была святая. Если же кто покупалъ книгу единовѣрческую, то обязательно приносили о. Варлааму, онъ по-христіански ее обдѣлывалъ, т. е. переплеталъ по-своему, затѣмъ вымывалъ въ святой, якобы, водѣ, и она дѣлалась древней, патриаршей! Для этой цѣли онъ всегда въ большомъ количествѣ заготовлялъ курушиннаго дерева, снималъ съ него кору, варилъ ее въ котлѣ съ водой, затѣмъ обмакивалъ въ эту воду каждую тетрадь, развѣшивалъ ихъ на веревкѣ сушить и наконецъ переплеталъ. Одинъ старообрядецъ спросилъ однажды Варлаама, для чего онъ такъ дѣлаетъ? Тотъ ему отвѣтилъ: „намъ, христіанамъ, писаніе не велитъ принимать отъ еретиковъ книги, а если случится у кого такая книга, то прежде чѣмъ по ней молиться, должно святить ее“. Съ этого времени каждый старообрядецъ съ своею новокупленной книгой обращался къ о. Варлааму. И онъ такъ искусно ихъ обдѣлывалъ, что не подумаешь, что эта книга новая: все листы отъ курушиной воды закрасятся и будутъ желтаго цвѣта, и книга дѣйствительно дѣлалась какъ бы древней и патриаршей!

Вотъ какими продѣлками занимаются столбы мнимо древняго православія! (Церк. Вѣстн.).

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ помѣщены весьма любопытныя воспоминанія Е. Маркова объ его путешествіи во Св. Землю. Особеннымъ интересомъ отличается описаніе свиданія автора съ Іерусалимскимъ патриархомъ. Вотъ какъ описываетъ г. Марковъ свой визитъ къ блаженнѣйшему Никодиму:

„...Высокая савоитая фигура патриарха разомъ поднялась съ кресла и сдѣлала нѣсколько шаговъ мнѣ на встрѣчу.. Патриархъ Никодимъ—совсѣмъ еще бодрый и молодежавый человѣкъ мужественнаго вида, съ энергическимъ и нѣсколько гнѣвнымъ взглядомъ черныхъ, какъ угли, глазъ, съ черною бородою, черными волосами, весь одѣтый въ черное.

„На головѣ его низенькая черная камилавка съ расширеннымъ дномъ обычнаго греческаго образа, а на плечахъ черная мѣховая шубка сверхъ черной рясы. Въ такой-же мѣховой шубкѣ сидѣлъ около патриарха и митрополитъ Петръ Аравійскій. Очевидно, этотъ мѣхъ—не столько необходимъ въ теплые дни апрѣля, сколько составляетъ условіе савовитости.

„Патриархъ осѣнилъ меня широкимъ размахистымъ благословеніемъ и ласково пригласилъ на стоявшее передъ нимъ кресло.

„Патріархъ Никодимъ очень долго жилъ въ Россіи, изобразъ Россією и отлично говоритъ по-русски, хотя, конечно, съ нѣкоторымъ акцентомъ. У насъ оказалось много общихъ русскихъ знакомыхъ и вообще его блаженство съ большою симпатією вспоминалъ свою русскую жизнь въ Бессарабіи, въ Москвѣ, въ Одессѣ. Но мѣня, конечно, болѣе всего интересовали дѣла здѣшней Церкви.

„— Удивляюсь, какъ это христіанскія державы, послѣ столькихъ войнъ, побѣдъ и мирныхъ трактатовъ, при такомъ всеильномъ вліяніи на Турцію, не могли выговорить себѣ въ полную собственность хотя-бы одинъ Іерусалимъ, не говоря уже всѣ святыя мѣста, — высказалъ я его блаженству занимавшую меня мысль.

„Энергическій патріархъ чуть не подскочилъ на своемъ креслѣ отъ изумленія и испуга.

„— Что вы, что вы! Да избави насъ отъ этого во вѣки, Милосердый Господь! — вскрикнулъ онъ, сверкая глазами. — Для насъ нѣтъ опаснѣе врага, какъ Европа. Что разъ попадешь въ руки англичанъ или французовъ, съ тѣмъ уже надо намъ проститься навсегда. Вы представить себѣ не можете, съ какимъ страшнымъ трудомъ приходится намъ отбиваться здѣсь отъ напора латинства и лютеранства, особенно латинства. Они настойчиво, не по нашему, не жадуютъ ни труда, ни денегъ. Они и силою и хитростію вырываютъ у насъ нашу слабую въ православіи шкуру. Турки сравнительно съ ними — наши спасители, особенно темерь. Пригнѣснять серьезно уже не смѣютъ. Россіи боятся, стади безсильны, а жамъ вездѣ довѣряютъ, по старой привычкѣ, больше, чѣмъ латинцамъ. Все-таки мы имъ свои въ нѣкоторомъ родѣ, подданные члѣ, — снисходительно улыбнулся патріархъ.

„— Пока Турція стоитъ, до тѣхъ норъ и мы тутъ хозяева, до тѣхъ норъ святыни православія въ нашихъ рукахъ. Вотъ другое дѣло, когда перейдетъ современемъ турецкое наследство въ православныя руки. Этому, разумѣется, неминуемо быть когда-нибудь. — А пока нужно молить Бога, чтобы святыя мѣста не уходили изъ подъ турецкой власти“.

Въ разговорѣ о поддержкѣ со стороны Россіи патріархъ заявилъ о своей преданности нашему отечеству.

„— Въ Россіи, — говорилъ онъ, — стараются выставить меня какимъ-то недругомъ русскихъ. А тутъ меня считаютъ не греческимъ, а русскимъ, потому что я русскій ставленникъ и жилъ долго въ Россіи. Могу-ли я быть недругомъ русскихъ? Но мнѣ дорого единство Церкви, и я думаю, что въ Святомъ Градѣ не должно быть

двухъ православныхъ церквей и двухъ православныхъ интересовъ“.

О матеріальной поддержкѣ со стороны Россіи конь выразился слѣдующимъ образомъ:

„Вы говорите: помогаетъ Россія. Конечно, у насъ почти всѣ богомольцы русскіе; преже рѣдко приходятъ, румыны тоже, потому что тамъ бѣдность. Только напрасно думаютъ, что Святый Гробъ такъ много получаетъ изъ Россіи. Мы собственно изъ Россіи ровно ничего не получаемъ, не посылаемъ никого на сборъ, и даже я Синоду вашему писалъ, чтобы не вѣрили тѣмъ монахамъ, что собираютъ нашимъ именемъ. А богомольцы, конечно, приносятъ, но не особенно много. Вояты тоже рѣдки. А вотъ есть у насъ въ Россіи святогробскія имѣнія, ими больше и содержимся. Я самъ былъ управителемъ нашихъ Бессарабскихъ имѣній, за истомъ завѣдывалъ Московскимъ Иерусалимскимъ подворьемъ, съ титуломъ митрополита Фаворскаго. Ну чтожъ, действительно получаемъ тысячь 140 рублей съ Бессарабскихъ имѣній, тысячь восемь съ Московскаго подворья, да тысячи двѣ за тифлисскіе дома—вотъ и всѣ главныя доходы Святаго Гроба. Есть еще у насъ въ Турціи, въ Греціи имѣнія, но тѣ мало даютъ дохода, тѣхъ хоть бы и не считать“.

Для лицъ, интересующихся древнимъ русскимъ церковнымъ пѣніемъ, вѣроятно, не безынтересно будетъ узнать, что въ библиотекѣ Петропавловской церкви въ городѣ Сердободѣ, въ Финляндіи, имѣется рукописный обходъ церковнаго пѣнія, содержащій въ себѣ 777 страницъ текста, въ фоліо листа. Книга переплетена въ окрѣпленный переплетъ; она подобна церковно-бюрослужебнымъ книгамъ, и очень бережливо сохранена. На первомъ изъ первыхъ листовъ написано заглавіе книги: „Каноны праздникамъ и святымъ“, на другомъ слѣдующая надпись: „Сія книга истная, дана въ церковь преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца, что въ Санктпетербургѣ въ кушкаряхъ при священникѣ Ігнатіи Василіевѣ 1745 года, отъ поручика артилеріи Івана Дезорова, въ помяну по котораго истинно суть книга сія, иже бысть уставникъ пѣнія, во днѣхъ великаго Государя Императора всероссійскаго Петра перваго. (На слѣд. стр.). Въ ней каноны праздничныя и святымъ, (Другими чернилами) Трезвоны“. Книга содержитъ въ себѣ праздничныя тропари, ирмосы, тропари и катавасіи каноновъ съ сѣдальными, кондаками и припѣвами на 9-й пѣснь, свѣтильны и эксапостиларіи на праздники Рождества Богородицы, Воздвиженія креста, Сергія чудотворца, Введенія во храмъ пресв. Богородицы, св. апостола Андрея

Первозваннаго (озаглавлено: Трезвонъ святому апостолу Андрею Первозванному), Рождества Христова, Богоявленія, Срѣтенія Господня, Алексѣя челоуѣка Божія, Благовѣщенія, недѣли Вай, Пасхи, Вознесенія Господня, св. апостоловъ Петра и Павла (первыя 4 пѣсни вырваны), Преображенія, Успенія, св. мучениковъ: Адріана и Наталіи 26 августа. Къ послѣднему канону приложенъ тропарь мученицъ Наталіи съ кружковыми нотами: („Церк. Вѣстн.“).

— Извѣстно, что въ крестьянскомъ быту свадьба служитъ поводомъ къ самому неумѣренному пьянству, простирающемуся иногда до двухъ недѣль. Помимо своего нравственнаго безобразія, обычай этотъ крайне вреденъ въ экономическомъ отношеніи, побуждая крестьянъ, не желающихъ ударить лицомъ въ грязь предъ односельчанами, продавать за безцѣнокъ необходимые въ хозяйствѣ предметы и входить въ неоплатные долги, съ цѣлью пріобрѣтенія денегъ на покупку водки. Чтобы уменьшить пьянство и разгулъ, одинъ священникъ Слонимскаго уѣзда, по словамъ „Лит. Еп. Вѣд.“, прибѣгнулъ къ слѣдующей мѣрѣ: Онъ потребовалъ, чтобы свадьба продолжалась не болѣе двухъ дней (вмѣсто двухъ недѣль), а чтобы требованіе исполнялось, сталъ брать при бракѣ въ залогъ три рубля; съ тѣмъ, чтобы за гульбище болѣе 2-хъ дней залогъ поступалъ въ церковь. Лучшая часть прихожанъ съ радостію приняла мѣру священника. Прогулявъ два дня (въ самый день брака и слѣдующій), хозяйки, прикрываясь залогомъ, отправляютъ гостей и получаютъ обратно трехрублевку. Но пьяницамъ новшество крайне не нравилось: негдѣ попить. А тутъ за просрочку то одного, то другого жениха залогъ поступилъ на ремонтъ церкви. Жидки, само собою, зашевелились: для нихъ при новшествѣ существованіе немислимо. Для поддержанія своихъ доходовъ они взбунтовали недовольныхъ и пьяницы грозятъ жалобою на священника: молъ, такъ и такъ, батюшка и старые обычая искореняетъ и прихожанъ обдираетъ.

— Въ „Кіевск. Епарх. Вѣд.“ въ разрѣшеніи вопроса о томъ, кому принадлежитъ сѣно, растущее на церковныхъ кладбищахъ, напечатано слѣдующее распоряженіе епархіальнаго начальства: Въ виду того, что въ многихъ приходяхъ возникаютъ между причтами и прихожанами пререканія о томъ, кому принадлежитъ сѣно, произрастающее на кладбищѣ, священнику или обществу, объявить чрезъ Епархіальныя Вѣдомости во всеобщее свѣдѣніе, что какъ церковное кладбище есть принадлежность церкви и не составляетъ собственности ни причта, ни общества, то и сѣно его должно чрезъ продажу обращаться или въ пользу церкви, или на улучшеніе са-

маго кладбища и никакимъ образомъ не должно быть мѣстомъ пастбища ни для чьего скота.

— Въ послѣднее время среди русскаго общества стало все болѣе и болѣе распространяться сознаніе пользы страхованія жизни на случай смерти, въ особенности для лицъ съ ограниченными средствами. Человѣку, достаточно обеспеченному, нѣтъ особенной надобности страховать свою жизнь: онъ знаетъ, что послѣ его смерти семья его не подвергнется нуждѣ или даже лишеніямъ. Для чело- вѣка же, существующаго исключительно личнымъ трудомъ, не имѣющаго притомъ возможности обезпечить свою семью; вопросъ о страхованіи жизни долженъ имѣть, несомнѣнно, громадное значеніе. Сознаніе, что послѣ смерти главы семьи члены ея живущіе на добываемыя имъ средства, принуждены будутъ терпѣть нужду и лишенія, лежитъ всегда тяжелымъ бременемъ на душѣ всякаго отца и мужа, заботящагося о своей семьѣ. Откладывать изъ своего бюджета что нибудь на черный день хотя и практикуется многими, но зачастую благое намѣреніе это не даетъ желанныхъ результатовъ: по большей части сбереженія достигаютъ очень незначительныхъ размѣровъ и тратятся весьма скоро, такъ какъ въ жизни людей съ скромными средствами черные дни, требующіе экстраординарныхъ расходовъ, случаются сплошь и рядомъ. Гораздо рациональнѣе предлагаемое разными существующими въ Россіи страховыми обществами страхованіе жизни на случай смерти. Жаль только, что условія этого страхованія въ существующихъ обществахъ далеко не по карману недостаточному люду. Такъ напр., вступающій въ возрастъ 20 лѣтъ, даже въ одномъ изъ самыхъ дешевыхъ обществъ, платитъ въ годъ премію около 20 рубл. за каждую тысячу руб., которая можетъ быть выдана послѣ его смерти его наслѣдникамъ; чело- вѣкъ же въ возрастъ 45 лѣтъ платитъ 47 р. съ тысячи руб. Сумма довольно значительная для чело- вѣка съ небольшими средствами. Далѣе, страхователь подвергается тщательному медицинскому осмотру, и съ не вполне удовлетворительнымъ здоровьемъ (а кто нынѣ вполне здоровъ?) къ страхованію вовсе не принимаютъ. Наконецъ, нѣтъ вполне обезпечивающихъ гарантій въ томъ, что злоупотребленія или кражи, столь частыя въ наше время, не поставятъ страховое общество въ невозможность уплатить наслѣдникамъ страховую премію. Въ виду такихъ неудобствъ страхо- ванія жизни въ частныхъ обществахъ, весьма важнымъ является вопросъ объ устройствѣ взаимнаго страхованія жизни, подобно устроен- ному во многихъ городахъ взаимному страхованію имуществъ отъ огня.

Первый начинъ въ этомъ дѣлѣ сдѣланъ въ Смоленскѣ. Тамъ образовано „общество взаимнаго страхованія на случай смерти“, составленъ уставъ, который представленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что утвержденіе устава такого полезнаго учрежденія не встрѣтитъ въ министерствѣ препятствій, и Смоленску будетъ принадлежать честь первоначальной въ столь важномъ дѣлѣ, какъ взаимное *страхованіе на случай смерти*. Смоленское общество учреждается на слѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ члены дѣлятся на три группы, каждая въ 5,000 человекъ, обязывающихся, въ случаѣ смерти одного изъ членовъ, отдавать въ пользу его наследниковъ единовременные взносы въ слѣдующемъ размѣрѣ: участники 1-й группы по 20 руб., образуя, такимъ образомъ, премию въ 1,000 руб., участники второй группы по 50 коп., образуя премию въ 2,500 руб., 3-й группы по 1 руб., образуя премию въ 5,000 руб. Возрастъ вступающаго ограниченъ 16—50 годами. Для вступленія въ общество не требуется никакого медицинскаго свидѣтельства, но желающій вступить обязанъ письменно отвѣтить на вопросъ: находится ли онъ въ состояніи полного здоровья или же онъ не можетъ быть названъ человекомъ вполне здоровымъ. Если бы вступающій въ общество не нашелъ возможнымъ дать по совѣсти точный отвѣтъ о состояніи своего здоровья, то онъ можетъ представить медицинское свидѣтельство врачей, каковыя укажетъ ему общество. Дабы не перемогать общество членами, которымъ осталось уже немного жить на свѣтѣ, установлено, что въ случаѣ смерти вступающаго въ общество совершенно здоровымъ наследники его получаютъ премию въ полномъ размѣрѣ въ томъ случаѣ, если бы послѣдовавшая, хотя и немедленно по вступленіи въ общество, смерть произошла отъ несчастнаго случая или болѣзни, возникшей послѣ вступленія въ общество; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ полная премія выдается лишь пробывшимъ въ обществѣ не менѣе года. Если умершій вступилъ въ общество не вполне здоровымъ, то премія выдается въ полномъ размѣрѣ, если смерть послѣдовала отъ несчастнаго случая или если онъ пробылъ не менѣе трехъ лѣтъ членомъ общества. Умершіе раньше трехъ лѣтъ получаютъ половинную премию. Для гарантированія исправной уплаты премій и составленія необходимаго капитала, каждый членъ общества вноситъ впередъ двадцать платежей, опредѣленныхъ для той группы, въ которую онъ желаетъ вступить. По мѣрѣ уплаты страховыхъ премій, взносы постепенно пополняются.

Вотъ главнѣйшія основанія новаго дѣла—взаимнаго страхованія на случай смерти. Основанія крайне просты и рациональны. Конечно, на практикѣ могутъ встрѣтиться разнаго рода неудобства, но ихъ легко устранить, благо главныя основанія совершенно правды иди. (Минута⁶).

Каждому образованному человѣку извѣстно, что такое молнію какими послѣдствіями сопровождается, поражение, ея человѣкъ и къ какимъ средствамъ въ подобныхъ случаяхъ должно прибѣгать. Но въ рѣшительный моментъ не каждому эти средства приходятъ въ голову и потому ихъ перечисленіе, сдѣланное въ „Вѣстн. Рос. Общ. Красн. Креста“, не излишне предать возможно широкому разпространенію. Если прозася бурей захватить вѣтъ дома, то не нужно прятаться въ лѣсъ, а тѣмъ болѣе становиться подъ высокія деревья, потому что вѣтанія деревья чаще всего ударяетъ молнія. Гораздо лучше остаться подъ открытымъ небомъ и омокнуть до нитки, нежели подвергать свою жизнь опасности, прячась подъ дерева. Точно также не слѣдуетъ укрываться подъ стогами и становиться у телеграфныхъ столбовъ и крестовъ, потому что всѣ высокія предметы привлекаютъ на себя удары грозы. Въ открытомъ полѣ не слѣдуетъ быстро убѣгать отъ грозы, — лучше идти обыкновеннымъ шагомъ или даже прилечь въ какую-нибудь ложбинку и переждать раскаты грома. Во время бури нельзя держать при себѣ желѣзныхъ предметовъ: кося, пилы, ружья, потому что желѣзо вообще притягиваетъ молнію. Такіе предметы нужно положить подале отъ себя и еще лучше прикрыть какимъ-нибудь тряпьемъ, а никакъ не ставить торчмя. Дома, во время грозы, нужно затворить двери и окна, чтобы не было сквознаго вѣтра, погасить въ печкѣ огонь, чтобы изъ трубы не выходилъ дымъ, на который также устремляется молнія; печь нужно закрыть заслонкою и при ней не стоять. Нѣкоторые прячутся отъ страха подъ перину, но это плохо помогаетъ: были случаи, что молнія пробивала перину. Изъ жилья нужно удалить всѣхъ животныхъ: телятъ, собакъ, кошекъ, потому что ихъ шерсть притягиваетъ грозу. Опасно въ такое время быть на водѣ и даже близко воды, ибо удары чаще устремляются въ воду, чѣмъ въ землю. Такъ какъ въ деревняхъ громоотводовъ не дѣлаютъ, то хорошо имѣть по близости деревни нѣсколько высокіхъ дубовъ или тополей. Когда гроза соберется надъ деревней, то она ударитъ въ эти деревья и тѣмъ бываютъ спасены постройки. Если молнія ударитъ гдѣ-нибудь вблизи человѣка, то она оглушаетъ его (если ударитъ прямо въ человѣка, то уби-

ваесть наловаль). Оглушенный падаетъ, теряетъ сознание, не можетъ двинуть ни рукой, ни ногой. Тутъ требуется быстрая помощь: пораженнаго надо тотчасъ раздѣть, положить на спину, приподнять немного голову и обливать съ высоты холодною водою грудь и лицо, или сильно взбрызгивать; на голову положить мокрую тряпку, мѣняя ее черезъ 3—4 минуты; въ то-же время слѣдуетъ растирать руки и ноги оглушеннаго суконкою или щеткой, пока не появится краснота на кожѣ. Въ ротъ слѣдуетъ влить нѣсколько капель водки и подносить къ носу растертый съ водою хрѣнь. Въ случаѣ, если въ теченіе нѣсколькихъ минутъ дыханіе не замѣтно, нужно присудить нѣ искусственному возбужденію дыханія, для чего слѣдуетъ оглушеннаго положить внизъ лицомъ и, подложивъ ему подъ грудь свернутую одежду, подушку или какой-нибудь мягкій предметъ, — поворачивать на бокъ и потомъ опять ничкомъ, и повторять поворачиваніе до тѣхъ поръ, пока не появится настоящее дыханіе; или-же, взявъ оглушеннаго за руки, выше локтей, поднимать его руки до висковъ, немного потягивая къ верху, потомъ отпускать до бокамъ туловища, въ то-же время надавливая на грудь. Если все это не поможетъ, то нужно выкопать въ землѣ небольшую яму, положить туда оглушеннаго и обсыпать его землею вершка на 3 толщину и такъ оставить часа на два, вытирая въ то-же время лицо водою и поднося къ носу хрѣнь или нашатырный спиртъ. Этими мѣрами обмершій обыкновенно приводится въ чувство. (См. Литтл. Еп. Вѣд.).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

въ 1888 году.

Православный Собесѣдникъ издается по прежней программѣ, въ томъ-же строго-православномъ духѣ и въ томъ-же ученomъ направленіи, какъ издавался доселѣ, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“. (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во все мѣста Имперіи—семь рублей серебромъ.

„ТВОРЕНІЯ СВ. ОЦЕВЪ“.

Указомъ Св. Синода отъ 18—31 Іюля 1884 года выписка духовнаго журнала „Творенія Св. Отцевъ“ съ прибавленіями духовнаго содержанія сдѣлана обязательною для Академій и Семинарій и имѣющихъ достаточныя средства монастырей, соборныхъ и приходскихъ церквей Россійской Имперіи.

Творенія Св. Отцевъ издаются при Московской Духовной Академіи и выходятъ по четыре книжки въ годъ, изъ которыхъ въ каждой отъ 15 до 20 листовъ текста. Въ текущемъ году въ переводной части продолжается печатаніе твореній Св. Кирилла Александрійскаго. Въ прибавленіяхъ помѣщаются статьи, касающіяся ученія вѣры, христіанской нравственности и исторіи церкви и сверхъ того статьи критико-библиографическія.

Въ концѣ каждой книжки печатаются журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи.

Цѣна годоваго изданія въ Россіи пять рублей съ пересылкою; выписывающіе изданіе Твореній Св. Отцевъ за границу платятъ шесть руб. съ пересылкою.

Редакція проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ адресоваться въ Сергіевъ-посадъ, Московской губерніи, въ редакцію Твореній Св. Отцевъ.

Изъ редакціи Твореній Св. Отцевъ могутъ быть выписываемы слѣдующія отдѣльныя изданія:

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

Творенія Святыхъ: Ефрема Сирина 1—5 томы 7 р. 50 к., Василия Велікаго 7 томовъ 10 р. 50 к., Анастасія Александр. 3—4 т. 3 р., Григорія Нисскаго 8 т. 12 руб., Исидора Сирина 1 т. 2 р. 30 к., Кирилла Іерусалимскаго 1 т. 1 р. 50 к., Іоанна Лествичника 1 т. 1 р. 50 к., Нила Синайскаго 3 тома 4 р. 50 к., Исидора Пелусіота 3 т. 4 р. 50 к., Епифанія Кирійскаго 6 томовъ 9 р., Блаженнаго Теодорита 7 т. 12 р., Макарія Египетскаго 1 т. 2 р., Кирилла Александрійскаго 5 т. 7 р. 50 к.

Творенія Св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія за 1846 и 1847, съ 1852 по 1864 годъ включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886 и 1887 годы могутъ быть приобретаемы съ платою за каждый годъ изданія по 5 р. съ пересылкою. Прибавленія же отдѣльно отъ Твореній Св. Отцевъ съ 1844 по 1864 включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881 (два тома), 1882 (два тома), 1883 (два тома), 1884 (два тома), 1885 (два тома), 1886 (два тома) и 1887 (два тома) годы за каждый томъ по 4 руб. 50 коп. съ пересылкою.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

КРАТКІЙ КУРСЪ ЦЕРКОВНАГО ПРАВА

Православной Греко-Россійской Церкви,

съ указаніемъ главнѣйшихъ особенностей католическаго и протестантскаго церковнаго права,

составленный профессоромъ И. С. Бердниковымъ.

КАЗАНЬ. 1888.

Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Съ требованіями на книгу обращаться: въ Казани къ автору (Старо-Коммисаріатская улица, свой домъ),—въ редакцію Православнаго Собесѣдника и въ книжный магазинъ Алексѣя Андреевича Дубровина (Гостинный дворъ № 1).

Въ Петербургѣ и Москвѣ во всѣ книжные магазины.

Въ Харьковскую Епархіальную Книжную Лавку

(иже съ каждаго копья Казеннаго совора *)

И О С Т А В Л Е Н І Я В Ъ П Р О Д А Ж У К Н И Г И :

Библия церк. печ. въ 8 д. въ бум. 2 р., въ 18 д. въ бум. 1 р. 20 к., на Русск. яз. въ 16 д., въ бум. 2 р., Новый Заветъ въ 32 д. церк. печ. въ бум. 18 к., Новый Заветъ съ псалтырью въ бум. 25 к., Новый Заветъ съ указавелемъ въ 32 д. въ бум. 18 к., Евангеліе на слав. яз. въ 16 д. въ бум. 20 к., на русск. яз. въ бум. 35 к., на русск. яз. въ 32 д. въ бум. 8 к., Синаксарь Соборъ Архангела Гавріила 8 к., Ирмологій въ 4 д. въ бум. 1 р. 20 к., въ 8 д. въ бум. 50 к., Пятикостаріонъ въ 8 д. въ бум. 1 руб. 30 к., Послѣдованіе молебныхъ пѣній въ 8 д. въ бум. 56 к., Служебникъ въ 12 д. въ бум. 85 к., безъ наображеній въ бум. 75 к., въ 8 д. въ бум. 50 к., Тріодіонъ въ 8 д. въ бум. 2 руб. 75 к., Ирмологій нотнаго пѣнія въ 4 д. въ кож. 2 р. 30 к., Молитвословіе съ акаѳистами въ 32 д. въ бум. 20 к., тоже гражд. печ. 5 к., Молитвословіе сокращенный церк. печ. шегренев. цер. 17 к., въ бум. 12 к., гражд. печ. 18 к., Молитвы на сонъ урядущій гражд. печ. 5 к., Мѣсяцесловъ 20 к., Сборникъ молитвъ гр. печ. 8 к., Миссалъ чети въ 12 ч. въ бум. 12 р. 70 к., Пролокъ въ 2 ч. въ 6 р. 40 к., Полное собраніе сочиненій Тихона въ 5 кн. 5 р. 10 к., Толкованіе воскресныхъ Евангелій 2 р. 60 к., Толкованіе на псалтырь 2 р., Мѣсяцесловъ гр. печ. 60 к., Акаѳистъ св. Николаю чуд. гр. печ. 10 к., Записки на книгу Бытія 60 к., Житіе святыхъ: Александра Свирскаго 15 к., Антонія печер. 3 к., Арсенія вел. 3 к., Афанасія исповѣдника 8 к., Равноап. к. Владимира 10 к., Григорія двоеслова 2 к., Дмитрія Ростовскаго 6 к., Дмитрія Царевича 2 к., Евстафія Илакиды 2 к., Ефимія великаго 8 к., Елисея прор. 2 к., Ефрема Сириня 2 к., Исаакія Печерскаго 2 к., Іоанна Богослова 15 к., Іоанна лѣтвничника 2 к., Кассіана римлянина 2 к., Кирилла Вѣлосерскаго 3 к., Макарія Александрійскаго 2 к., Макарія Египетскаго 8 к., Макарія желтоподскаго 2 к., Марка Аѳинскаго 3 к., Митрофана Воронежскаго 17 к., Моисей Угрина 5 к., Никиты исповѣдника 3 к., Николы святоши 5 к., Павла Фивейскаго 2 к., Панфутія Боровскаго 4 к., Пахомія великаго 4 к., Поликарпа Смирнскаго 2 к., Прокпія вродиваго 2 к., Самсона страннопримца 2 к., Семеона Богопримца 2 к., Семеона вродиваго 15 к., Теодора стратилата 4 к., Теодора Тирона 2 к., Теодосія Печерскаго 3 к., Теофана исповѣдника 3 к., Анастасія 2 к., Афанасія игуменія 3 к., Евдокія муч. 4 к., Марія Египетскія 10 к., Теодоры 3 к., Агапія, Хіони и Ирины 2 к., Андріана и Наталія 2 к., Василия Амисійскаго и Стефана Пермскаго 4 к., Герасима, Павла и др. 5 к., Елизара и седьми братьевъ Макаевевъ и Соломонія 2 к., Зосимы и Саватія 4 к., Ефрема, Василия, Евгенія и др. 3 к., Исаи, Леонтія, Игнатія и Петра Ростовскаго 3 к., Кирилла Іерусалимскаго и Аниин монаха 2 к., Кондрата, Кипріана и др. 3 к., Константина и Елены 5 к., Козьмы и Даміана 2 к., Меодія и Константина 4 к., Михаила Черниговскаго и Теодора Боларина 2 к., Нифонта и Ефросинія 2 к., Онуфрія великаго и Петра Десондѣлскаго 4 к., Софронія Іерусалимскаго и Шенія Смирнскаго 3 к., Тихошевъ чтеца и Маври 2 к., Хрисанеа и Дарія 5 к., Теодора и Іоанна Вараговъ 3 к., Семи отроковъ 8 к., Четырдесяти мученикъ 2 к., Руководство къ богословію митроп. Макарія 40 к., Пространный катихизисъ 15 коп., Начатки христіанскаго ученія 9 коп., Учебный октоихъ 30 к., Псалтырь возслѣдованная въ бум. 4 р. 45 к., въ сафьян. 6 р. 20 к., Собраніе акаѳистовъ въ футл. 7 р. 50 к., Евангеліе славяно-русское въ бум. 35 к., Служебникъ въ бум. 1 р. 5 к., Часословъ въ бум. 30 к., Молитвословъ сокращенный гражд. печ. въ бум. 12 к., Сборникъ молитвъ на всякій день потребныхъ 12 к., Житіе св. Кирилла и Меодія 5 к., ихъ подвиги 3 к., Житіе святыхъ: Алексія человека Божія 2 к., Препод. Евдокія 3 к., Преп. Нестора лѣтописца 4 к., Преп. Антонія Печерскаго 4 к., Преп. Теодосія Печерскаго 5 к., Собраніе поученій св. Іоанна Златоустаго, томъ 1-й 1 р. 50 к., томъ 2-й 1 р. 75 к., Учебный Октоихъ 35 к., Іоанна вѣснолицца 2 к., Іустина философа 2 к.

* Иногородные адресуютъ въ Харьк. Епархіальный Книжный Комитетъ, прилагая на каждый рубль пересылочныхъ по 10 к.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году, по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№, или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ особый листокъ для Харьковской епархіи. Въ каждомъ изъ этихъ частей время будетъ приложено особымъ листкомъ, съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, въ которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатаннымъ въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Письма, деньги, конверты и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать во слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ здание Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакція~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Братировъ.